

АЛЕКСАНДР КАДЯТОВ
ВЫСТРЕЛ ПО «ЛЕДОКОЛУ»

КАК
**ВИКТОР
СУВОРОВ**
ПРЕДАВАЛ «АКВАРИУМ»

КОГДА ВРУТ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ

Автор книги — полковник запаса ГРУ Генштаба Вооруженных Сил РФ А. Кадетов прослужил в Вооруженных Силах России 40 лет, из них более 30 лет — в разведке.

Ветеран ВОВ, Вооруженных Сил России, Военной разведки ГРУ.

Три раза был в длительных зарубежных командировках на Западе.

Автор нескольких книг и научных монографий.

Личные данные и сведения о прохождении службы автора до сих пор не подлежат оглашению.

Имя бывшего разведчика ГРУ Владимира Резуна, выступающего под одиозным псевдонимом Виктор Суворов, стало скандально известным после выхода в свет книги «Аквариум». Что подтолкнуло нашего разведчика на предательство Родины? Какие тайны скрывал он не только от сокурсников по Суворовскому училищу, но и от своей семьи?..

Профессиональный разведчик Александр Кадетов, опираясь на богатый личный опыт, а также на материалы, полученные от бывших работников ГРУ, СВР, ФСБ и выпускников суворовских училищ, выдвигает свою версию о причинах измены Родине В. Резуна.

Настоящее издание книги дополнено автором новыми, ранее неизвестными материалами о жизни известного предателя, которые вызовут интерес не только у работников спецслужб, но и у широкого круга читателей.

- [КАДЕТОВ Александр](#)
 - [К читателю](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Перед отъездом](#)
 - [Отъезд](#)
 - [«Крыша»](#)
 - [Резидент](#)
 - [Проверка на вшивость](#)
 - [Тайник «пень»](#)
 - [По лезвию бритвы](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Встреча с резидентом](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Операция «Наполеон»](#)
 - [Шантаж](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [Приложение 1](#)
 - [Приложение 2](#)
 - [1. Кому он нужен?](#)
 - [2. Выбор лишь один](#)
 - [3. Упущенный шанс](#)
 - [4. Лже-«Аквариум»](#)
 - [5. Лже-«Ледокол»](#)
 - [6. Лже-«Очищение»](#)
 - [7. Автору «Последней республики»](#)
 - [Приложение 3](#)
 - [Приложение 4](#)
 - [ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ](#)

КАДЕТОВ Александр
Выстрел по «Ледоколу»
Как Виктор Суворов предавал «Аквариум»
(Когда врут учебники истории)

Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства, и проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело.

Н.В Гоголь «Тарас Бульба»

Книга Александра Кадетова «Как Виктор Суворов предавал „Аквариум“», вышедшая в 2002 году, быстро приобрела популярность у широкого круга читателей и стала бестселлером.

За короткий период времени она трижды переиздавалась и не залеживалась на книжных прилавках. Все тиражи были распроданы.

Книга известна за пределами России в странах СНГ, Израиле.

Её успех в правде. Люди поняли и убедились, что Резун не только продал, как Иуда, за тридцать сребренников Родину-мать, но и бессовестно клеветает в своих книгах на наш народ, который спас человечество от фашистской чумы.

На космодроме «Байконур» люди, прочитав книгу Александра Кадетова «Как Виктор Суворов предавал „Аквариум“», собрали книги предателя в кучу и сожгли их публично на площади.

Особенно широкий отклик книга Кадетова вызвала у военных, суворовцев всех поколений и, конечно, у профессионалов-разведчиков, а также у широкого круга читателей, любящих свою Родину. Автор получил десятки благодарственных писем со всех концов России и из-за рубежа, некоторые помещены в приложении к настоящему изданию.

Состряпанные спецслужбами Великобритании книги предателя Резуна, растиражированные «демократическими» средствами массовой информации, нанесли серьезный урон России.

Сегодня редко кто в России, да и во всем мире верит клевете предателя. Резун разоблачен, мифы лжеписателя умерли.

По достоверным сведениям, полученным Российской внешней разведкой от надежных источников в новой Кембриджской пятерке, стало известно, что мастера провокаций из СИС подыскивают нового «писателя»-предателя. Ему уже приготовлен псевдоним Виктор Кутузов. По замыслу провокаторов, он должен написать книгу, в которой расскажет, как Никита Хрущев якобы вынашивал планы сбросить пару водородных бомб на один вонючий остров и отправить всех его обитателей на дно морское кормить рыб.

Читатель, будь бдителен! Враг не дремлет.

Честный человек с тем и живет, чтобы иметь врагов.

Ф. М. Достоевский

В 1978 году находился в длительной заграничной командировке в одной из натовских стран. Рабочий день у разведчика за рубежом, как правило, начинался с просмотра иностранных газет. В посольствах для советских работников периодически устраивались обзоры прессы, на которых также коротко сообщалось о международных событиях. За мной тоже была закреплена одна из газет. Я должен был просмотреть ее, выбрав наиболее актуальную и важную информацию, а потом доложить собравшимся.

Помню, как-то, просматривая газету, я обратил внимание на короткое сообщение. Со ссылкой на какой-то английский источник сообщалось, что советский гражданин, бывший разведчик, офицер ГРУ Владимир Резун, работавший в Швейцарии в постоянном представительстве России в ООН, попросил политическое убежище в Великобритании.

Фамилия Резун мне ничего не говорила. Только страна, из которой исчез советский дипломат, Швейцария, наводила на мысль, что мы с ним из одного оперативного управления.

Через некоторое время я более подробно узнал от товарищей о предательстве нашего бывшего работника, а потом забыл об этом деле. Подобные случаи у нас в ГРУ в то время имели место крайне редко. О них не приняло было много распространяться.

И только в августе 1991 года, прочитав в «Литературной газете» отрывок из книги В. Суворова «Аквариум», я вспомнил ту заметку о перебежчике.

В коротком комментарии к отрывку «Литературка» сообщала, что Виктор Суворов — бывший советский военный разведчик, работал в Главном разведывательном управлении Министерства обороны СССР, на Родину не вернулся, стал «ушельцем», живет в Англии. Далее газета задавалась вопросом, соответствует ли то, что написал Суворов о подготовке разведчиков ГРУ, действительности. Что это — художественный вымысел или документальное произведение? С просьбой прокомментировать настоящую публикацию она обратилась в само Главное разведывательное управление, которое от официального комментария решительно отказалось.

В том же году повесть В. Суворова «Аквариум» была полностью опубликована в журнале «Нева».

Через некоторое время после публикации в «ЛГ» и «Неве» повесть прошла во многих изданиях, а на головы читателей, словно из рога изобилия, полились многочисленные комментарии на нее. Они, как правило, носили поверхностный, непрофессиональный характер, сбивая с толку читателя, создавая искаженный образ советского разведчика и разведки в целом, в той или иной форме оправдывая предателя.

«Нева» писала: «Автор, профессиональный разведчик, рассказывает о закулисной, черновой и порой весьма жесткой системе подготовки профессионального разведчика. Все это описано с детальным знанием дела...» Читатель только открыл первую страницу, а ему уже сообщалось, что все в ней изложено объективно и достоверно.

«Независимая газета» в своем коротком комментарии превратила бывшего капитана в полковника, вероятно, изо всех сил пытаясь придать его образу солидности. По мнению авторов публикации, Виктор Суворов, несмотря на измену, остался большим патриотом своей Родины и ГРУ.

В марте 1992 года в передаче «Совершенно секретно» показали интервью автора «Аквариума» польскому телевидению. В нем впервые предатель появился без камуфляжа. До этого он надевал парик, вероятно, боясь возмездия. За год до этого эфира, в марте 1991 года, телезрителям сообщалось, что автор «Аквариума» Виктор Суворов — бывший высокопоставленный работник ГРУ.

Но вот публикация одного солидного, некомпетентного товарища в «Комсомольской правде» сразила меня наповал. В интервью сообщалось, что полковник Виктор Суворов был резидентом и остался на Западе. Ну просто как в бессмертной комедии «Горе от ума»: «А мы с ней вместе не служили».

В действительности Резун не был ни полковником, ни резидентом. Он был рядовым оперативным офицером швейцарской резидентуры ГРУ в звании капитана.

В Польше повесть вышла двухмиллионным тиражом, информационно-издательское объединение «Демократическая Россия» старалось не отставать от польских коллег. «Аквариум» печатался огромными тиражами и буквально наводнил прилавки российского книжного рынка.

Во всех публикациях просматривались довольно четкие мировоззренческие позиции редакций, изданий, отдельных авторов. Тема советской разведки становилась модной и прибыльной для «демократических» СМИ. Кто только не писал на эту тему: дилетанты бакатины, бывшие советские разведчики-перевертыши Калугины, журналисты — «специалисты» по разведке, иностранцы. Если появляется вдруг хорошая правдивая книга на эту тему, написанная со знанием дела, то ее публикуют небольшим тиражом и стараются замолчать. Российские демократические издания охотно предоставляют свои страницы не им, а разведчикам-предателям.

Меня не сильно удивляло такое положение вещей. Прав был Ф.М. Достоевский, когда писал: «Во всякое переходное время поднимается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уж не только безо всякой цели, но даже и не имея и признаков мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение». Сегодня «эта сволочь» старается показать в средствах массовой информации прежде всего негативные стороны советской разведки, беря под защиту и оправдывая разных отщепенцев, перебежчиков, предателей, людей, случайно попавших в разведку. Гордиевский, Южин, Филатов, Поляков, Кузичкин, Резун предстают перед нами в роли узников совести, идеологических борцов. Какие же они предатели, если приближали «день победы демократии»? Они — герои.

Эта команда «передовых» растлила общественное сознание. Известный советский поэт Борис Олейник в своем памфлете «Князь тьмы», «посвященном» предателю Горбачеву, справедливо замечает: «Предательство стало нормой. И не только в нашей обгаженной стране. Страшно признаться, но дело повернулось так, что вся страна, все мы волей-неволей стали... предателями по отношению и к нашим друзьям в бывшем социалистическом содружестве, и в арабском мире. А теперь вот и по отношению к братьям-славянам. Долго же нам придется искупать грехи, прежде чем проданные и преданные разберутся, что к чему, и простят невинным».

Несмотря на то что канонические тексты Евангелия не дают ни малейшего повода для какой-либо реабилитации или переосмысления предательства Иуды, продавшего своего учителя за тридцать сребреников, некоторые борзописцы пытаются сегодня вытащить на свет старые трактовки талмудистов, в которых предательство рассматривается как необходимость, способствовавшая подвигу Христа.

Поэтому меня не удивила героизация предательства продажными СМИ, которые действовали точно по плану Аллена Даллеса.

Меня удивило, как российский читатель, самый читающий в мире, воспитанный на лучших традициях русской и советской классической литературы, мог поверить стопроцентной лжи о советской военной разведке.

Когда бесовщина перестройки вовсю гуляла по Москве, «Аквариум» работал на развал нашего общества, помогая пятой колонне в морально-

политическом обеспечении ее планов по ликвидации социализма в нашей стране. Книга пользовалась большим спросом у доверчивого читателя. Вероятно, работал принцип Геббельса: «Чем больше ложь, тем в нее больше верят, тем она действует сильнее».

В этом я лично убедился, проводя свой социологический опрос в транспорте, на улице, в других общественных местах, спрашивая читателей об их отношении к книге Суворова. Большинство опрошенных, в том числе и молодежь, отвечали, что они верят автору. Военные, особенно разведчики, как правило, нелестно отзывались о повести. Правда, находились среди них и такие, которые на мои вопросы о книге пожимали плечами и воздерживались от комментариев. Один полковник-юрист, кстати, бывший суворовец, учившийся в одной роте с Резуном в Воронежском суворовском военном училище, даже пытался меня убедить, что без суда нельзя вообще ставить вопрос о его виновности и называть его предателем.

Беседуя с читателями «Аквариума», я убеждался, к моему огромному сожалению, что повесть изменника действительно пользовалась популярностью у многих читателей и многие верили бессовестной лжи.

Я написал короткий отзыв на повесть Суворова и отнес его в редакцию «Литературной газеты». Естественно, что мне отказали в публикации. Я решил написать обстоятельную статью и на конкретных фактах показать читателям, очевидную для любого профессионала ложь о советской военной разведке. Мне удалось найти много материалов о самом Резуне, собрать мнения товарищей, которые его хорошо знали.

Будучи давнишним подписчиком журнала «Наш современник» и зная его патриотическую позицию, я отнес свою статью, естественно, туда. А куда я мог еще ее отнести? В бак-лановское «Знамя»?

Дожидаюсь приема у заместителя главного. Рядом со мной сидит прилично одетый, интеллигентного вида мужчина лет пятидесяти и дама средних лет в шляпе с вуалью. Невольно становлюсь свидетелем их разговора.

— Вы читали в «Неве» повесть Виктора Суворова «Аквариум»? — обращается женщина к моему соседу. — Нигде не могу достать. Говорят, бестселлер.

— Читал, конечно. Великолепно написано. И самое главное — все чистая правда.

Меня словно током ударило при этих словах. Подмывало вмешаться. Сдержался. Через несколько минут выяснил, что такую высокую оценку «Аквариуму» в моем присутствии давал маститый ученый-литературовед.

Сначала моей статьей заинтересовались и обещали напечатать. Шел 1992 год. Обстановка в стране была сложной. По всей видимости, и положение самого журнала было шатким. Еще не четко обозначились позиции различных общественных сил в стране. Многие колебались. Шатание и разброд царили в обществе. Большая часть народа, обманутая демагогией «демократов», шла у них на поводу. Неуклюжие действия гкачепистов только усугубили положение в обществе. Бесноватый Чубайс грозился загнать коммунистов в гроб и забить крышку, покончив с коммунизмом навсегда. Не все понимали, что так называемые демократы вели страну к гибели. Еще не оформился в реальную силу народно-патриотический фронт. По всей вероятности, не было в то время достаточно четкой позиции и у журнала «Наш современник».

В публикации мне отказали. И все же, несмотря на неудачу, я решил не останавливаться на полпути и разобраться в истинных причинах предательства Резуна, проведя собственное профессиональное расследование. Особенно меня задевал тот факт, что предатель Родины, как и я, бывший выпускник суворовского военного училища, бесстыдно присвоивший себе в качестве псевдонима фамилию великого русского полководца генералиссимуса А. В. Суворова. В моем сознании никак не укладывалось, как мог человек, с детства носивший военную форму, изменить, предать Родину, своих товарищей, родителей.

Прежде всего я обратился в ГРУ, в котором прослужил более тридцати лет. Казалось, это ведомство должно было быть заинтересовано в изобличении предателя. Оно располагало обширными материалами, чтобы поставить его к позорному столбу. Из личных бесед с товарищами, которые были связаны по работе с Резуном, я понял, что наши точки зрения совпадают. Все считали, что Резун — предатель, а среди суворовцев бытовало более суровое мнение: его надо поставить к стенке.

Я обратился к одному очень большому начальнику в ГРУ, в подчинении которого я служил много лет и который был прекрасно осведомлен о деле Резуна.

Генерал был не только прекрасным профессионалом, но и очень авторитетным человеком среди личного состава Главного управления. Один ценнейший агент ГРУ в своих мемуарах так писал о генерале: «Больше всего меня поражали в нем не профессионализм разведчика, а широкая душа русского человека». Так вот, когда я вскоре после выхода книги «Аквариум» обратился к нему с просьбой помочь мне в сборе материала, он поморщился, словно от причиненной ему физической боли, и сказал: «Стоит ли? Собака лает, ветер носит». Потом я неоднократно убеждался, что если вовремя не дать ей отпор, то собака может не только лаять, но и больно кусать.

В этот период измена в разведке — как в ГРУ, так и в КГБ — перестала быть редкостью. Предатели, словно крысы, бежали с тонущего корабля.

При Ельцине предателям вообще стало вольготно жить. Достаточно назвать, например, Чернова, который отделался только легким испугом и избежал сурового наказания. Некоторые из них после краткосрочного заключения спокойно выезжали за рубеж, где продолжают работать против России. И сегодня «демократические» СМИ в штыки встречают приговоры шпионам и предателям, стараются поднять общественное мнение, возбудить недоверие к армии и ФСБ, пытаются спасти шпионов, предателей и им подобных от справедливого возмездия.

В ГДР, по рассказам немецких товарищей, был случай, когда разведчика-предателя расстреляли на глазах сослуживцев, чтобы другим было неповадно.

Получалось так, что виновных в предательстве как бы не было. Во всем была виновата система.

Отбор в разведку страдал недостатком, слабо использовались превентивные меры, которые бы препятствовали проникновению в спецслужбы потенциальных предателей. Долгое время считалось, что использование детектора лжи при отборе аморально. Критерии отбора не удовлетворяли требованиям, предъявленным к работникам спецслужб. Пытались по указанию Ельцина выработать хоть какую-то национальную идею. Эту обязанность возложили на господина Сатарова, одного из глашатаев «демократии». Но попытка не удалась, на этом все и закончилось. Разве можно было создать для общества идеологию, если во главе государства находилась шайка бандитов и жуликов?

Вот как мне объяснял случаи предательства в ГРУ один известный генерал, принимавший активное участие в подготовке молодых офицеров-разведчиков в Военно-дипломатической академии Советской армии и неоднократно бывший членом мандатной приемной комиссии в академию. На мой вопрос, как же так могло получиться, что Резун, явно не удовлетворявший требованиям офицера-разведчика, попал в академию, генерал ответил: «Да, я согласен, что среди своих однокашников Резун отличался индивидуализмом и эгоизмом, непредсказуемостью поступков, самолюбованием и самовосхвалением. Вы можете спросить: „А как же человек с такими личностными качествами мог быть зачислен в особую академию?“ А ничего удивительного. В 70-е годы Управление кадров ГРУ возглавлял бывший работник Административного отдела ЦК КПСС генерал-майор, а затем генерал-лейтенант СИ. Изотов. Ежегодно он назначался председателем приемной комиссии слушателей в академию. Он протаскивал в нее сынков и зятьев полезных людей самым беспардонным образом, не считаясь даже с отрицательным мнением большинства».

членов комиссии. Так что Резун не исключение».

И еще об Изотове. Справедливость хотя и редко, но торжествует. Сей генерал оказался махровым взяточником. Он был выдворен из ГРУ и чуть было не попал под суд. Кто-то его спас. Кто спас? Спасли друзья со Старой площади. Имя генерала Изотова стало в ГРУ нарицательным.

Мои расследования продолжались. Я встречался со многими товарищами, которые учились с Резуном в Военно-дипломатической академии Советской армии, преподавателями, бывшими сослуживцами, работавшими с ним в Швейцарии, с офицерами оперативного и информационного управления ГРУ, работниками Службы внешней разведки, с контрразведчиками. Все они с пониманием относились к моему расследованию и старались помочь, чем могли.

В это время Резун не сидел сложа руки. Под руководством и при поддержке английской разведки он продолжал свою черную клеветническую пропаганду, издав еще несколько книг. «Демократические» средства массовой информации России продолжали использовать предателя в своей антироссийской кампании. Они всю старались, помогая Западу. Его книги по-прежнему публиковались большими тиражами, у него брали интервью многие газеты и журналы, с ним устраивались пресс-конференции. Профессионалам из ГРУ, СВР, ФСБ просто не давали слово, их мнение игнорировалось. По книге предателя «Ледокол» создали многосерийный телевизионный фильм, искажающий героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. На Украине серьезно заговорили о реабилитации предателя Резуна, превращая его в героя нации.

Областная украинская газета «Реалии» в 1995 году под заголовком «Почет автору „Ледокола“» опубликовала следующую заметку: «Известный на Украине писатель Сергей Носань предложил сделать почетным жителем Черкасс дважды приговоренного к расстрелу писателя Виктора Суворова (его настоящая фамилия Резун). Сергей Носань уверен, что в будущем именем Виктора Суворова на Украине будут названы и улицы, и библиотеки». Еще дальше пошли водной из средних школ Печерского района города Киева. Учительница предложила двенадцатилетним детям тему для сочинения: «Суд народа над Тарасом Бульбой». Дети добросовестно учили установку своей учительницы на «общечеловеческие ценности» и приговорили старого Тараса за умышленное и необоснованное, совершенное с особой жестокостью убийство своего младшего сына к смертной казни через повешение! Так перелицовывается историческая память. Особенно опасно это для подрастающего поколения.

Очень робко и крайне редко в СМИ звучала критика предательства. Как правило, статьи эти печатались в патриотических изданиях, выходящих небольшим тиражом. На телевизионные экраны иногда прорывался генерал ФСБ А. Здано-вич с критикой и разоблачением предателей в разведке. Появлялись материалы о предателях в газете «Новости разведки и контрразведки». Но газета была неизвестна широкому кругу читателей. В книге «Аквариум-2», вышедшей в 1997 году, бывший генерал ГРУ В.А. Никольский, великолепный и разведчик, и человек, дал отповедь предателю. Генерал Никольский пишет: «Мой „Аквариум“ не имеет ничего общего с резуновским. Это „Антиаквариум“, и не более того. Пусть люди читают и сравнивают, что написано у меня, а что у Владимира Резуна. Пусть думают и делают свои выводы».

Совсем недавно, в 2001 году, мне попалась книга стихов бывшего офицера ГРУ, несколько лет проработавшего в Швейцарии вместе с Резуном. Вот что он пишет в своем покоряющем силой чувства стихотворении «Лже-Суворов»:

Герой под пыткой палача
Изменой клятвы не нарушит.
Ты ж этим «увенчал»
Свою бессовестную душу.

Когда ты Родину предал,
Ища в тылу врага спасенье,
Уже Иудой ты стал,
Уже за это нет прощенья.

Когда «Аквариум» творил
И лгал без совести и чести,
Ты душу ложью отравил
И предал тех, с кем клялся вместе.

А сочиняя «Ледокол»,
Став предан Геббельсу без лести,
В грехах Иуду превзошел —
Живых и павших обесчестил.

Что представляешь ты собой.
Твои поступки показали —
Трус, лжец, разведчик никакой,
Не ты — тебя завербовали.

Цинизм твой трудно осознать:
Клятвопреступник, лжец, предатель —
Суворовым решился стать!
Будь трижды проклят,
Лжеписатель!

А вот как гнев суворовцев предателю выразил бывший выпускник суворовского училища кандидат технических наук, доцент, полковник в отставке Валентин Клементьев:

Пусть в туманных садах Альбиона
Для предателей создан уют.
Ждет их кара. Иуды-шпионы
От возмездия не уйдут.

Перебежчик из «Ледокола»!
По фамилии ты Резун.
У хозяев сидишь на приколе
Ты, Иуда, предатель, Лизун.

Презирает кадетское братство
Всех изменников-подлецов.
Патриотов роднит богатство:
Верность памяти павших отцов.

И все жди притворной кары.
Честь предавший за серебряный грош.
Ты загнешься смертельным ударом —
От судьбы-то ведь не уйдешь...

В одной из газет встретил даже такое мнение читателя Григория Файмана, обращенное к Главному разведывательному управлению. Пытаясь разобраться в вопросах предательства после крушения Советского Союза, он пишет: «Кем считать людей, начавших перестройку, участников совещания в Беловежской Пуще, членов парламента сентября 1993 года и полковника Главного разведывательного управления Баранова, завербованного ЦРУ и осужденного на днях за шпионаж и измену Родине к шести годам колонии строгого режима? А члены ГКЧП? Кто они?»

Я не собираюсь открывать философскую или юридическую дискуссию. Хочу заметить только, что вопрос о предательстве образца 1978 года можно пересмотреть в свете новых фактов и если не реабилитировать Виктора Суворова, то просить президента помиловать его. Пусть те, кто раньше времени вернулся в СССР или вышел на пенсию из-за него, считаются с ним „в частном порядке“, только не до смерти. Его энергия, мозги, знания здесь гораздо нужнее, чем там. Лучше, если с подобной инициативой выступит само ГРУ, так и не определившее внятно свое отношение ни к нему, ни к его книгам. Во всех отзывах чувствуется какая-то двойственность.

Если „Аквариум“ неверно представил ГРУ всему миру, то где тот „Террариум“, написанный внутри ГРУ для всех, прочитавших книгу Суворова? Людей талантливых, умных, пишущих там не меньше, чем в других разведках».

Есть над чем задуматься. Упрек читателя «Аквариума», на мой взгляд, серьезный и справедливый. Я в полной мере отношу его и к себе лично. Мое расследование зашло в тупик. Было собрано много фактического материала, но мне захотелось докопаться до самой сути, довести дело до логического конца, шаг за шагом проследить путь Резуна к измене. Выяснить действительные мотивы предательства. Английская разведка СИС и сам перебежчик, естественно, помалкивали об этом, хотя средства массовой информации периодически возвращались к этой наболевшей теме и публиковали различные версии.

К тому времени у меня тоже сложилась определенная версия. Но для ее обнародования требовались веские аргументы, основанные на реальных фактах, такие, которые помогли бы разоблачить Резуна окончательно. Мне очень хотелось вывести его на чистую воду.

Я проанализировал все версии, которые заявляли о своем праве на существование, и постарался дать им свою беспристрастную оценку.

Сначала я рассмотрел версию самого Резуна. Хотя она и не может рассматриваться как серьезный аргумент, все же для соблюдения полной объективности я предоставил ему слово.

Во-первых, для меня сразу стало очевидным, что тема предательства беспокоит Резуна чрезвычайно. Хотя в многочисленных интервью и книгах он неоднократно говорит о своем «уходе на Запад», а не об измене Родине. Собственно, вся повесть «Аквариум» и служит оправданием предательства. Вот что он сам пишет: «Но на один вопрос я обязан ответить сам себе: бегу я, потому что ненавижу систему давно, я всегда был против нее, я готов был рисковать своей головой ради того, чтобы заменить существующую систему чем угодно, даже военной диктатурой. Но если бы система мне на хвост не наступила, я бы не убежал. Но в данный момент я просто спасаю свою шкуру». Ещё до «Аквариума» в книге «Советская военная разведка», вышедшей на английском языке в Лондоне в 1984 году, Резун, пытаясь оправдать свое предательство, писал: «Когда я работал в ГРУ, у меня было две дороги: либо покончить жизнь самоубийством, либо бежать на Запад, объяснив себе расхождение с коммунистами, а затем покончить с собой. Я избрал второй путь, который ничуть не легче первого, это мучительный путь.

И если кто-либо из сотрудников ГРУ сейчас стоит перед той же дилеммой — бежать или оставаться, — я советую ему обдумать свое решение сотню и сотню раз. Если он намерен бежать на Запад, мой ему совет — не делать этого. Его поступок подпадает под статью 64, его ждет постыдный ярлык — „изменник“ и мучительная смерть, возможно даже на самой границе. Я могу дать только один совет — не уезжать. Не уезжать до тех пор, пока не будешь уверен, почему делаешь этот шаг. Если ты хочешь легкой жизни — не делай этого... Только в том случае, если ты знаешь, что у тебя нет иного выхода, если ты считаешь своих лидеров преступниками, если сам ты не желаешь быть преступником — тогда уезжай».

Во всех этих рассуждениях о предательстве четко проводится мысль, что предательство можно оправдать, если предадут то, что ненавидят, и борются за то, что любят. Удобная формула предательства.

В своем последнем интервью Михаилу Гофману («Московские новости» номер 14 от 3–9 апреля 2001 года) свой уход на Запад Резун объясняет уже несколько по-другому: «Начальник наломал дров. Ушел старый шеф, а пришел новый — дурак полный. Когда старый уходил, он говорил, что или здесь будет самоубийство, или кто-то уйдет. Так и вышло. У нового были слишком большие связи наверху, на уровне Брежнева. Его брат был помощником генерального секретаря. Там было таких трое — Александров, Цуканов, Блатов. Он был братом Александрова, никогда не был за границей, а чтобы двигаться дальше, ему нужна была запись в аттестации о работе за границей. Послал генерала Александрова сразу в Женеву, а он полез в дела, в которых ничего не понимал... Я обеспечивал начальника. Он шел на агентурную связь, а я его вывозил. Так он сразу свалил все на меня, что я, дескать, не обеспечил. Передо мной встала дилемма: или я стреляюсь, или иду на „конвейер“. За чужую вину меня бы стерли в порошок».

Аргументы Резуна противоречивы, наивны и не могут быть признаны вескими. Они рассчитаны на доверчивого неосведомленного читателя. Резун путается, не помнит, что говорил раньше, противоречит сам себе. И все же в одном он прав: его бывший начальник генерал Александров, партайге-носсе, ставленник Старой площади, был совершенным профаном в разведке. Любому разведчику ГРУ хорошо известно, что ни Резун, ни его шеф Александров ни в каких агентурных операциях участия не принимали. Оба они в разведывательном отношении были два сапога пара. Центр никогда бы не поручил Александрову проведение серьезной агентурной операции. Поэтому очевидно, что никакой дилеммы перед Резуном не стояло. «Конвейер, стереть в порошок», — все это плод его большой фантазии, а скорее всего намеренная ложь.

К тому же в ГРУ никогда даже за серьезные operative ошибки и промахи никого в порошок не стирали, ни на какой конвейер не посылали. Советская разведка была самой гуманной в мире. Может быть, кто-то усомнится в этом, после того как столько помоев вылито на нее в «демократических» средствах массовой информации.

Приведу несколько высказываний выдающихся разведчиков-иностранцев, сотрудничавших с советской разведкой.

Хайнц Фел ьфе, проработавший в течение двенадцати лет в западногерманском ведомстве Гелена, в своей книге «Мемуары разведчика» писал: «Что касается тех, кто многие годы поддерживал связь со мной, то это очень хорошо образованные и подготовленные офицеры. Советские товарищи значительно облегчили тяжесть моей работы в ФПГ благодаря не только профессиональным, но чисто человеческим качествам. Особенно ярко это проявилось, когда я был арестован и оказался в тюрьме. Было предпринято все, чтобы облегчить мою участь в заключении, чтобы позаботиться о моей старой матери. Мои советские товарищи добились, чтобы меня освободили. И сейчас, оглядываясь назад, я ни минуты не сомневаюсь, что правильно поступил, поручив свою судьбу моим советским друзьям». Другой выдающийся разведчик Джордж Блейк в своей книге «Иного выбора нет» рассказывает: «Я восхищался русскими людьми, их великодушием и щедростью, мужеством в борьбе против завоевателей». Гуманизм советской разведки отмечают многие, кто связал с ней свою судьбу. Ей всегда был чужд принцип западных разведок: «Использовал — выбросил».

Версия, которую высказал в 1993 году на страницах «Независимой газеты» бывший начальник направления ГРУ капитан первого ранга В.П. Калинин в статье «Кто вы, капитан Резун?», показалась мне более серьезной. Он считает, что у Резуна не было ни идеологических, ни материальных причин для ухода. Вот что он пишет: «В общении с товарищами и в общественной жизни (Резун) производил впечатление архипатриота своей Родины и вооруженных сил, готового грудью лечь на амбразуру, как это сделал в годы войны Александр Матросов. В партийной организации среди товарищей выделялся своей чрезмерной активностью в поддержке любых инициативных решений, за что получил прозвище — Павлик Морозов, чем очень гордился. Служебные отношения складывались вполне благоприятно: незадолго до исчезновения был повышен в дипломатическом ранге с атташе до третьего секретаря с соответствующим повышением оклада, в порядке исключения срок пребывания был продлен еще на один год. По окончании командировки Резун знал, что его использование планировалось в центральном аппарате ГРУ.

Почему Резун оказался по другую сторону линии фронта? Недовольство существующим политическим строем, господством коммунистической партии? Не подходит для Павлика Морозова. Отсутствие патриотизма, любви к своей Родине? Нельзя согласиться. Неудовлетворенность служебным положением? Исключается. В свои 28 лет окончил два высших военных заведения, и для него открывалась перспективная карьера в центральном аппарате ГРУ. Финансовые затруднения? В 30 лет уже третий секретарь, жена работает в представительстве, трехкомнатная квартира, автомашина. Отклонения в нормах поведения, психики, чрезмерные увлечения? Ничего подобного не отмечалось, внешне и внутренне выглядел как преданный партии и воинскому долгу офицер. В Военно-дипломатической академии Советской армии имел только положительные характеристики, только с положительной стороны зарекомендовал себя на практической работе в штабе военного округа и в разведаппарате ГРУ в Женеве. Никаких сигналов по линии 3-го Управления КГБ СССР (военная контрразведка) и Управления „К“ КГБ СССР (контрразведка ПГУ — Первое главное управление) не поступало. Опять тот же вопрос пятнадцатилетней давности: почему не вернулся? Нельзя же принять всерьез его версию о том, что он бежал на Запад по политическим причинам, из-за неприятия коммунистической системы.

Со своей стороны, как человек, хорошо знакомый со всеми обстоятельствами так называемого „Дела Резуна“ и лично его знавший, полагаю, что в его исчезновении замешаны английские спецслужбы. . .»

Капитан первого ранга Калинин — лицо не только потерпевшее, но и заинтересованное. Безусловно, Калинин видит в Резуне предателя Родины и никаких скидок ему не делает. Но, по его словам, измена — это не добровольный выбор предателя. Во всем виноваты английские спецслужбы. Украли человека — и дело с концом. Получалось, что, кроме жестоких коварных англичан, виновных нет. За рубежом при желании можно было украсть не только рядового работника, но и посла. Мыв качестве ответной меры могли тоже украсть у нас в Союзе какого-нибудь англичанина.

Эта версия, по всей видимости, устраивала и самого Калинина как начальника направления, и руководство ГРУ. Конечно, она заслуживает внимания и, по всей вероятности, содержит долю правды. Но возникает закономерный вопрос: почему украли именно Резуна, а не кого-то другого? Калинин, безусловно, прав, что за всем этим стояли английские спецслужбы. Но сам же он характеризует Резуна как патриота, любящего свою Родину. А иностранная разведка, как правило, не любит подходить с вербовочными предложениями к патриотам, она ищет антиподов патриотов, космополитов, людей западной ориентации. Патриотизм, любовь к Родине не совместимы с предательством. Что-то здесь не так. Концы с концами не сходятся. Совершенно непонятно из объяснений Калинина, почему Центр за несколько дней до исчезновения Резуна дал команду прекратить его контакты с английским журналистом Фурлонгом. По словам Калинина, анализ этих встреч показал, что в этом поединке силы были неравными. Какой анализ? Что насторожило Центр? Не объясняется. Калинин не видит мотивов предательства Резуна. И неудивительно, потому что мотивы эти не лежат на поверхности. Калинин оперирует той информацией, которой он на тот период располагал.

Слабость версии Калинина в том, что в ней много недосказанного, оставшегося за кадром. Возможно, это была намеренная попытка скрыть свои просчеты в руководстве резидентурой, по старой доброй русской традиции не выносить сор из избы.

В «Независимом военном обозрении» (номер 38 за 2000 год) капитан первого ранга в отставке В. П. Калинин, возвращаясь к теме предательства, высказывает, на мой взгляд, интересную мысль. Он пишет: «Докладывая Начальнику ГРУ генералу Ивашутину П. И. о причинах предательства Резуна и необходимых мерах по исключению подобных фактов в будущем, автор данной статьи в качестве одной из них указал на отсутствие в ГРУ своей контрразведывательной службы». По его мнению, этот факт привел к тяжелым последствиям для ГРУ в случаях предательства Пеньковского в 1961 году и Резуна в 1978 году.

О версии Калинина я беседовал как-то с моим бывшим начальником — генералом, о котором упоминал выше. Генерал был уже серьезно болен, но, несмотря на это, не отказал мне во встрече. Генерал, как и Калинин, придерживался мнения, что Резун подвергся шантажу со стороны английских спецслужб. Для этого, по его мнению, были и причины. Он не исключал, что в качестве компромата могла быть использована женщина, которую подставила СИС, — излюбленный прием английской разведки. По его мнению, Резун колебался. Генерал сообщил, что Резун в оперативном плане был абсолютным нулем и ни в каких агентурных операциях не участвовал.

Еще одно любопытное мнение высказал бывший работник ГРУ. Знакомство Резуна с англичанином Фурлонгом вызвало определенный интерес в Центре, прежде всего у руководства направления, которое возглавлял Калинин. Поступавшая от англичанина информация оценивалась положительно. Оценочный ажиотаж в те времена кружил некоторым голову и только портил дело. Резидентура, возглавляемая Александровым, также возлагала надежды на англичанина, планируя в дальнейшем его агентурную разработку. Генерал, не имея опыта вербовочной работы, торопил Резуна, стремясь форсировать работу с источником, требовал поспешить с вербовочным предложением англичанину. Однажды вот этот

самый рядовой оперативный офицер на участке, анализируя встречу Резуна с Фурлонгом, не увидел перспектив разработки англичанина и выступил против зачисления его в число разрабатываемых. Начальник направления прислушался к его мнению и занял отрицательную позицию по этому вопросу.

После ухода Ельцина страна облегченно вздохнула, ситуация начала постепенно меняться к лучшему, появилась надежда, что России наконец-то удастся подняться с колен. Поприжали хвост и распоясавшимся «демократическим» СМИ, открыто выступавшим в качестве пятой колонны Запада. Тема патриотизма наконец зазвучала, правда, пока еще робко. Общество стало более серьезно и вдумчиво относиться к высказываниям «демократов».

Совершенно неожиданную, сенсационную версию «Дела Резуна» высказал в своей недавно вышедшей книге «Годы в большой политике» бывший директор Службы внешней разведки (СВР) России Е.М. Примаков. Автор ссылается на совершенно надежный, по его мнению, источник КГБ, который информировал о вербовке Резуна английской разведкой. Вот как, по версии Примакова, происходило все дело.

«Вот, например, история предательства Резуна, с делом которого в архиве СВР я познакомился.

В конце мая 1978 года советская внешняя разведка получила сообщение своего источника в британских спецслужбах (теперь об этом можно уже сказать) о том, что в течение года английская разведка через свою швейцарскую резидентуру и с использованием специально направленных в Швейцарию сотрудников центрального аппарата ведет работу с завербованным ею сотрудником ГРУ в Женеве.

Все началось с его обращения в июне 1977 года в офис одного английского издателя в Женеве, являвшегося агентом британской разведки (СИС), с просьбой подобрать для него литературу по последним разработкам в области вооружений. Он объяснил свой интерес тем, что публикует материалы по военной тематике в специализированных журналах, получая значительные гонорары. Воспользовавшись таким поворотом в разговоре, английский издатель предложил Резуну „с такой же целью“ дать сведения о советских танках. Советский дипломат согласился на их публикацию за соответствующее вознаграждение, но без ссылки на источник.

Получив эти данные, СИС решила вести дело к вербовке. Агенту поручили продолжить работу с нашим гражданином, доставить ему необходимую литературу, при этом всячески поощряя его к передаче сведений англичанам. Такая работа проводилась в течение еще нескольких встреч сначала в кафе и ресторанах, а затем на квартире женщины — агента британских спецслужб. Встречи на квартире легендировались якобы заинтересованностью Резуна (англичане уже предполагали его принадлежность к военной разведке) приобрести у дамы стереосистему.

Знакомясь с делом Резуна, я не мог не удивляться, с какой скрупулезностью наш источник информировал о мельчайших подробностях вербовочной работы, осуществляемой СИС. Только на пятой встрече агент-издатель сказал Резуну, что его информация высоко оценена и ему полагается вознаграждение. Тот пришел в большое волнение, заявил, что нуждается в деньгах и готов дать другие сведения на тех же условиях. Англичане решили, что настало время подключить к делу сотрудника-профессионала, и командировали в Женеву опытного разведчика, владеющего русским языком.

На состоявшейся встрече, организованной все тем же агентом, Резун признался в принадлежности к ГРУ, назвал свое воинское звание — капитан — и согласился сотрудничать с СИС.

Любопытно, что, несмотря на его разглагольствования о несогласии с режимом, утверждение о том, что отец и мать его были якобы репрессированы, британская разведка на основе изучения его личности пришла к четкому убеждению: основным мотивом его сотрудничества является материальная выгода.

Полученные сведения не вызывали ни грана сомнений в их достоверности. От этого же источника наша внешняя разведка получила полный список тех сотрудников СИС, которые работали по Резуну. Однако поскольку сведения были получены от особо оберегаемого источника, подключать к работе с ними можно было только очень ограниченный круг. Но дело было не только в этом. Речь шла о сотруднике ГРУ — другого разведывательного ведомства, и нужно было тщательно продумать согласование всех необходимых мероприятий. Не исключая, что согласованию мешала существовавшая некоторая разобщенность между двумя нашими спецслужбами.

Так или иначе, но 8 июня 1978 года Резун связался со своими хозяевами из британской разведки, обрисовал ситуацию таким образом, что находится на грани провала, и был вывезен с семьей через аэропорт в городе Базеле в Великобританию.

Наш источник сообщил, что уход Резуна не привел СИС в уныние. Весь период сотрудничества с англичанами Резун постоянно боялся разоблачения, опасался досрочного отзыва в Москву за бездеятельность (он даже оказался неспособным реализовать предложение англичан помочь ему в вербовке иностранца для повышения престижа в резидентуре ГРУ)».

Вот так, по версии Примакова, проходила разработка и вербовка Резуна английскими спецслужбами. Эту версию выдвигает не кто-нибудь, а бывший разведчик номер один и ссылается на ценнейшего агента в сердце СИС. Это уже не шутка. Ну что же, мне, бывшему рядовому работнику ГРУ, полковнику в отставке, прослужившему много лет за рубежом «на холоде», «в поле» (так разведчики называют свою работу за рубежом), остается снять шляпу и признать эту версию как окончательную, неоспоримую и совершенно доказанную. Нет, мне все же ближе формула Карла Маркса: «Подвергай все сомнению». Да и самому господину Примакову, как бывшему члену Политбюро ЦК КПСС, бывшему коммунисту с солидным партийным стажем, эта формула, наверное, не претит. Однажды, выступая по телевидению, он даже признал, правда, как-то словно стесняясь, вскользь, что закон единства и борьба противоположностей не так уж и плох.

Несколько слов о версии Примакова. Хотелось бы кое в чем не согласиться с ней. Уж больно просто англичане вербуют разведчика из ГРУ, по-детски. Хотя, в общем, я не отрицаю такую примитивную схему, когда сам вербуемый лезет в петлю, напрашивается в агенты. Возникают следующие возражения. Анализ открытых изданий, которые Резун получал от англичанина Фурлонга, показывает, что они не представляли для ГРУ серьезного интереса. Англичане, если они вели разработку Резуна, могли ему подбрасывать и более ценные материалы. Резун, в свою очередь, не обладал какой-либо ценной информацией по советским танкам. Он знал на память тактико-технические характеристики наших танков се-ми-восьмилетней давности. Никакими документами, представляющими интерес для англичан, он не располагал. Конечно, англичане могли и туфлю представить как якобы для них ценный материал, чтобы заманить, втянуть разведчика в игру. Известны также случаи, когда в разведке пустышек выдавали за ценных агентов. Резун не мог бояться и досрочного отзыва из страны за бездеятельность, как утверждает Примаков. За успешную работу его командировка была продлена на один год, для него открывались хорошие перспективы в работе в аппарате ГРУ, и он об этом знал. Финансовых затруднений не испытывал. Он получил повышение, став третьим секретарем посольства.

Обо всем этом пишет его бывший начальник направления В.П. Калинин. Здесь в версии Примакова явная нестыковка. Если Резун к моменту своего исчезновения уже год, как утверждает Примаков, работал на англичан, то как объяснить, что в его квартире было все перевернуто вверх дном? Кроме того, соседка Резуна по квартире, как стало сейчас известно, была сотрудницей КГБ и слышала шум, крики, борьбу у соседей в ту ночь. Почему она не предупредила о побеге? Почему в квартире оставлены все ценности, документы? И если уж до конца быть точным и скрупулезным в фактах, как положено разведчику, то мне неизвестно, что Резун утверждал, что его отец и мать были якобы репрессированы... Откуда Примаков взял это? Отец Резуна прошел всю войну, был ранен и контужен, честно служил Родине.

По утверждению Примакова, их ценный агент был в СИС или имел доступ к делу Резуна, к которому был допущен очень ограниченный круг лиц из английской разведки. По всей вероятности, после публикации Примакова не представляет большого труда его вычислить. Подобные случаи известны в разведке очень хорошо. Например, болтовня Хрущева и Киссинджера привела к разоблачению ценнейших агентов. И, пожалуй, самое удивительное: ПГУ КГБ получает достоверную информацию от своего источника о вербовке офицера ГРУ и скрывает её, не сообщает об этом. В 1978 году начальником Первого Главного управления КГБ СССР был очень добросовестный честный человек Владимир Александрович Крючков. Думается, такая важная информация от агента немедленно докладывалась начальнику разведки. А Крючков, несомненно, должен был довести ее до сведения председателя КГБ, в то время этот пост занимал Андропов. Выходит, Андропов или Крючков не сообщили эту информацию начальнику ГРУ П.И. Ивашутину. Не хочется этому верить. Зная о предательстве Резуна, КГБ должен был информировать службу безопасности КГБ в Швейцарии, чтобы та не спускала с него глаз и не дала ему уйти на Запад.

И последнее. Несколько странным кажется, что спустя почти четверть века вдруг обнаруживается, что КГБ СССР располагал информацией о некоторых «фротах» в ГРУ, но почему-то не сообщал об этом. Так, по утверждению Л.В. Шег баршина (в то время заместитель резидента КГБ в Дели), у КГБ были определенные подозрения относительно Полякова во время его работы в Индии. Странно, что подозрения эти подтвердились лишь спустя двадцать лет, когда Полякова выдал сотрудник ЦРУ Олдридж Эймс. И вот Примаков пишет о предательстве Резуна и сообщает, что КГБ, оказывается, знал о предательстве до его ухода на Запад.

Хотелось бы узнать, что КГБ СССР доложил в Политбюро ЦК КПСС по поводу предательства Резуна. Скромно умолчал, наверное, что им было все известно о предателе. И вот новая сенсация. В газете «Новости разведки и контрразведки» (декабрь 2001 года, номер 23–24) со ссылкой на статью Эрика Лахтбалу в «Лос-Анджелес тайме» сообщается, что бывший советский агент американец Ханссен признался в суде, что он за восемь лет до ареста генерала Полякова передал КГБ сведения о нем.

Конечно, ко всем подобным публикациям в иностранной прессе надо относиться с определенным скепсисом, но держать в уме.

В ходе своего расследования я пришел к выводу, что ни в одной из перечисленных версий правда до конца высказана не была по двум основным причинам: недостаток фактической информации и отсутствие ведомственной заинтересованности в установлении истинных мотивов предательства. Одно ведомство не желало выносить сор из избы и показывать свои просчеты и ошибки, которые, несомненно, были. Другое ведомство не хотело признаваться, что прощляпило, так как кое-какие настораживающие моменты, по всей вероятности, имелись.

Настоящую правду знает сам Резун и его покровители из английских спецслужб. Но тайное, как известно, становится явным.

Я думаю, с помощью многих моих помощников мне удалось проникнуть в тайну, которая разоблачает истинное лицо предателя, грязные методы работы английской разведки и, к великому сожалению, увидеть наши ошибки и просчеты. Надеюсь, что после публикации книги у многих писак из пятой колонны пропадет интерес героизировать предателя Резуна, а читатель перестанет верить предателям Родины, грех которых не прощается и не искупается.

Но для этого читатель должен набраться терпения и прочитать книгу до конца, чтобы узнать настоящую правду, основанную на надежных источниках, документах, в том числе иностранных.

Автор выражает благодарность за ценные сведения, предоставленные документы и помощь в работе над рукописью бывшим воспитанникам Воронежского суворовского военного училища, ветеранам и действующим работникам ГРУ, СВР, ФСБ, а также некоторым зарубежным товарищам.

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ

Иудин грех не прощается.

Предательство в человеческом обществе известно с незапамятных времен. В Библии мы встречаем упоминание о предательстве в самых различных вариациях. С момента грехопадения, с того момента, как человек поддался соблазну, он встал перед выбором между добром и злом.

В натуре человека, вероятно, самой природой заложен соблазн совершения нечестных поступков, маленьких или больших; соблазн, который при тех или иных обстоятельствах может привести к предательству.

В жизни всегда есть место для подвига, но существует и обратная сторона медали — есть место и для совершения нечестных поступков, проявления трусости, которые при определенных обстоятельствах могут привести и к предательству.

Может быть, Иисус Христос сам, сознательно, подвергал своих учеников различным испытаниям на верность своему учению.

Каким образом человек становится на путь измены, предательства? Что лежит в основе предательства? Какова анатомия предательства? В чем глубинные причины предательства? Лежат они в области физиологии и психики человека или в социальной, общественной сфере? Предателями становятся или ими рождаются?

По всей вероятности, нет однозначных ответов на эти сложные вопросы, потому что человек — это великая тайна, и разгадать ее до конца нам не дано.

«По плодам их узнаете их», — говорится в Библии. Но иногда, вероятно, яблоко может и далеко откатиться от яблони. Иначе как же понимать, что у гоголевского Тараса Бульбы один сын — герой, а другой — предатель? Далеко он откатился от яблони — от могучего Тараса Бульбы. Почему?

Жизненный опыт подсказывает, дает основания с большой степенью достоверности утверждать, что предателями и становятся и, к великому сожалению, ими иногда рождаются. Даже великие знатоки человеческих душ Шекспир, Данте, Гете, Достоевский, Гоголь — не дают исчерпывающего ответа на этот сложный вопрос. Предательство, безусловно, во многом зависит от стабильности общества, от его здоровья и благополучия, нравственной и моральной чистоты. Наверное, можно утверждать, что предательство есть функция от нечестности, трусости, зыбкости веры, отсутствия твердых идеалов. Можно составить такую триаду: нечестность — трусость — предательство.

Утверждение, что предателями иногда рождаются, может показаться крамольным, невероятным и вызвать возражение и протест у некоторых читателей.

И, пожалуй, это справедливо, потому что такое утверждение не укладывается в сознание нормального человека, кажется, противоречит здравому смыслу. С таким утверждением просто не хочется соглашаться. Да и как человек разумный — «гомо сапиенс» — может согласиться, что люди могут рождаться предателями! Нонсенс?!

Представьте себе, что нечто подобное услышал бы в свое время Горбачев, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, или генерал Власов перед началом Великой Отечественной войны, получив накануне за заслуги воинское звание генерал-лейтенант и орден Ленина, или Ельцин, когда был первым секретарем Свердловского обкома КПСС. Какой гнев у этих иуд вызвало бы такое вольное, немарксистское толкование предательства. Но «Сократ мне друг, а истина дороже», утверждал Аристотель.

Поэтому беспристрастно мы вынуждены констатировать, что предательство в человеке может быть от рождения. Оно может до поры находиться в зачаточном состоянии и проснуться от воздействия каких-то внешних обстоятельств, а может так и остаться в эмбриональном виде, и человек проживет спокойно и достойно до конца дней своих.

Действительно, случись так, что генерал Власов в начале войны служил бы в Генеральном штабе Красной армии в Москве, а не командовал бы армией под Старой Руссой и не попал бы в окружение к немцам. Такое вполне могло быть. И Власов избежал бы пленения и, как знать, может быть, закончил бы войну маршалом Советского Союза. Но у человека всегда есть выбор в любой жизненной ситуации. Генерал Карбышев, как и Власов, попав в плен во время войны, предпочел смерть предательству. Он был не одинок в своем героическом поступке. Тысячи и тысячи советских воинов предпочитали смерть предательству. 19 апреля 1942 года в окружении под Вязьмой, будучи ранен, во избежание плена покончил с собой командующий 33-й армией генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич. В Вязьме стоит ему памятник.

Или Горбачев, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, провозгласив перестройку, социализм с человеческим лицом, вдруг отдал бы богу душу в 1985 году и переселился бы в мир иной. Ведь в таком случае ЦК КПСС в те времена принял бы постановление похоронить выдающегося деятеля Советского Союза и международного коммунистического движения на Красной площади, рядом с Мавзолеем В.И. Ленина.

Будущий иуда, лучший немец, нобелевский лауреат, проклятый впоследствии всеми народами бывшего СССР, который, по собственному признанию, ставил перед собой цель развалить великую державу, стал бы героем России, окажись в других обстоятельствах.

Древние монголы считали, что предательство передается по крови. И если в роду кто-нибудь совершал предательство, то уничтожался весь род. Жестоко и, наверное, несправедливо.

В трудные смутные времена великой истории России всегда появлялись у нас разные людишки, которые выдавали себя за передовых, новаторов, перестройщиков. На самом деле эта сволочь поднималась в переходное время, как мутная пена на поверхность, будоражила общество, становилась предателями.

Князь Курбский предал царя Ивана Грозного и Отечество, переметнулся к Сигизмунду, к полякам и литовцам; гетман Мазепа, предав царя Петра I, сбежал к шведскому королю Карлу XII. На этом предательстве стоит остановиться отдельно.

В конце 1698 года Петр I учредил орден Святого апостола Андрея Первозванного, «дабы взирая на сии явные знаки милости и преимуществ, ободрить и других к храбрым и верным услугам и протчим подвигам в военное и мирное время». Имя ордену было выбрано в память легенды из Начальной русской летописи о первых проповедях христианства при путешествии святого Андрея по Днепру, Ловати и Волхову в Балтийское море.

Избрав девизом ордена слова «За веру и верность», Петр вручил первый крест на голубой ленте генерал-адмиралу и фельдмаршалу Федору Алексеевичу Головину. Сам государь стал только шестым кавалером, приняв награду в 1703 году, после того как во главе бомбардирской роты захватил два шведских военных корабля в устье Невы. Одновременно с царем получил андреевский орден и Александр Данилович Меншиков.

Вторым кавалером стал в 1700 году любимец Петра, украинский гетман Иван Степанович Мазепа, «в воздании заслуг, оказанных им в течение тринадцати лет на военном поприще, в войну с турками и крымским ханом». Все попытки близких к царю людей раскрыть глаза на предательство гетмана кончились неудачей, а Василий Леонтьевич Кочубей заплатил за это жизнью. Петр был глубоко убежден в верности Мазепы и думал, что совершил строгое, но вполне справедливое дело, предавая пыткам и даже казни доносчиков, покушавшихся оклеветать его

испытанного слугу.

Узнав, что Мазепа «переметнулся» к Карлу XII, Петр пришел в такое бешенство, что в самые напряженные дни подготовки к Полтавской битве слал в Москву гонца за гонцом, торопя изготовить и доставить ему «орден Иуды» — огромную двенадцатифунтовую медаль с цепью. На ней был изображен повесившийся над рассыпанными сребрениками хриstopродавец и выбиты слова «Трекляг сын погибельный Иуда еже за сребреники давится».

После победы в Полтавском сражении Меншиков получил строжайший приказ догнать и схватить предателя, но выполнить его не сумел — Карл XII и Мазепа ускользнули от русских отрядов и бежали в Турцию. Желание казнить предателя было так велико, что вопреки своей обычной скупости Петр предложил турецкому муфтию триста тысяч талеров, если тот убедит султана выдать беглеца. Но сделка не состоялась, а Мазепа вскоре скончался от страха возмездия, так и не отмеченный еще одним царским «орденом».

Петровский «орден Иуды» сохранился и ждет своего незадачливого кавалера.

Но такого, когда почти что все Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем и большей частью коммунистов сбежало, побросав свои знамена, партийные билеты, предав весь советский народ, сменив веру и идеалы в одночасье, в мировой истории не случалось. По свидетельству американского политолога Дэвида Дюка, крупнейшим предательством в американской истории считается предательство президента США Линдона Джонса, когда он в 1967 году во время израильско-арабского конфликта не принял меры по спасению американского разведывательного корабля «Либерти», атакованного израильтянами. Президент, как пишет Дюк, заботился больше о сохранении отношений между Израилем и Америкой, чем о защите жизней американских граждан. Он дал команду вернуть спешившие на помощь американским морякам самолеты. В результате 171 американец был ранен и 31 погиб. Такова была цена предательства американского президента.

Разве можно себе представить, например, что православный русский царь Иван Грозный вдруг сменил бы веру и принял бы иудаизм или ислам или президент Рейган стал бы коммунистом? Нет, такого не могло произойти.

Советская элита, начиная с Хрущева и кончая Ельциным, никогда по-настоящему не верила в идеалы коммунизма. У нее не было твердого мировоззрения, твердой национальной идеи. Атеизм превращал советскую элиту в бездуховных людей и обрекал ее на неизбежную гибель.

Гитлеровская элита служила человеконенавистнической идее фашизма. И когда эта фальшивая идея рухнула под мощью Красной армии, идеологи национал-социализма поступили достойно, если применительно это слово к фашистам. Они предпочли покончить с собой, но не отступили от своей ложной идеи. Несмотря на всю отвратительность фашизма, большинство его идеологов поступили в согласии со своими взглядами и идеалами. Они не перекарасились в другой цвет, как сделала это коммунистическая элита с Горбачевым во главе. Главари нашей коммунистической партии: Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин и компания быстренько сменили веру, превратились в социал-демократов, правозащитников, демагогов всех мастей, националистов.

Истоки предательства советских руководителей КПСС кроются в существенном отличии западных руководителей от советских. В чем оно заключается? Для этого рассмотрим и сравним некоторых советских и западных руководителей в исторической перспективе. Рассмотрим такие ряды: Сталин — Хрущев — Брежнев — Андропов — Черненко — Горбачев — Ельцин и т. д. Черчилль — Рузвельт — Аденауэр — Тэтчер — Коль — Рейган — Буш — Олбрайт и т. д.

Все эти ряды взяты условно, и их можно было бы дополнить другими фамилиями наших и западных руководителей. Что бросается в глаза при рассмотрении этих рядов? С уверенностью можно утверждать, что Сталин, Черчилль и Рузвельт — это равнозначные фигуры. В советском ряду только Сталин был до фанатизма предан идеалам социализма и ненавидел капитализм всеми фибрами своей души. Остальные советские руководители были далеки от идеалов социализма. В буржуазном ряду все приведенные руководители до мозга костей приверженцы идеалов Запада, махровые антикоммунисты и русофобы, ненавидящие СССР и отдавшие все свои силы, чтобы уничтожить социализм.

И. В. Сталин был ортодоксальным коммунистом, то есть человеком, последовательно и твердо претворявшим в жизнь идеи социализма. Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль были не менее твердыми и последовательными приверженцами и защитниками капитализма.

В этом главное, существенное отличие наших бывших руководителей КПСС от западных и в этом кроется одна из основных причин предательства руководства КПСС. Если же мы рассмотрим ряды советских разведчиков-профессионалов, работавших «в поле», и западных разведчиков, то увидим другую картину. Наши советские военные разведчики ГРУ и разведчики КГБ ни в чем не уступали своим западным оппонентам в преданности идеалам своей страны. Мы ни в чем не уступали западным разведчикам: ни в идейной стойкости, ни в профессионализме. Советская разведка была основана на более гуманных принципах, поэтому имела определенные преимущества перед капиталистической разведкой, которая для достижения своих целей использовала любые методы и способы. Бывший начальник разведки ГДР Маркус Фольф в интервью газете «Известия» в августе 2001 года так выражает эту мысль: «И все же главных успехов наша служба добивалась там, где была идейная основа сотрудничества».

В трудные для страны времена предательство, в какие бы одежды оно ни рядилось, всегда остается предательством, самым отвратительным на свете, не подлежащим прощению грехом.

Некоторые бывшие высокопоставленные работники КГБ пытаются сейчас в многочисленных мемуарах объяснить задним числом случаи предательства в разведке, особенно в период горбачевской перестройки и ельцинизма.

В своих объяснениях некоторые мемуаристы хотят убедить читателя, что идеологических предателей у нас в разведке не было. Дескать, все предатели из КГБ, а их было довольно много, предавали Родину не по идеологическим мотивам, а по «прозаическим», бытовым причинам. При этом уважаемые авторы не хотят замечать, что все «прозаические» мотивы есть производные от идеологических, мировоззренческих причин.

Вот что пишет в своей книге «Разведка: лица и личности» бывший высокопоставленный работник КГБ СССР генерал-лейтенант в отставке В. А. Кирпиченко: «Во всех известных случаях предательства никаких идеологических мотивов не просматривается. Причины его самые прозаические и низменные: казнокрадство и, как следствие, вербовка иностранной спецслужбой на основе компрометирующих материалов, бегство от больной жены, уход от семьи с любовницей, пьянство и деградация личности на этой основе, трусость, проявленная при столкновении с иностранной спецслужбой, патологическая жадность к деньгам и вещам; половая распущенность, боязнь ответственности за промахи в служебной деятельности, бездушное или неприязненное отношение к своим ближайшим родственникам и даже желание отомстить своему начальнику ценой собственной измены».

Как видно из перечисленного списка негативных качеств предателей из КГБ, отбор в спецслужбу хромал на обе ноги.

У иностранных граждан, в том числе разведчиков, в капиталистическом мире этих негативных качеств было и есть еще больше, чем у бывших советских граждан. Но вот парадокс, почему-то они к нам в таких количествах не приходили. Почему? Что их сдерживало?

Интересно было бы послушать бывшего генерала КГБ Кирпиченко, как он объяснил бы сегодня суперпредательство Горбачева, Яковлева и К? Они какие — идеологические или «прозаические» предатели?

Вот как объяснялись причины предательства в разведке, когда господин Примаков возглавлял Службу внешней разведки России.

15 апреля 1992 года на брифинге СВР было объяснено об уходе на Запад еще одного Владимира, на этот раз Коноплева, офицера СВР, работавшего первым секретарем посольства России в Брюсселе. Сразу после ухода Коноплева несколько граждан СНГ были объявлены персонами нон фата. По поводу очередного предательства в разведке Татьяна Самолис, пресс-секретарь директора СВР, сообщила: «Мы не отрицаем того, что Коноплев ушел (заметьте, ушел, а не предал или сбежал. — А.К.) и связал свою будущую работу (просто перешел с одной работы на другую. — Л.К.) с американскими спецслужбами. Есть основания считать, что поступок его продиктован материальными соображениями. Например, он мог поехать в отпуск, увидел обстановку здесь, и...» («Независимая газета» от 15.04.92).

Прочитав этот детский лепет, советский разведчик глазам своим не поверил. Ведь Татьяна Самолис выражала мнение руководства внешней разведки России. Вероятно, с ее выступлением на брифинге предварительно ознакомился и одобрил его сам Примаков. По этой теории, удобной для руководства СВР, выходило, что завтра может убежать на Запад половина личного загрансостава внешней разведки России и стать предателями, и не с кого будет спросить. Все взятки будут гладки. Оправдание готово, оно на блюде — тяжелое материальное положение разведчиков. Оставалось отменить отпуска разведчикам СВР, находящимся в загранкомандировках, чтобы не убежали.

Удобно, конечно, все валить на наши экономические трудности, а не искать главных причин.

Забывают бывшие высокопоставленные руководители разведки, оторвавшиеся от народа, что не хлебом единым живет человек.

Еще одно модное объяснение предательства в разведке дал бывший партийный босс, несостоявшийся милиционер, выдававший американцам государственные секреты, Бакатин.

На вопрос, как, мол, станет ли их (предателей) в нынешнее смутное время больше, он уверенно, не моргнув глазом, ответил, что, конечно, план по перебежчикам будет перевыполнен. Раньше, дескать, служили идее, теперь ее нет («Правда» от 21.01.92).

«Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты» — гласит древняя мудрость.

О Бакаatine, который заявил, что пришел разгромить КГБ, у Примакова свое особое мнение: «К Владимиру Бакатину я отношусь хорошо. Считаю его честным и порядочным человеком, в чем открыто расходился со своими новыми коллегами в руководстве ПГУ. Кстати, он искренне, хоть и наивно думал, что, передавая США, с согласия руководства (кого, Примаков не уточняет. — А.К.), схемы прослушивающих устройств, заложенных в бетонированные плиты здания их нового посольства в Москве, получит в ответ американские схемы и все это послужит установлению новых отношений. Но американские партнеры ограничились благодарностью». Надо же, какая святая наивность!

Примаков умалчивает, что передача американцам секретных схем «честным и порядочным» Бакаатиным повлекла за собой провал нашей агентуры в ряде стран и тем самым нанесла ущерб и моральный, и материальный нашему государству. Александр Проханов в своей недавно вышедшей книге «Господин Гексоген» о предательстве Бакатина пишет: «Когда Ба-катин, предатель вонючий, сдал американцам посольство, наши технари рыдали, потому что в каждом кирпичике было спрятано оборудование на миллионы рублей».

Известно, что рыба начинает гнить с головы. Подавляющая масса советских и российских разведчиков всегда служила верой и правдой и продолжает служить своему Отечеству, своему народу. И как бы разведку всевозможные теоретики, диссиденты системы ни пытались деидеологизировать и деполитизировать, ничего у них из этого не выйдет.

Ни один здравомыслящий разведчик не может согласиться с этими разрушающими российскую разведку взглядами.

А если правящая идеология расходится с национальными интересами страны? Как в этом случае должен действовать разведчик?

«В действительности, — как очень метко подметил бывший генерал КГБ Вячеслав Широнин в своей книге „Под колпаком контрразведки“, — никакой деидеологизации не было, а под этим лозунгом происходила замена одной идеологии на другую — социалистической на капиталистическую. Это вообще было одной из самых характерных черт перестройки — извращались термины и понятия, махровая демагогия служила прикрытием для разрушения великой державы. Для меня не составляло секрета, что эта дымовая завеса демагогии, созданная с помощью СМИ, является одним из тайных приемов зарубежных спецслужб». Вот так относились и относятся к де-политизации и деидеологизации настоящие разведчики, патриоты своей Родины.

Поэтому все, кто предлагал и предлагает нам деполитизацию и деидеологизацию, намеренно или по недопониманию служат Западу, помогая ему до конца разрушить Россию и превратить ее в сырьевой придаток.

Без идеологии человек превращается в наемника, в робота, в солдафона. Разведчик вообще не может быть без идеологии. От безыдейности и аполитичности до предательства один шаг.

Во всех странах, прежде всего в США, стараются укрепить идеологическую составляющую в разведке, отобрать в разведку людей, безотчетно преданных идеалам своего государства. Поэтому в ЦРУ кандидата в разведку изучают глубоко и долго, прежде всего обращая внимание на то, чтобы у него до пятого колена не было никого с коммунистической идеологией, русофильскими взглядами и симпатиями к России. Из ста кандидатов отбирают только одного. Им нужны люди, свято верящие заветам А. Даллеса.

«Перестал существовать раздел мира на две системы, — утверждает академик Е. М. Примаков в своем предисловии к „Очеркам истории Российской внешней разведки“, — следовательно, исчезла почва и для детерминированных постоянных противников». С этим никак нельзя согласиться. Раздел мира продолжал существовать, противоречия с развалом социалистической системы в мире не устранились, они только углубились и обострились. Остались и постоянные противники, просто противник стал сильнее и врагов у нас значительно прибавилось. И правильно предупреждал русский царь Александр III, что у России нет настоящих друзей, кроме своей армии. У нас есть только враги. Эта формула верна и сегодня. Дело в том, что некоторые константы во взаимоотношениях между Россией и Западом не подтверждены временем, они вечны. Это прежде всего вера. Православная вера, ее нравственные ценности сегодня и на протяжении веков были главным противником Запада.

Именно она является основным противоречием между иудо-протестантским и православным мировоззрениями. Коммунизм, исповедовавший атеизм, был всегда в стратегическом плане на руку врагам православия, западному миру. Коммунизм с идеей атеизма был обречен на поражение с его возникновением, с зародыша. Необходимо было только время, чтобы он рухнул. И оно пришло. Хотя следует заметить, что у истоков коммунистического учения, Томаса Мора и Кампанеллы, атеизм отсутствовал.

Идею атеизма, безбожия в Россию подбросили предтечи сионизма. В «Энциклопедии сионизма в Израиле» можно найти следующие откровения: «Пионер современной теории социализма, социальной философии и предтеча сионизма Моисей Хэсс был, таким образом, предтечей политического и культурного сионизма и социалистического сионизма в особенности. Карл Маркс и Фридрих Энгельс признавали, что они многое почерпнули у него в течение созидательных лет коммунистического движения...» Сионисты всюду разрушают религии народов, сохраняя при этом беззаветную веру в свою избранную религию — иудаизм.

В связи с теорией академика Примакова о деполитизации и деидеологизации российской разведки возникает законный вопрос: как сегодня отбирать людей в разведку, какие принципы и критерии положить в основу отбора?

В Соединенных Штатах Америки в настоящее время повысились требования к кандидатам, претендующим на работу в разведке, большее значение стало придаваться идейному фактору, преданности американским идеалам, интеллектуальному развитию, знанию русского языка.

Нацеленность на вербовку является характерной чертой процесса подбора, подготовки и использования кадров ЦРУ.

Бывший сотрудник ЦРУ Э. Эйджи в своей книге пишет: «Длительная программа испытаний для поступления в ЦРУ настолько трудная, что почти 99 процентов поступающих отпадают». Проверка службой безопасности ЦРУ занимает шесть месяцев (никаких родственников коммунистов, никаких родственников в Восточной Европе, никаких сексуальных извращений и т. д.). В общем, можно заключить, что те, кто принимается на службу в ЦРУ, имеют интеллектуальные способности значительно выше средних, хорошую физическую подготовку, проявляют заметный интерес к политике, умение отстаивать свои взгляды и стремление участвовать в формировании политики. Как раз то, что нам не рекомендует делать академик Примаков.

В настоящее время испытания на полиграфе введены в качестве обязательного мероприятия при приеме на работу в американскую разведку и рассматриваются руководством ведомства как один из важных показателей проверки политической надежности кандидата.

В США отбор в разведку, как следует из вышесказанного, довольно прост. У них две основные правящие партии: республиканская и демократическая, которые в идейном отношении не отличаются друг от друга. Обе партии приверженцы капиталистической системы, американских идеалов глобализации. Они ненавидят социализм и православие.

При нашей многопартийности и отсутствии национальной идеологии любой гражданин России практически имеет право работать в разведке. У нас ведь демократия.

Представим себе, что в заграничной резидентуре сегодня работают разведчики, исповедующие различные взгляды, от левых — коммунистических до правых — буржуазных, капиталистических. Что из этого получится, легко себе представить. Разведчик из СПС или «Яблока» очень легко найдет себе друзей среди иностранцев, взгляды которых сойдутся, они быстро подружатся. Иностранные спецслужбы быстро найдут пути-дорожки к нашим правым. Представители СПС будут сотрудничать с иностранными спецслужбами на идейной основе и будут самыми верными и надежными агентами. «Яблочники» перед их вербовкой поломаются, поторгуются, разведут демагогию и пойдут на сотрудничество. ЛДПР и «Отечество» скорее пойдут на доверительные связи «во благо Родины». Ребята, сочувствующие КПРФ, или ее члены окажутся настоящими патриотами России, которые сохранят славные традиции советской разведки.

Если такая многопартийная схема начнет работать при отборе в российскую разведку, то предательство действительно перевыполнит все бакалинские планы, оно расцветает пышным цветом и удивит ещё мир.

Глава 1

ПРОЩАЙ, ОТЧИЙ ДОМ

Береги честь смолоду, а одежду снову.

Пословица

В 1956 году «великий реформатор», волонтерист и необразованный человек, вознесенный волею судьбы, а скорее всего дьяволом к высотам государственной власти, начал своими неумелыми реформами крушить созданное предыдущими поколениями: необдуманно сокращать великую Советскую армию, резать военные боевые корабли на металл, уничтожать авиацию, увольнять тысячи офицеров. Он хвастливо обещал советским гражданам к 1980 году построить коммунизм и показать по телевидению последнего попа. Коммунизм он не построил, последнего попа не показал, но закрыл и разрушил сотни храмов. Под сокращение попало много офицеров, прошедших Великую Отечественную войну, а ведь многим из них оставалось дослужить до пенсии всего несколько лет, а некоторым — даже месяцев. Без гражданских специальностей и образования они были буквально выброшены на улицу. В военкоматы полетели гневные письма от высококлассных специалистов, которым пришлось уже в зрелом возрасте заново приобретать профессию, приспосабливаться к совершенно новым для них условиям жизни. Большинство из них были уже семейными людьми, имели детей.

Видно, история мало чему нас учит. Новые «реформаторы» продолжают корезить наше государство, а потом оправдываются: «Хотели как лучше, а получалось как всегда...» А по-другому и не могло получиться, потому что Черномырдины недалеко ушли в своем развитии и образованности от Хрущева.

Богдану Васильевичу Резуну повезло: он под общую метлу не попал, остался в армии, ему дал и дослужить до пенсии. Отменный служака, фронтовик, член КПСС, много лет пробыл на Дальнем Востоке, в Приморье, под конец службы перебрался поближе к своим родным местам — на Украину, в город Черкассы, где и осел с семьей. Уволившись в запас в звании майора, стал работать директором 3-го объединения кинотеатров, получил двухкомнатную квартиру-хрущобу на улице Советской недалеко от центра города. Война и тяжелые послевоенные годы не позволили Богдану Васильевичу иметь высшее военное образование и продвинуться по службе, но он всю жизнь честно и добросовестно служил Родине. Всегда живо интересовался военными вопросами. Не реализовав полностью свои возможности и способности по службе, мечтал майор выучить сыновей Александра и Владимира, дать им хорошее образование, чтобы они продолжили его дело: стали офицерами Советской армии, верными защитниками социалистического Отечества.

В 1958 году такой случай представился. Один его близкий армейский друг сообщил, что проходит набор мальчиков в Воронежское суворовское военное училище, и посоветовал устроить туда сыновей. Отец обрадовался представившемуся случаю и повез ребят в Воронеж.

Владимир на всю жизнь запомнил, как долго ехали они в тесных вагонах до Воронежа с многочисленными пересадками. Потом от вокзала на трамвае номер 3 по Чернавскому мосту через речку Воронеж, приток Дона, над поймой реки по дамбе на Придачу (район Воронежа, расположенный на окраине города, где находилось с 1943 по 1963 год Воронежское суворовское военное училище). Пока ехали на трамвае к училищу, Владимир обратил внимание на непривычный для его уха местный говорок пассажиров. То там, то здесь слышалось «бегуть», «идуть».

Стоял юнец августа. Город утопал в зелени. Но буйство природы не могло скрыть страшных ран минувшей войны. Воронеж был разрушен так же сильно, как Сталинград.

Лучшую, неразрушенную часть города правительство в 1943 году отдало суворовцам. Вот так партия и правительство в тяжелые годы войны заботились о подрастающем поколении, о детях, чьи отцы сражались и гибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Училище было хорошо обустроено. Первым его начальником стал генерал-майор Баланцев Владимир Васильевич, боевой заслуженный офицер. Он окончил Псковский кадетский корпус, хорошо знал и понимал суворовскую жизнь, заложил славные традиции и оставил о себе добрую память.

В то время, когда армии вермахта стояли у стен Сталинграда и Ленинграда, а большая часть территории нашей страны стонала под сапогом фашистов, молодой энергичный генерал Баланцев уже собирал опаленных войной ребят в чудом уцелевших стенах училища.

Суворовское училище занимало довольно большую территорию, огражденную кирпичным забором с КПП. Училище представляло собой комплекс двухэтажных зданий из красного кирпича дореволюционной постройки, в которых размещались учебные корпуса, административные здания, столовая, пекарня, санчасть. Училище имело два летних лагеря — в селе Чертовицкое на реке Воронеж и в селе Семилуки на Дону.

Владимир не очень хорошо помнил, как сдавал экзамены, проходил медицинскую комиссию. В конце концов он был зачислен в 5-й класс Воронежского суворовского военного училища. А брату Александру не повезло, ему по каким-то причинам было отказано в приеме. Отец повез мальчишку, обливавшегося слезами, домой в Черкассы.

Так началась совершенно новая для Владимира Резуна жизнь — воспитанника суворовского училища.

Всех новобранцев подстригли «под Котовского», после бани переодели в новенькую суворовскую форму. Старшина-каптенармус Алферов, гвардейского роста, косая сажень в плечах, выдавал новенькое обмундирование. Мальчишки с восторгом вертелись перед зеркалом, не узнавая себя. Каптенармус с каждым занимался отдельно, подгоняя обмундирование. Вскоре между собой суворовцы стали ласково называть его Алферищ. Выдавая обмундирование, он часто отпускал различные шутки, рассказывал забавные истории. Вообще Алферищ запомнился многим суворовцам своей добротой, отеческой заботой, отзывчивостью, веселым нравом. Даже окончив училище, многие из них, посещая альма-матер, заходили к нему в каптерку, чтобы вспомнить былое, а иногда и опрокинуть рюмашку за встречу.

— Никак не могу подобрать для тебя сапоги, — говорил Алферищ, обращаясь к Володе Резуну. — У меня нет таких маленьких сапог, да и попа у тебя, как у нашей уборщицы, в брюки не лезет. Придется из-за тебя на склад ехать. Ты, хлопец, наверное, весь в «сую» пошел.

Старшина не ошибся, как в воду смотрел.

Сердце мальчика наполнилось радостью, когда он увидел себя первый раз в большом зеркале в суворовской форме: в черных с красными лампасами брюках, гимнастерке с красными погонами, в фуражке. Почему-то ему в тот миг страшно захотелось, чтобы его увидел вот так в этой военной форме его любимый дед Василий.

Взводом, в который был зачислен Володя, командовал майор Топорков. Помощником командира взвода потом был назначен суворовец Анатолий Ворончук, прекрасный и верный товарищ, с которым Владимир Резун близко сошелся и даже одно время дружил. Командиром роты был подполковник Полежаев по кличке Проф. Первым взводом командовал майор Сероус, третьим взводом — майор Пуцдин.

Первые три-четыре года в училище пролетели незаметно. Мальчишки, многие из которых успели познать всю горечь послевоенного

лихолетья, отгаивали на глазах. На лицах появлялись улыбки. Учебка шла своим чередом. Незаметно суворовцам прививались военные навыки. Они ходили строем, бегали кроссы, играли в футбол, занимались гимнастикой, плавали, а в летних лагерях совершали походы, работали в колхозах, помогали убирать урожай. Но их не только муштровали и тренировали. На летние каникулы многие суворовцы ездили к родителям, их часто отпускали в увольнение в город, а вечерами показывали кинофильмы. Руководство училища понимало, что должно не только закалить ребят физически и нравственно, но и сделать их жизнь полнокровной и интересной.

К воинским порядкам Володя привыкал легко. Он был дисциплинированный, послушный, исполнительный мальчик. С детства Владимир жил с отцом в военных гарнизонах на Дальнем Востоке и всегда мечтал стать военным. Хуже обстояло дело с учебой, особенно с русским языком и литературой. Сильно мешала его речь, пересыпанная украинскими словечками и фонетическими отклонениями от норм русского языка. Ему часто доставалось на орехи от всеми любимой преподавательницы русского языка и литературы М. М. Колясинской. Она иногда зачитывала перед классом выдержки из его опусов, пыталась исправить ошибки, помочь. Многие его однокашники были с Украины, но они легко смогли отделаться от своего фонетического недостатка, но почему-то Резуну это никак не удавалось.

Заметный след в душе Владимира Резуна оставили годы юности. Этот период жизни, совпадавший с переломным моментом в истории Родины, он пережил тяжело.

После смерти И. В. Сталина и выступления Хрущева в 1956 году с разоблачением культа личности вождя в стране начались необратимые процессы, которые в дальнейшем привели к гибели великой державы — СССР. Во времена так называемой хрущевской оттепели в стране, особенно среди интеллигенции, появились шустрые молодые люди, которые, как поганки, высыпали после обильного дождя. В свои шестнадцать-восемнадцать лет они уже начинали планировать свои пятьдесят: как, когда и на ком жениться, куда пойти учиться, когда вступать в партию. Откуда и почему они появились — задача для будущих исследователей истории. Позже эти молодые люди станут диссидентами, западниками, космополитами, правозащитниками, агентами влияния, предателями, просто бесами, разрушителями нашего государства. Все будет именно так, как предсказал Федор Михайлович Достоевский в своем гениальном произведении «Бесы».

Вся эта мразь, эта пена заполнит коридоры Старой площади, превратится в партийных боссов, проникнет во все структуры нашего общества. Именно они откроют шлюзы для зловещих крестоносцев Запада, именно они станут растлителями и соблазнителями советских людей, пятой колонной в зловещих планах Даллеса, стремившегося разрушить нас изнутри. Ржавчина незаметно проникнет в поры всего общества, превратится в коррозию системы. И Комитет государственной безопасности, главной задачей которого было сохранение конституционного строя нашего государства, не справится с этой задачей.

Суворовские училища, несмотря на свою закрытость от общества, не остались в стороне от перемен. Новые веяния проникли и в их стены. Наша дубовая пропаганда не могла хотя бы здесь поставить надежный заслон. В суворовские училища шли уже не дети войны или сироты. Суворовцами становилась уже другая молодежь, частично пораженная метастазами больного общества.

Перемены чувствовались и в Воронежском суворовском военном училище. В нем тоже появились свои стилиаги, законодатели мод в ношении военной формы, прическах, поведении. Они ушивали брюки до «дудочек», укорачивали гимнастерки, по-особому носили фуражки. Во взводах появились неформальные лидеры, стала процветать дедовщина, о которой раньше никто и понятия не имел. И хотя в своей основе суворовские коллективы были здоровые, но, как говорится, одна паршивая овца может все стадо испортить.

Некоторые проделывали со своими прическами невероятные вещи. Суворовец Бычков по кличке Бычок в укладке коротких волос достиг невероятного мастерства, стал мастером-парикмахером. Он свои жидкие от природы волосенки превращал только ему известным способом в модный кок. Некоторые пытались командовать Бычковым. Коля Ряхин — деревенский веснушчатый паренек — иногда поднимал бедного парикмахера с кровати после отбоя и заставлял делать ему кок. Бычок послушно вставал и шел в хозкомнату, в которой Ряхин садился на табуретку перед зеркалом, а Коля накрывал его простыней, как в парикмахерской, и начинал колдовать.

Но не только Бычков и Ряхин так пристально следили за своей внешностью. У некоторых воспитанников уже появился первый пушок на верхней губе, кое-кто стал бриться, увлекаться женским полом, обращать внимание на свою внешность. Первая любовь, увлечения, стихи, дружба, переписка с любимыми, танцы, страдания, ревность.

В училищах устраивались вечера с приглашением школьниц из городских женских школ. Суворовцы сами посещали женские школы по приглашениям, ходили на танцплощадки в городские парки. Случались столкновения с гражданскими ребятами, которые заканчивались откровенными драками. Стычки, как правило, возникали из-за девочек.

Володя хорошо помнил, как однажды осенью 1962 года в училище прибежал суворовец из увольнения и крикнул, что на танцплощадке в городском саду «наших бьют». Что тут началось! Как по команде, три старшие роты высыпали за забор училища. Построились, стихийно возник какой-то митинг. На митинге нашлись и ораторы. Запомнился всем выступавший черноволосый Юрий, который призывал к немедленным действиям в защиту суворовской чести. Три суворовские роты без командиров двинулись бегом к городскому парку на танцплощадку. На ходу сняли ремни, намотав их на руку и готовясь употребить в качестве оружия бронзовую пряжку. Окружили танцплощадку, приготовились к бою. Но, по всей вероятности, оперативно сработала военная комендатура и милиция; танцплощадка была блокирована плотным кольцом солдат и милиционеров, поднятых вовремя по тревоге. Побоище было предотвращено, и суворовские роты вернулись в свое расположение остывшие, несолоно хлебавши.

Столкновения между гражданскими и военными, а также между курсантами военных училищ после войны были не редкостью в различных городах Союза. Вероятно, выплескивалась нереализованная энергия войны, особенно у той части молодежи, которая не успела по возрасту принять участие в настоящих боевых действиях и понюхать пороха. В городах, где были военные училища, возникали иногда стычки между пехотинцами и артиллеристами, танкистами и моряками. Пустьяковые разборки на танцах из-за девушек могли спровоцировать серьезную драку. Такие потасовки иногда, когда комендатура не успевала вовремя вмешаться, могли заканчиваться плачевно.

Резун хорошо помнил, как он, возбужденный, бежал вместе со своей ротой по городскому саду. Еще немного, и они врежутся в толпу гражданских парней и начнут их крушить своими металлическими пряжками. Молодая горячая кровь кипела в жилах, застилала рассудок. Этим молодым образованным ребятам в тот миг было невдомек, что перед ними были не фашисты, не враги Отечества, а простые заводские русские парни, многие из которых хлебнули горя в своей жизни значительно больше, чем они, суворовцы, но им просто не повезло: государство не смогло в должной мере их обогреть, обути, одеть, накормить, дать образование.

Эти годы для взрослого Резуна были сложными и даже мучительными. Небольшого роста, пухлый, рыхлый, он стал предметом насмешек и издевательств со стороны некоторых ребят, которые в шестнадцать лет вымахали под метр восемьдесят и больше. Владимир отставал в физическом развитии, поэтому чувствовал себя слабым и униженным. Многих его однокашников удивляло, что при виде крови или во время прививок и профилактических уколов Резун мог запросто упасть в обморок, словно кисейная барышня. Комплекс неполноценности довлел над ним. Он страдал от своих физических недостатков. Иногда по ночам, укрывшись с головой одеялом, плакал. Хотя среди суворовцев было не

принято насмехаться над недостатками товарищей, в коллективе находились те, кому законы были не писаны. Анатолий Ворончук часто вставал на защиту Резуна.

Однажды в роте появился Васька Беспалов по кличке Бес. Он вполне оправдывал свое прозвище. Будучи физически здоровым, крепким, от природы нахальным, Беспалов вел себя, как вор в законе. Сколотил банду подпевал-«шестерок», старавшихся во всем ему угодить. Особенно старался Пашка Косых — рыжий, шустрый, хитрый мальчишка. Его родители жили недалеко от училища на Придаче, и он часто бегал домой в самоволку. Шайка Беспалова терроризировала одно время всю роту.

Суворовцы стали замечать, что у них исчезают личные вещи из тумбочек в спальном комнате. В те времена многие родители имели возможность присылать своим детям деньги, и те приобретали для себя кое-какие личные вещи, которые хранили в тумбочках.

Попытки поймать воришек ни к чему не приводили. Подозревали, что воровство — дело рук Беса. Но, как говорят, не пойман — не вор. Улик не было. В роте под руководством суворовца Юрия Селивохина появилась группа активистов, которая хотела разоблачить и поймать жуликов. Установили слежку за Пашкой Косых. Ведь краденые вещи каким-то образом сплавлялись за территорию училища. Долго караулили. Наконец в спортзале нашли тайник с украденными вещами. За тайником установили наблюдение. И вот однажды после ужина, когда уже смеркалось, к тайнику подошел Пашка. Воровато озираясь по сторонам, полез в тайник, собрал в охапку краденое и двинулся к тому месту, где в заборе была дыра. Пашка попал в засаду, у дыры его поджидали и схватили с поличным. Притащили с вещами в хозкомнату, заперли дверь, начался допрос. Сначала Пашка от всего отказывался, не хотел никого выдавать. Но в конце концов под нажимом ребят расплакался и раскололся. Признался, что воровал по указанию Беса.

Когда стало известно, что за всеми этими жульническими делами стоял Бес, решили вызвать его на общественный суд. Послали за Бесом маленького шупленького Коллю Ряхина, который тоже был «шестеркой» у Беспалова.

Через некоторое время в хозкомнату вошел сам Бес. Наглый, самоуверенный, с сигаретой во рту и с расстегнутым воротом гимнастерки. Ну просто гайдаровский Мишка Квакин.

Когда он вошел и увидел собравшихся ребят, на его лице не дрогнул ни один мускул. Ухмыляясь, расставив картинно ноги, Бес начал первым. — Ну, что вам надо? Зачем звали? — процедил он сквозь зубы, не выпуская сигарету из рта.

Все как-то растерянно приумолкли. Некоторые, возможно, начали сомневаться в показаниях Пашки Косых.

Когда Юрий Селиванов обвинил Беса в воровстве и сказал, что Пашка во всем признался, Васька хотел пойти в атаку. И казалось, чаша весов вот-вот перевесит в его сторону, ребята дрогнут под его напором и отступят. Но в этот критический момент воспитанник Виноградов вдруг со всей силы ударил Беса в ухо. Удар был настолько неожиданным и сильным, что Бес как подкошенный рухнул на пол. Это послужило сигналом. Все разом без какой-либо команды бросились на Ваську и начали его бить чем попало.

И, не решишь Виноградов на этот самоотверженный поступок, еще неизвестно, как бы обернулось все дело. Возможно, Бес своей наглостью победил бы приумолкших, нерешительных, растерявшихся ребят, и ему бы все сошло с рук, а может быть, он еще бы вышел героем из этой истории, свалив всю вину на «шестерку» Пашку Косых.

Взбешенные ребята, по всей вероятности, линчевали или разорвали бы Беса на куски. Вся ненависть за издевательства и унижения вылилась в это жестокое избиение. Ребята уже не соображали, что они творили. Войдя в раж, они не слышали стука в дверь и криков прибежавших дежурных по училищу офицеров и сержантов. Когда дверь была сорвана с петель, дежурным удалось оторвать рассвирепевших ребят от окровавленного Васьки. Он лежал на полу в луже крови без движения.

На следующий день Беспалова исключили из училища и в сопровождении двух сержантов отправили к родителям.

Воровство в роте прекратилось, но элементы дедовщины не исчезли и проявлялись в разных формах. Владимир старался всегда услужить сильным, не принимать активного участия во всех этих столкновениях и держаться в стороне. Но давно известно, что жить в обществе и быть свободным от него невозможно. В судилище над Бесом Резун принимал участие, и он, как и все, был среди избивавших Ваську Беспалова.

Последние два года пребывания в училище стали для Резуна самыми трудными и мучительными. Воронежское суворовское военное училище расформировали в 1963 году, и суворовцы переехали, доучиваться в Калинин. Задолго до расформирования по училищу поползли слухи, тревожное настроение охватило преподавателей и офицеров, большинство из которых уже осели в Воронеже, обзавелись семьями, и переезд в другой город для многих был непосильным делом. Для воспитанников переезд также имел свои негативные последствия: резко упала дисциплина, понизилась требовательность офицеров и преподавателей к суворовцам. Да и вообще карьера военного начала терять свою притягательность. Многие суворовцы тоже начали подумывать о гражданской службе. Внешне эти негативные процессы в армии и в том числе в суворовских училищах были не так заметны. Но все-таки сокращалось число суворовских училищ, намечался переход на трехгодичную систему обучения, что, безусловно, подрывало притягательность военной профессии. В масштабах страны создавались предпосылки к развалу Советской армии и государства.

Пятая колонна прекрасно знала, что прежде чем развалить государство, надо развалить армию, оторвать ее от народа, сделать службу в армии непопулярным занятием.

У Резуна дела с учебой по-прежнему шли неважно. Ему с трудом давались не только иностранный, но и русский языки. Володе буквально не давал покоя преподаватель немецкого языка майор Шахнович, заставляя зубрить военную терминологию и грамматику к сдаче экзаменов по военному переводу.

Отдыхал Владимир на уроках истории и особенно химии, которую вел всеми любимый преподаватель-фронтовик майор Бородин. У него была ампутирована часть легкого, и все его жалели и уважали.

Русская пословица «в семье не без урода», по всей видимости, родилась не на пустом месте, а явилась результатом многовекового наблюдения и обобщения. К сожалению, она характеризует не только семейные коллективы, но и все прочие. Суворовские не были исключением из общего правила.

Исключение Беса и его «шестерок» из училища не избавило 2-й взвод от бесовщины.

Появились другие, более жестокие ребята, которые оказали на Резуна самое негативное влияние. Высокий, красивый, сильный, с явно выраженными садистскими наклонностями, Юрий К. любил поиздеваться над слабыми, наслаждаясь своей силой. После отбоя он перебирался к Резуну в кровать, сжимал его в своих объятиях крепкими мускулистыми руками, целовал его пухлые девичьи губы, заставлял Владимира отвечать на ласки.

Новый начальник Калининского суворовского военного училища генерал-майор Б.А. Костров по кличке Бак налегал на строевую подготовку. Училище участвовало в военном параде в Москве на Красной площади, и каждый год в течение трех месяцев суворовцы старших классов усиленно готовились к парадом, занимаясь ежедневно строевой подготовкой по несколько часов в день. Резун любил строевую подготовку, она оставила в нем заметный след на всю жизнь, приучила быть подтянутым, собранным, исполнительным, дисциплинированным. Военная

выправка отличала его всегда.

Наступил 1964 год. В стране произошли большие перемены. Болтливый, надоевший всем малограмотный Хрущев был снят в результате дворцового переворота. И новый, «молодой» Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев встал у штурвала гигантского корабля, именуемого Россией, чтобы посадить его на мель. Не по Сеньке оказалась шапка.

Воспитанники училища готовились к государственным экзаменам на аттестат зрелости. Строили планы на будущее. Резун хотел стать летчиком, но побаивался, что из-за перенесенной в детстве болезни — ревмокардита — не пройдет строгую медицинскую комиссию.

Отец все настойчивее советовал сыну пойти по командной линии. Рекомендовал после суворовского училища поступить в общевоинское командное училище в Киеве. И от дома недалеко, и связи у отца там сохранились.

На всю жизнь в памяти остался выпускной вечер, который проходил в столовой училища, расположенной в полуподвальном помещении. Наверху, в актовом зале, устроили танцы.

На выпускном вечере царило настоящее братство. Ведь одной семьей прожили они семь долгих лет. Это не шутка. Они были больше чем братья.

Какие только тосты не раздавались! Выпив лишнее, Сашка Р. кричал: «До встречи в Нью-Йорке!» — очевидно, мечтая о том, что в скором будущем социализм победит во всем мире. Клялись в верности кадетскому братству, в том, что везде и всегда будут сохранять суворовские славные традиции. Договорились ежегодно встречаться у хвоста коня князя Юрия Долгорукого в Москве в День Победы 9 мая и через каждые пять лет в Воронеже в Петровском парке.

В тот памятный вечер Владимир первый раз в жизни попробовал спиртное. Голова пошла кругом. Резун не помнил, сколько и что он пил. На следующий день командир роты подполковник Полежаев, увидев в спальне беспорядок вокруг Володиной кровати, брезгливо бросил: «Эй ты, не умеешь пить водку, пей воду. Быстро убрать все это безобразие!» Повернулся и вышел из спальной комнаты.

Это было первое «крещение» Резуна. Потом он всегда знал свою слабость и никогда сильно не перепивал.

Через несколько дней пришла разрядка из Киевского высшего общевоинского командного училища, и Владимир отправился к новому месту службы. Суворовское училище Резун окончил середнячком, не выделяясь среди своих сверстников какими-либо способностями и талантами. В Подольском военном архиве сохранилась характеристика на выпускника Калининского суворовского военного училища суворовца Резуна Владимира Богдановича. Вот что в ней отмечалось:

«Воспитанник Резун В.Б., 1947 года рождения, поступил в 1958 году в Воронежское суворовское военное училище и окончил его в 1965 году с общим баллом аттестата зрелости 4,3.

За время обучения показал себя дисциплинированным, любящим военное дело воспитанником со средними умственными и физическими способностями. По характеру застенчив, болезненно воспринимает критику в свой адрес, с товарищами и старшими робок, раздражителен и иногда несдержан».

Из суворовской выпускной роты 1965 года только одна треть продолжила военную карьеру и отправилась в военные училища и академии. Две трети прагматиков, вероятно, уже тогда определили и предвидели неперспективность службы в Советской армии, считая, что, если они станут офицерами, им больше взвода не дадут и дальше Кушки не пошлют. Их это не устраивало, и они или их родители решили сменить военную форму на штатское платье. Бог им судья.

Вроде бы и немного времени прошло между этими двумя выпусками — 1945-го и 1965-го. Что такое два десятка лет? Но вот парадокс. Суворовцы военного лихолетья, за редким исключением, в военной службе видели свое призвание, 90 процентов из них продолжали службу в офицерских училищах, после окончания которых многие писали рапорты с просьбой направить их в отдаленные гарнизоны на Камчатку, Сахалин, Курилы, в Среднюю Азию. Ребята хотели испытать себя на прочность.

Глава 2

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Кто к знамени присягал единожды, тот у одного до смерти стоять должен.

Пётр Первый

Из Калинина в Киев ехали с пересадкой в Москве. Группу бывших суворовцев из десяти человек, переодетых в курсантскую форму киевского училища, торжественно провожали на вокзале. Оркестр играл «Прощание славянки». На перроне собрались офицеры училища, преподаватели, знакомые девушки. Цветы, смех, прощальные поцелуи, у некоторых слезы на глазах, пожелания счастливого пути, успехов в учебе. Настроение у отъезжающих приподнятое, но нотка грусти все же присутствует: прощай, училище, до свидания, друзья!

Поезд тронулся, провожающие замахали руками. Кто-то из отъезжающих суворовцев еще раз поцеловал свою любимую девушку и, догнав медленно идущий поезд, прыгнул на ходу на подножку вагона.

Резун чувствовал себя счастливым человеком. Ему восемнадцать лет. Впереди новая, незнакомая и полная надежд интересная жизнь.

Состав продолжал набирать скорость, увозя все дальше от города молодых людей в курсантских погонах, едущих навстречу своей неизвестной судьбе. Как она сложится, известно только Господу Богу.

Через несколько минут еще не остывшие от проводов, возбужденные, они разместились вдесятером в одном купе. На столе неизвестно откуда появились бутылки, нехитрая закуска: помидоры, огурцы, колбаса, хлеб. В купе стало шумно. Каждый старался что-то сказать. И все разговоры только об одном: о суворовском училище, о годах, проведенных в Воронеже и Калинине. Семь лет не шутка. Да каких лет!

В Киевском высшем военном общеобразовательном училище Резун попал в суворовскую роту. Из ста курсантов девяносто пять были суворовцы из разных училищ. Через несколько дней приняли присягу. На огромном плацу перед зданием училища выстроились ротные «коробки» курсантов в парадном обмундировании. Прозвучала команда «смирно», и под торжественные звуки духового оркестра перед замершими курсантами пронесли знамя училища. Начальник училища, офицеры в парадной форме с орденами и медалями на груди. Курсанты по одному выходили из строя, целовали знамя, зачитывали текст присяги. Владимир вспоминал, что у него почему-то задрожали руки, когда, читая присягу, дошел до слов: «...и если я нарушу мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся». Позже он объяснял свое поведение тем, что служба в армии для него была не просто выполнением священного долга перед Отечеством, но и продолжением дела своих предков. Поэтому сама мысль о возможности нарушения клятвы вызывала чувство страха и волнения.

После принятия присяги в училище начались трудовые будни. Резуну нравилось учиться, он с интересом относился к новым для него предметам: тактике, огневой подготовке, изучению материальной части оружия и техники, вождению, истории военного искусства. Суворовцам после солидной общеобразовательной и военной подготовки новые знания давались легко. А строевая и физическая подготовка была привычным делом. Многие имели спортивные разряды, некоторые были победителями суворовских и нахимовских спартакиад, чемпионами городов, военных округов в самых различных видах спорта. Например, товарищ Резуна Геннадий Митрофанов — по прыжкам в высоту. Резун в силу своей физической слабости и конституции не имел каких-либо достижений в спорте, но вполне укладывался в нормативы, предъявляемые к курсантам военных училищ.

Но даже любимое и оттого доставляющее удовольствие дело можно превратить в самое неприятное занятие. Кто-то из великих писателей однажды высказал такую справедливую мысль: «Если бы захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным образом, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмысленности». Именно так поступал помощник командира взвода сержант Никитин, когда проводил занятия по строевой подготовке. Это был невысокий, складной, подтянутый, с неброской, незапоминающейся внешностью человек. Его злило и доводило до бешенства, что суворовцы, которыми он командовал, были значительно образованнее и во многом превосходили его. Есть люди, подобные хищникам. Власть пьянит их, кружит голову. Издевательство над подчиненными доставляет им наслаждение. У Никитина был ярко выраженный комплекс Наполеона.

В армии такие факты встречаются довольно часто. Дедовщина является одной из форм надругательства над личностью. Сержант Никитин, обремененный на своих подчиненных, испытывал наслаждение, придумывая различные ухищренные формы издевательств.

Отрабатывая приемы с оружием на строевой подготовке, он командовал:

— По разделениям на плечо, делай раз!

По этой команде курсант поднимал карабин до уровня плеча. Никитин медленно двигался вдоль строя, поправляя некоторых, и не спешил подавать следующую команду «два», по которой карабин кладется на плечо. Через небольшой промежуток времени рука в таком положении немеет от тяжести. Как-никак карабин «СКС» весил около четырех килограммов.

— Не опускать руку! — кричал Никитин, заметив, что кто-то ее опустил.

Отрабатывая тему «Отдание чести в движении», Никитин придумал, чтобы курсанты, двигаясь друг за другом на дистанции пять-десять шагов, отдавали честь телеграфному столбу. Иногда его издеательства переходили всякий предел. Когда курсанты возвращались строем с занятий в казарму, он приказывал: «Взвод, запевай!» Взвод отвечал гробовым молчанием: после занятий «в поле» у уставших ребят не было никакого желания петь. Хотелось скорее добраться до казармы и услышать долгожданный сигнал: «Бери ложку, бери хлеб и садись за обед». Повторив два-три раза команду и не добившись ее исполнения, помощник командира взвода давал команду «газы», по которой нужно было развернуться в цепь, надеть противогазы и двигаться короткими перебежками вперед. Затем следовали команды «ложись» и «вперед по-пластунски». Особенно любил Никитин практиковать этот воспитательный прием в дождливые дни, когда на плацу были большие лужи. В казарму курсанты возвращались злые как черти, мокрые и грязные.

Но ребята не оставались в долгу. Иногда во взводе появлялись свои «неуловимые мстители». Во время подъема у Никитина вдруг пропал один сапог, и он метался по казарме в его поисках. Все уже стояли в строю, а он прыгал на одной ноге меж кроватей. Через некоторое время сапог находили в туалете.

Для ребят с гражданки физическая и строевая подготовка стала камнем преткновения. На государственных экзаменах надо было сдавать определенный комплекс гимнастических упражнений, в который входил прыжок через коня. Этот прыжок для многих оказался серьезным испытанием. Среди курсантов даже стала ходить шутка, что «гражданским» для преодоления препятствия надо на конец снаряда положить золотые офицерские погоны для храбрости.

Суровцы кичились своей отличной подготовкой. Это проявлялось в излишней самоуверенности, невыдержанности и приводило к нарушениям воинской дисциплины и последующим наказаниям. Иногда возникали конфликты с начальством, особенно с младшими командирами.

Отец Резуна часто писал сыну письма, присылал деньги на мелкие расходы, посылки, заходил к Владимиру в училище, когда бывал в Киеве. Он гордился своими сыновьями, не переставал радоваться их успехам. Старший, Александр, не пал духом после неудачного поступления и к этому времени уже стал кадровым офицером, младший, Владимир, учился в высшем военном училище. На него отец возлагал особые надежды.

Летом выезжали в лагерь в учебный центр, расположенный в семидесяти километрах от Киева в поселке Старое. В лагерях занимались вождением бронетехники, стрельбами, боевой подготовкой. Владимир очень любил военную технику, знал наизусть ТТХ (тактико-технические характеристики) различных видов вооружения. Но вот занятия «в поле» представляли для него определенные трудности: тактика, огневая подготовка, вождение, несение караульной службы.

Особенно Владимир ненавидел караульную службу, а в наряд приходилось ходить часто, как говорят военные, через день на ремень. С детства Резун боялся темноты, она всегда его пугала своей загадочностью и таинственностью. Когда в карауле ему доставался трехсменный пост ГСМ (горюче-смазочные материалы) на отдаленном от караульного помещения пустыре, Владимир старался всегда с кем-нибудь поменяться. Рассказы курсантов о случаях убийства часовых на постах в других училищах вызывали животный страх у Резуна. Ходили слухи, что во Львовском училище такие случаи происходили довольно часто. Поэтому отдаленный пост ГСМ пугал Владимира. Особенно зимой, в крошечную темень, в пургу. Стоять в овчинном тулупе до пят с «Калашниковым» на плече было для Резуна суровым испытанием. Ему всегда казалось, что кто-то притаился в кустах, крадется в темноте и вот-вот набросится на него сзади и ударит по голове каким-нибудь тяжелым предметом. Посторонний звук, шорох приводили его в трепет. Он замирал, сердце на мгновение останавливалось в ожидании, все тело напрягалось в предчувствии чего-то плохого и неизбежного. В эти мгновения он забывал о «Калашникове», который мог его защитить от любых опасностей и неожиданностей. Два, а тем более четыре часа на посту для него казались вечностью. Он пытался как-то отвлечь себя от тяжелых дум, но не мог.

Когда наконец раздавались долгожданные шаги приближающейся смены и слышался приглушенный говорок товарищей, идущих в колонну по одному за разводящим, или мелькал огонек сигареты курсанта, курящего в рукав, от сердца отлегалось. Владимир оживал, страх пропадал, настроение улучшалось.

Наконец-то, сбросив напряжение долгих часов ожидания, можно было во всю плотку крикнуть заветные слова из устава гарнизонной и караульной службы: «Стой! Кто идет?» — и услышать в ответ приносящие столько радости слова: «Разводящий со сменой». Как приятно было шагать в караульное помещение, сменившись с поста и предвкушая, что сейчас он придет в тепло, вынет магазин из автомата, поставит его в пирамиду, выпьет горячего чая из алюминиевой мятой солдатской кружки, заляжет на топчан, накроется с головой овчинным, пропахшим терпким солдатским потом тулупом и мгновенно уснет.

Резун любил ходить в караул на пост номер 1 у знамени части. Пост располагался в шаге училища.

Но вот незаметно пролетела добрая половина учебы. Наступило время, когда можно уже было, по курсантскому обычаю, считать компоты до получения золотых погон с двумя маленькими звездочками.

В отпуск Резун поехал к родителям в Черкассы. В застольной беседе отец впервые упомянул о Военно-дипломатической академии Советской армии, о которой Владимир до этого слышал мимоходом, а потому имел о ней смутное представление. Отец рассказал сыну об академии. «В принципе, сынок, у тебя после окончания училища и службы в войсках очень даже неплохие шансы туда поступить. Ведь там предпочтение отдается офицерам, владеющим иностранными языками», — удовлетворенно заметил отец.

Резуну понравилась эта идея, да и сама работа в этой области показалась привлекательной и интересной после рассказов отца. А после прочтения книги «Пятьдесят лет в строю» генерала Игнатъева желание поступить в академию укрепилось в нем еще больше.

На третьем году обучения к Резуну пришла первая любовь. Ему в это время было двадцать лет. До этого его не особенно влекло к женскому полу. А если и влекло, то тайно, подобно шиллеровскому юному Вергеру, носившему страдания и муки в себе. По ночам вспоминались иногда любовные объятия Юрия К. По всей вероятности, сказывалось семилетнее обучение в закрытом, практически изолированном от гражданского населения учебном заведении, каким было суворовское училище. К тому же он страдал из-за своего малого роста и женоподобной фигуры. Чтобы казаться выше ростом, он подбивал каблуки сапог и ботинок. Комплекс неполноценности, возникший в подростковом возрасте, все еще довлел над ним.

На производственной практике на танкоремонтном заводе в Дарнице Резун познакомился с девушкой Оксаной. Она работала в техотделе завода на выдаче технической документации инженерно-техническому составу.

На первых порах Резуну казалось, что девушка отвечала ему взаимностью. В то время по знаменитому мосту Патона через Днепр уже ходили электропоезда метро, и молодой человек частенько после окончания практики на заводе приезжал в Дарницу в увольнение на свидание к Оксане.

Многие курсанты военных училищ по окончании учебы, получив офицерские погоны, отправлялись к новому месту службы уже семейными людьми. Подумывал о женитьбе и Резун. Однако в конце учебы любовная лодка наткнулась на какой-то подводный риф и разбилась. Оксана неожиданно для Владимира стала избегать встреч с ним. Проложив большую дорогу от училища до Дарницы, Владимир иногда не заставал ее дома, хотя договоренность о встрече была. Однажды, когда Оксаны в очередной раз не оказалось дома, Резун бросил букет цветов у ее двери и растоптал его в бешенстве. Плюнув, уехал. Соседка доверительно сообщила, что «Оксана, нарядная, отправилась с каким-то высоким блондином в кино». Так закончилось первое серьезное увлечение Резуна. Потом он узнал, что Оксана вскоре вышла замуж и уехала из Киева.

В 1968 году Владимир успешно окончил Киевское высшее командное училище, получил звание лейтенант и был направлен в распоряжение Прикарпатского военного округа в город Львов. По всей вероятности, и здесь не обошлось без помощи отца и его друзей-кадровиков. Можно понять старого служаку Богдана Васильевича. Ему не хотелось далеко отпускать от себя младшего сына. Ведь в это время старший сын Александр, офицер Советской армии, проходил службу далеко от дома — в Армении.

В характеристике Резуна по окончании училища, подписанной командиром роты майором А.И. Крайневым и командиром батальона подполковником Л. И. Рубцовым, отмечались такие черты, как невыдержанность, самолюбие, обидчивость.

После окончания училища лейтенант Владимир Резун отправился к родителям в отпуск.

Провожать новоиспеченного лейтенанта к новому месту службы собралась вся семья: дед Василий, отец, мать, приехали родственники отца, близкие друзья и знакомые. Застолье получилось веселое. Вера Спиридоновна, мать Владимира, хлопотала у стола, угощая гостей. Дед Василий не мог наглядеться на любимого внука.

Пили самогонку из буряка, произносили тосты за молодого лейтенанта, желали ему успехов в воинской службе, да таких, чтобы позволили дослужиться до генерала. Дед вспомнил суворовские слова, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Закусывали слезящимся украинским салом, от которого Владимир совсем отвык, живя вдали от родительского дома.

После застолья вдвоем с отцом долго еще сидели за столом. Разговаривали об армейской службе. Отец вспоминал свою службу, Владимир рассказывал отцу о современной армии, новых видах вооружения и техники. Богдан Васильевич вспоминал Приморье, где служил после войны в поселке Барабаш Хасанского района. Там и родился Владимир в 1947 году.

Отец советовал, как вести себя в армейских условиях с солдатами и начальством. В конце беседы отец сказал, что у него сохранились кое-какие связи в кадрах штаба Прикарпатского военного округа во Львове. Когда представители Генерального штаба приедут отбирать офицеров в Военно-дипломатическую академию Советской армии, знакомый кадровик в округе рекомендует Резуна.

На следующий день молодой лейтенант поездом выехал во Львов. На руках у него было предписание прибыть в штаб Прикарпатского военного округа.

Глава 3

НАЧАЛО КОНЦА

...И увидел я другого зверя.

Иоанн Богослов

В жаркий июльский день 1970 года фирменный поезд Москва — Куйбышев отошел от 5-й платформы Казанского вокзала точно по расписанию в 17 часов 30 минут.

Владимир, разморенный жарой и духотой в вагоне и выпитым в ресторане пивом, забрался на свою любимую с детства вторую полку, блаженно вытянул усталые ноги, заложил руки за голову и, глядя в потолок, мечтательно улыbnулся.

У каждого человека иногда бывают в жизни такие минуты, когда ему хорошо. Вот в этом состоянии блаженства пребывал и Резун, думая под стук колес, как все удачно складывается в его жизни.

Колеса поезда постукивали на стыках рельс. В голове вертелся какой-то мотивчик, но никак не складывался в мелодию, и это немного раздражало, отвлекало от столь приятных мыслей. Володя вспомнил уроки пения в суворовском училище, на одном из которых преподаватель проверял слух у воспитанников. Нажимая на одну из белоснежных клавиш рояля, он просил определить ноту. Для суворовца Резуна вся октава от «до» до «си» звучала одинаково. Он пытался скрыть этот недостаток и поэтому в дальнейшем, когда его спрашивали, каким голосом он пел в суворовском хоре, отвечал: третьим. Но дело в том, что в суворовском училище Владимира в хор не взяли. Но ему все-таки удалось «попеть» в хоре киевского училища. Попал он туда случайно. На построении командир роты объявил, что в роте приказано создать хор. «Кто желает участвовать в ротном хоре, шаг вперед!» — скомандовал ротный. Ни один курсант не вышел из строя. Тогда командир роты скомандовал: «Рота, на-пра-во, в клуб шагом марш! Все будете петь в хоре». После спевки Резун подошел к командиру и сказал, что у него нет голоса. «Ничего, — ответил командир роты, — вставай в задний ряд, будешь только открывать рот». Так молодой курсант стал участником ротного хора.

И все-таки, несмотря на это вдруг нахлынувшее не очень приятное воспоминание, Владимир, лежа на полке в купейном вагоне, чувствовал себя по-настоящему счастливым. И было от чего. В кармане его кителя находилось предписание: прибыть к новому месту службы в Приволжский военный округ на годичную стажировку в разведывательный отдел округа с исключением из списка прежней части в Прикарпатском военном округе. Но главное состояло не в этом. Наконец-то его сокровенная мечта — попасть в Академию Советской армии — как никогда была близка к осуществлению. Он вспоминал, как приближался к этой заветной цели. Сколько переживаний, настоящих страданий и унижений пришлось ему испытать. Он с удовольствием думал о том, что сумел их выдержать. Но вот, наконец, все позади.

Мысли Владимира помимо его воли возвращались к тому судьбоносному дню — 18 октября 1969 года. Утром ему позвонил его начальник полковник Кривцов и коротко, не здороваясь, приказал тоном, не терпящим возражений: «Зайдите». Владимир даже запомнил время, когда это случилось. Было ровно 10.00, он машинально бросил взгляд на часы. Резун даже не успел ответить «слушаюсь», так как в трубке послышались частые гудки. Он быстро собрался, захватил с собой красную папку для докладов с разведсводкой за неделю и направился к Кривцову.

Когда Резун, предварительно постучавшись, вошел в кабинет начальника, то увидел незнакомого мужчину в штатском. На какое-то мгновение Владимир приостановился, не решаясь войти. Ему показалось, что он ошибся дверью. Бросилось в глаза, что мужчина сидел за столом его начальника и просматривал какие-то документы, а сам Кривцов стоял около него в почтительной позе, подчеркивающей, что гость — важная персона. Резун уже тогда, работая в штабе армии Прикарпатского военного округа, успел заметить, что чем выше начальство, тем ниже оно «сгибается вперегиб» и унижается перед еще более высоким начальством.

Выслушав доклад Резуна о прибытии, полковник Кривцов, обращаясь к мужчине в штатском, сказал:

— Товарищ полковник, прошу разрешения.

— Да, да, спасибо, — поспешно ответил незнакомец, вставая и протягивая Кривцову руку. Кривцов вышел из кабинета.

— Ну, давайте знакомиться, — проговорил «штатский» полковник, подходя к Владимиру ближе, приветливо улыбаясь и протягивая ему руку. — Полковник Иванов, представитель Генерального штаба.

— Старший лейтенант Резун, — ответил Владимир, вытянувшись по стойке смирно.

— Вы догадываетесь, товарищ старший лейтенант, по какому поводу вас пригласили сюда? — начал Иванов, присаживаясь за стол Кривцова и приглашая Резуна сделать то же самое.

— Никак нет, — выпалил Владимир, продолжая стоять на вытяжку, хотя шальная мысль-догадка промелькнула у него в голове. Отец писал, что «сваты» должны приехать в октябре в округ.

— Садитесь, садитесь, товарищ старший лейтенант. Я вам уже сказал, что являюсь представителем Генштаба, прибыл к вам в округ для отбора офицеров в Академию Советской армии, или, как ее часто называют, в Военно-дипломатическую академию. Вы слышали о ней?

— Да, я слышал о ней немного от сослуживцев, — ответил Владимир.

— Прежде чем начать наш предметный разговор, — продолжал представитель Генштаба, — нам надо выполнить небольшую формальность. — Полковник вынул из папки несколько листов, на которых был напечатан какой-то текст, и, протягивая их Резуну, сказал: — Это подписка о неразглашении содержания нашей беседы и анкеты. Ознакомьтесь, пожалуйста, с текстом подписки и распишитесь. О нашем разговоре вы не должны никому рассказывать. Подчеркиваю, ни кому. Анкеты заполните потом, дома.

Резун прочитал короткий текст подписки, расписался и передал ее полковнику.

— Ну а теперь мы можем начать нашу беседу, — сказал полковник, беря подписку и кладя ее к себе в папку. — Академия Советской армии — закрытое учебное заведение, готовит офицеров стратегической военной разведки для работы за рубежом. Я ознакомился с вашим личным делом. Вы окончили разведфакультет Киевского высшего общевойскового командного училища и сейчас служите в разведотделе Прикарпатского военного округа. Так что вы не новичок в разведке. Правда, оперативная разведка отличается от стратегической, но все же с основными принципами вы, полагаю, знакомы.

— Нет, товарищ полковник, я не оканчивал разведфакультет. В нашем училище разведывательный факультет был организован через два года после моего поступления в КВОКУ (Киевское высшее общевойсковое командное училище), — поправил Резун полковника.

— В принципе это не так важно, — развивал свою мысль представитель Генерального штаба, — вы нам подходите. Поэтому, собственно, я с вами и беседую здесь. Вас положительно характеризует полковник Кривцов, ваш начальник. На вас написана положительная аттестация, вы владеете немецким языком, знакомы с организацией и вооружениями иностранных армий. Все это хорошо для будущего разведчика. Кстати, в

какой степени вы владеете немецким языком? По-моему, вам по окончании суворовского училища присвоили звание военного переводчика?

— Немецкий язык я изучал в суворовском училище в течение семи лет. Потом три года в Киевском училище.

— Ну что же, у вас должна быть солидная языковая подготовка, — сказал полковник и вдруг, неожиданно для Резуна, перешел на немецкий, протягивая ему газету «Neues Deutschland»: — Bitte Genosse Oberleutnant lesen Sie diesen Absatz vor (пожалуйста, товарищ старший лейтенант, прочитайте этот абзац вслух).

Резун взял газету, начал читать выделенный красным фломастером абзац, постепенно по мере чтения преодолевая волнение и стараясь поймать необходимый темп и разделить текст на синтагмы (смысловой отрезок текста).

— Хорошо, спасибо, достаточно, — прервал чтение полковник. — Вам кто в суворовском преподавал немецкий?

— Немецкий язык в суворовском нам преподавал майор Шахнович. Он вел у нас и военный перевод, — отвечал Владимир.

— По окончании суворовского училища вы получили диплом военного переводчика? — спросил полковник Иванов.

— Так точно, — отвечал Резун. — Мы сдавали экзамены по военному переводу. — Про себя подумал: «Как хорошо, что я получил этот диплом. Каким потом он мне достался, знает только бог. Майор Шахнович драл нас как Сидоровых коз. Заставлял зубрить наизусть проклятые немецкие военные термины: „Drahthindernisse“, „Schulterklappen“ (проволочные заграждения, погоны) и прочую немецкую дребедень, которая до сих пор в памяти».

— То, что вы знаете немецкий язык, — продолжал между тем Иванов, — конечно, похвально. Это ваш несомненно, плюс. Это увеличивает ваши шансы для нашей службы. Но мне не нравятся ваши звуки: ng, ch, h. Чувствуется влияние вашего родного, по всей вероятности, украинского языка. Но ничего, это дело поправимо. Как говорят немцы: «Übung macht den Meister» (дело мастера боится). Правда, есть некоторые «но». Вы в армии, я имею в виду, в офицерской должности без году неделя. Хотя военную форму, погоны носите с детских лет. Ваше воинское звание и должность для офицера военной стратегической разведки, конечно, слабоваты. Но не всегда молодо — зелено, будем надеяться.

Пока полковник говорил, Резун успел его достаточно хорошо разглядеть. Полковнику на вид сорок пять — сорок семь лет, среднего роста, сухощав, русые коротко стриженные волосы. На висках уже заметная седина. Наиболее примечательными в его лице были глаза: серые, небольшие, насмешливые. Резуну показалось, что они излучают какой-то особый, проникающий в его душу свет. Голос у него был не громкий, но твердый, с четкой артикуляцией звуков. Когда он заговорил по-немецки, Владимир услышал настоящую немецкую интонацию, которую ему приходилось слышать в немецкой кинохронике: мелодия речи не опускается, как в русском языке, словно синусоида, то вверх, то вниз, а идет все время на одном уровне. На нем был серый шерстяной двубортный в крупную клетку пиджак хорошего покроя, по всей вероятности, импортный, белая нейлоновая рубашка, галстук завязан по-модному на два узла, коричневые брюки, черные туфли. Пожалуй, улыбка была наиболее отличительной чертой его внешности — добрая и обезоруживающая собеседника, располагающая к себе. Хотелось верить, что все, что говорит этот человек, правда.

— А вот что ещё, — улыбнулся полковник. — Вы холосты. А мы холостых, за редким исключением, на ответственную работу за рубеж не посылаем. Правда, я понимаю, это дело поправимое в вашем возрасте. У вас ещё есть время обзавестись семьей. Вам только двадцать два года, все ещё впереди. Девушка или невеста небось есть на примете?

— Девушка была, — занялся с ответом Резун, — но невесты пока нет.

— Что, «любовная лодка разбилась о быт», как сказал поэт? — допытывался полковник.

— Вроде этого, — уклончиво отвечал Владимир, краснея. Его полные щеки стали красными как мак, а лоб покрылся легкой испариной.

— Ну хорошо, оставим этот вопрос, — представитель Генштаба заметил смущение молодого офицера. — А как вы сами считаете, товарищ старший лейтенант, готовы вы к такой ответственной работе за рубежом, о которой я вам коротко здесь рассказал? Ведь офицер военной стратегической разведки не только приветствует на дипломатических приемах и раутах, как может показаться на первый взгляд. Это тяжелая, полная опасности работа, порой с риском для жизни. Приходится иногда копаться в «грязном белье», засучив рукава, лазить по помойкам в тайники, работать, не считаясь с личным временем, днем и ночью, без выходных. Вы готовы к такой работе?

— Да, я готов к такой работе, — взволнованно, но уверенно ответил Резун.

— Хорошо, — подытожил полковник в штатском. — Заполните анкеты, которые я вам дал, как там указано, напишите вашу биографию по предлагаемой схеме, не забудьте приложить к анкете две фотографии три на четыре и передайте все документы полковнику Кривцову. Может быть, я еще раз вызову вас на беседу, если мне потребуется что-нибудь уточнить. Я вам ничего не обещаю. Еще раз предупреждаю, что о нашей беседе никто не должен знать. Если все будет хорошо, вас вызовут летом в Москву на сдачу экзаменов в объеме средней школы. Суворовское училище и знание иностранного языка дают вам определенные преимущества перед другими абитуриентами.

Полковник встал из-за стола, протянул Резуну руку и, прощаясь, сказал:

— Желаю успехов.

Владимир поблагодарил и вышел из кабинета.

А дальше, вспоминал Резун, потянулись томительные дни ожидания: вызовут или не вызовут. Правда, отец вскоре прислал письмо и успокоил, написав, что все будет в порядке. Писал, мол, наберись, сынок, терпения и жди. У бати, возможно, была какая-то информация от его друзей-кадровиков. Отец в то время после ухода из армии в отставку принимал активное участие в ветеранском движении на Украине. Имел много друзей и знакомых среди военных.

В июне пришел долгожданный вызов из Москвы: старшему лейтенанту Резуну предписывалось прибыть к такому-то сроку в распоряжение командира в/ч номер... по адресу...

Все экзамены для Резуна оказались легкой прогулкой в столице. Со своей подготовкой он действительно выглядел совсем неплохо на фоне других абитуриентов, хотя в суворовском училище не отличался блестящей успеваемостью. На экзамене по немецкому языку его поставили даже в пример другим. Когда Владимир вошел в аудиторию, в которой проходил экзамен, и доложил по-немецки о своем прибытии, преподаватель, женщина средних лет, театрально вскинула руки вверх и произнесла: «O mein Gott. Endlich sehe ich den Einzigen welcher deutsch spricht» («о боже, наконец-то я вижу единственного, который говорит по-немецки»).

После этой фразы экзамены по немецкому языку для Резуна свелись к небольшой беседе с преподавателем. Женщина спросила по-немецки, где он изучал язык, кто преподавал. Оказалось, что экзаменатор хорошо знала майора Шахновича по совместной учебе в ВИИЯ (Военный институт иностранных языков). Пошли воспоминания. Теперь уже абитуриент слушал преподавателя. Владимир получил пятерку и довольный покинул аудиторию.

Резун не блистал спортивными успехами, но и здесь, когда абитуриентов заставили подтягиваться на перекладине в спортзале, не сплеховал. Подтянулся десять раз, суворовская закалка давала о себе знать.

Ответы на вопросы тестов и собеседование с психологами не вызвали у него каких-либо серьезных затруднений. Беседы велись в очень

корректной манере.

На следующий день после сдачи экзаменов состоялась мандатная комиссия.

В комнату, где заседала комиссия, приглашали по одному. Выходил полковник со списком в руках, громко называл фамилию и приглашал очередного абитуриента на ковер.

Офицеры находились в большом зале в ожидании вызова. Кто курил, нервно расхаживая по коридору, кто сидел, о чем-то думая, некоторые, сбившись в группки по два-три человека, негромко разговаривали между собой, практически не нарушая напряженной тишины, стоявшей в зале. Она нарушалась, только когда дверь открывалась и из нее выходил проэкзаменованный офицер. Характер в экстремальной ситуации проявляется наиболее ярко, в этот день Резун это увидел воочию. Вот из дверей выходит возбужденный, красный как рак офицер. Спешно вынимает сигарету, закуривает. Несколько абитуриентов подлетают к нему: «Ну как? Ну что?» Тот, нервно затягиваясь, пытается что-то объяснить. А вот в дверях появляется чуть побледневший молодой человек, молча покидает зал и удаляется в курительную комнату, не желая ни с кем разговаривать. Некоторые выходили с гордо поднятой головой, уверенные в своем успехе. Охотно отвечали на вопросы товарищей, снисходительно улыбались и, конечно, считали, что они, без всякого сомнения, прошли и у них все трудности уже позади. Таких среди абитуриентов было немного, они, как правило, были не из войск, служили в Москве в теплых местах.

Резун вздрогнул, услышав свою фамилию, вскочил со стула и быстро направился к полковнику.

— Прошу вас, товарищ старший лейтенант, входите, вас приглашают, — сказал вежливо полковник, пропуская его вперед.

Резун открыл дверь, со словами «разрешите войти» вошел в просторную комнату и строевым шагом направился по ковровой дорожке к длинному столу, накрытому зеленым сукном, стоящему в глубине зала. Остановившись в двух-трех метрах от стола, Владимир четко доложил о своём прибытии председателю мандатной комиссии. Голос его при докладе слегка дрожал от волнения, а сердце готово было вырваться из груди.

Как в тумане, он видел за столом сидящих людей в военном и штатском, но отчетливо различил только председателя мандатной комиссии, молодого на вид генерала приятной наружности с копной седеющих волос. На его кителе была довольно большая колодка орденских планок. Через несколько лет, проходя по длинному коридору Управления кадров ГРУ, Резун остановился у стенда ветеранов — участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и узнал на фотографии председателя мандатной комиссии. Генерал в парадном мундире при всех орденах с чуть заметной насмешливой улыбкой смотрел с фотографии уверенно и с достоинством. «Ничего себе!» — воскликнет он тогда про себя, подходя ближе и разглядывая фотографию. Пять орденов Красной Звезды, красиво, по диагонали сверху вниз, как журавлиный клин в небе, рассекали генеральский мундир. Начинающий разведчик робко и заворуженно смотрел на фотографию. Со времен суворовского училища Резун привык уважать орденские планки. Там мальчишки сначала ценили офицера по орденам и нашивкам от ранений, а потом уже по делам.

— Значит, что, товарищ старший лейтенант, — услышал он приятный баритон, — пожаловали к нам и решили себя посвятить аморальной профессии разведчика? Решили покопаться в чужом грязном белье? Согласны склонять людей к предательству родины и сотрудничеству с советской разведкой? Вы этому хотите посвятить свою жизнь, молодой человек?

— Я не считаю профессию разведчика аморальной, — с некоторой паузой нерешительно ответил Резун, не узнав своего голоса и почувствовав, как лоб его начал покрываться мелкими капельками пота, а в коленях появилась предательская слабость.

— Ах, вот как, — председатель пошел в атаку. Голос генерала сорвался на фальцет, он повернул голову сначала направо, потом налево, как бы обращаясь к сидящим за столом членам мандатной комиссии и приглашая принять участие в беседе. — Он считает, воровать чужие секреты — не аморально. Вербовать иностранных граждан, склонять их к предательству — все это не аморально?

Резун никак не ожидал такого поворота событий, такого напора со стороны председателя комиссии. Ведь проходившие до него комиссию офицеры рассказывали, что она ведется в очень корректном и спокойном тоне. На некоторое время Владимир растерялся и не знал, что ответить, стал уже сомневаться, правильно ли ответил вначале. В зале воцарилась неловкая тишина, пауза неоправданно затягивалась. Резуну казалось, что члены комиссии слышат стук его сердца. И вдруг пришла спасительная мысль.

— Но Владимир Ильич Ленин, — начал с какой-то опаской, неуверенно абитуриент, — в своей речи на III съезде Союза молодежи в 1920 году говорил, что все, что служит делу построения коммунизма, — морально. А советская разведка служит этому делу.

Теперь тишина повисла над столом комиссии, и вновь возникла пауза. Члены комиссии с любопытством, а некоторые даже с плохо скрываемым злорадством поглядывали на генерала и ждали, как он выкрутится из неожиданного остроумного ответа абитуриента и парирует его железный аргумент.

— Да, да, конечно, вы правы, — прервал затянувшуюся паузу уверенный голос генерала, — все, что служит коммунизму, безусловно, морально и не подлежит никакому сомнению. Следовательно, как вы, товарищ старший лейтенант, правильно отметили, профессия разведчика, советского разведчика, в соответствии с ленинским положением моральна. Ведь работа советского разведчика за рубежом действительно служит делу построения коммунизма, приближает его победу во всем мире.

Те члены комиссии, которые лелеяли надежду, что генерал споткнется на каверзном ответе молодого старшего лейтенанта, по всей вероятности, не знали и не учитывали, что генерал был тёртый калач в вопросах марксизма-ленинизма. За его плечами была Военно-политическая академия имени В.И. Ленина, много лет партийной работы в войсках на полигоне в Капьяре и на Старой площади в Административном отделе ЦК КПСС. В Капьяре он даже руководил вечерним университетом марксизма-ленинизма.

— У кого еще есть вопросы к старшему лейтенанту Резуну?

«Как хорошо, что мне вовремя пришли в голову спасительные ленинские слова», — с облегчением подумал Резун.

— Разрешите, товарищ генерал, — раздался голос грузного седого полковника с левого края стола.

— Да, пожалуйста, — ответил председатель комиссии.

— Скажите, товарищ старший лейтенант, у вас в аттестации отмечается, что вас целесообразно использовать на военно-дипломатической работе. Вы в каких отношениях находитесь с начальником, писавшим вам аттестацию?

— Я первый раз слышу об этом и не видел никогда аттестацию, о которой вы говорите, я даже не знаю, кто мне ее писал, — ответил Резун.

— Ее подписал полковник Кривцов, — не унимался седой полковник.

— Полковник Кривцов — мой прямой начальник, но он не знакомил меня с аттестацией, — уверенно парировал вопрос Резун.

— Хорошо. Больше вопросов нет? — взял вновь в свои руки бразды правления председательствующий генерал. — Вы свободны, товарищ старший лейтенант, решение вам объявят позже.

Когда абитуриент покинул зал приемной комиссии, генерал, обращаясь к членам комиссии, сказал:

— Смотрите, товарищи, какой находчивый молодой офицер. Вот таких нам и надо брать в разведку. Думаю, товарищи, вы все поддержите меня. Хороший офицер.

— По-моему, у психологов к нему были какие-то претензии... — начал было полковник с артиллерийскими эмблемами на погонах.

— Ну, психологи — это теоретики, — отмахнулся генерал. — Они со своими тестами вечно мудрствуют. Мы с вами — практики. Без всяких тестов человека видим насквозь и знаем, какой человеческий материал нам подходит. Смотрите, как он Ленина знает и, самое главное, умеет на практике применять. Не растерялся от моих вопросов. А психологи сейчас пытаются ввести для проверки какой-то детектор лжи. Знаем мы эти буржуазные штучки. Мы как-нибудь и без этого обойдемся. У нас на вооружении есть вечно живое марксистско-ленинское оружие. Итак, я вижу, все «за». Пойдем дальше.

Такое игнорирование результатов психологических тестов не могло привести к положительным результатам при отборе кандидатов. А между тем психологи при обследовании Резуна отметили: «У абитуриента очень низкий порог лабильности, то есть устойчивости к стрессовым факторам. Человек с таким низким пороговым уровнем очень медленно выходит из стрессового состояния и утрачивает, находясь в таком состоянии, способность адекватно и разумно противостоять целенаправленному воздействию на его психику».

Когда Резун вышел из комнаты, он был близок к обморочному состоянию.

После того как мандатная комиссия закончила свою работу, абитуриентов собрали в зале и зачитали список офицеров, зачисленных в академию. Владимира в списке зачисленных не оказалось. Полковник, зачитав список, попросил его зайти к нему в кабинет. Оставшись вдвоем, полковник сообщил, что Резун зачислен в академию условно с предварительным прохождением годичной стажировки в войсках. Приказ о его назначении был подписан и направлен в Прикарпатский военный округ.

— Вам следует, — сообщил полковник, — немедленно явиться в строевой отдел в комнату номер 38 и получить там все необходимые документы и инструкции о ваших дальнейших действиях.

В строевом отделе ему выдали все необходимые документы и сообщили, что сейчас ему надлежит отправиться к месту прежней службы, рассчитаться с частью и в соответствии с предписанием отбыть к новому месту службы — в штаб Приволжского военного округа в город Куйбышев для прохождения годичной стажировки в разведывательном отделе округа.

Резун в строевом отделе получил проездные и на следующий день отправился во Львов. К счастью, его начальник Кривцов был в отпуске, и Владимиру удалось избежать встречи с ним, которой он очень боялся.

Из Львова, рассчитавшись с прежним местом службы и получив проездные документы до Куйбышева, Резун отправился к новому месту службы. Его путь лежал через Москву.

Под стук колес Резун заснул, не раздеваясь, убаюканный сладкими воспоминаниями и мечтами о будущем.

Под утро ему приснился его любимый дед Василий, с которым он жил вместе до поступления в суворовское училище. Подсознание вытащило кусок из его детства. Словно наяву, Владимир увидел восне, каклетом 1959годаон приехал всвой первый отпуск в родное село (имеется в виду село Звонецкое Солонянского района Днепропетровской области. Здесь были родные места отца и деда Василия. В 1945 году в селе Соленое, недалеко от Звонецкого, родился брат Александр).

Ему отчетливо виделось, как он шагает по пыльной улице села жарким июльским днем в белой гимнастерке, черных брюках с красными лампасами к отчему дому. Он убыстряет шаг, вот-вот побежит. Прошел год, как он расстался с родителями. На углу улицы показалась знакомая соломенная крыша хаты деда Василия.

Наконец он дома, за столом, в кругу семьи. Дед никак не наглядится на внука и все повторяет одни и те же слова: «Смотри, смотри, какой хлопец стал», и тайком смахивает слезу шершавой, привыкшей к труду рукой. Через некоторое время в хате собрались ребята со всего села. Девчонки робко посматривают на Владимира, краснеют, мальчишки явно завидуют, даже старший брат Александр смотрит с нескрываемой завистью и какой-то обидой. Ведь он так и не стал суворовцем. Владимир тоже чувствует себя не в своей тарелке, за год отвык от гражданского общества. Никто из собравшихся ребят никогда не видел живого суворовца, он для них настоящий генерал — сдержанный, серьезный (военная форма ко многому обязывает). Куда только делись уличные замашки и привычки.

Через неделю суворовец уже освоился с окружающей обстановкой, гонял целыми днями с ребятами мяч, ездил в ночное, сидел у костра, пек картошку, помогал деду по дому.

Приснился Владимиру и закадычный друг Тарас. Как-то он пригласил Володю поехать с ним в райцентр помочь продавать колхозные арбузы. Тот с удовольствием согласился. Погрузили арбузы в подводу и отправились в дорогу. Приехали в район, расположились на базарной площади, разгрузили арбузы, начали продавать. Командовал парадом шустрый Тарас, Владимир был на подхвате: подавал арбузы, помогал взвешивать. С непривычки дело не ладилось. Через некоторое время у подводы образовалась длинная очередь. Бабы галдели, как пуганые галки осенью на деревьях, выражая недовольство нерасторопностью продавцов, которые были явно не в ладах с арифметикой. Ребятам пришлось изрядно попотеть и наслушаться нелестных слов в свой адрес.

На следующий день к ребятам подошел старик-еврей, который в своей лавочке напротив торговал шнурками и наблюдал за неумелыми мальчишками. Старик сказал ребятам, что так торговать не годится, что они скоро могут остаться без шпанов от такой торговли. Мудрый еврей показал им, как надо быстро считать, не оставаясь внакладе. «Надо так облапошить покупателя, чтобы он остался доволен и еще спасибо сказал продавцу», — внушал старик.

Молодые пацаны с благодарностью восприняли его советы. И дело действительно пошло. Арбузы быстро распродали, покупатели не нарадовались на молодых хлопцев. Ребята выполнили колхозный план, заработали себе на мороженое и гордые возвратились домой.

Дома Владимир в кругу семьи с восторгом рассказывал о мудром добром еврее. Все слушали, одобрительно кивали головой. Отец сказал:

— Да, хитрый, умный еврей. Они умеют торговать. Торговля — их профессия с древних времен.

Дед слушал, кашлял в кулак, морщился, но помалкивал. Когда родители ушли, дед, обращаясь к внуку, сказал:

— Ты знаешь, Володя, у иудеев вера такая — без обмана не проживешь. Еще Иисус Христос выгнал торгошней-иудеев из храма. Они его за это и распяли. А ты православный. Я тебя сам крестил в церкви. У нас, у православных, обман — это великий грех. Да, наверное, и тебя в суворовском твоём учат быть честным. Суворов-то говорил: «Сам погибай, а товарища выручай». И сам он сухарь последний с бойцом делил. Поэтому негоже обманывать, это грех брать на свою душу.

На этом месте сон оборвался. Лучи солнца пробивались через занавеску окна, падали на подушку, скользили по лицу, щекотали, будили. Резун открыл глаза, попытался вспомнить, что еще сказал дед, и не смог. «Пожалуй, все-таки больше прав мудрый еврей, — решил Владимир, — дед — идеалист, живет старыми понятиями, а сейчас другое время. Хочешь жить, умей вертеться. Иначе останешься в дураках».

Поезд шел по длинному мосту через Волгу. Подъезжали к Сызрани. Резун жил и учился на Волге в городе Калининe два года. Но разве можно было сравнивать ту Волгу с этой — под Куйбышевом, широкой и раздольной, стенькаразинской. Нет, и Днепр уступал великой русской реке. Владимир учился в Киеве и частенько ездил в Дарницу на метро по знаменитому, построенному на одной сварке, патоновскому мосту через Днепр на свидание с Оксаной. Как знать, если бы она его не отвергла и ответила на любовь, возможно, ехал бы сейчас к своему новому месту службы с женой. Владимиру неприятно было вспоминать этот период своей жизни. Тогда ему казалось, он влюблен в Оксану. Ну и черт с ней,

подумал Резун. С глаз долой — из сердца вон.

Владимир смотрел из окна вагона на Волгу и не мог оторвать взгляда от открывающейся красоты. Наверное, вот от этой раздольной природы и родилась широта души в русском характере, стремление к воле, к беспределу.

Еще через два часа старший лейтенант Резун выходил из вагона поезда на вокзале в городе Куйбышеве. В Москве он отъезжал с Комсомольской площади и в Куйбышев приехал на Комсомольскую площадь. После Киева, Львова и Москвы вокзал в Куйбышеве показался Резуну захудалым и серым. Даже в Воронеже и Калининe вокзалы выглядели приличнее и солиднее. Резун с трудом нашел такси и поехал в гостиницу кэч (коммунально-эксплуатационная часть). Гостиница находилась недалеко от здания бывшего Куйбышевского суворовского военного училища на высоком берегу Волги.

Устроившись, Резун решил прогуляться по городу. Воскресенье, спешить ему было некуда. Деревянные одноэтажные и двухэтажные домики сбегали с крутого берега к набережным, образуя узкие улочки с бульажной мостовой. Город показался грязным, провинциальным и неустроенным. В нем было мало современных зданий.

Город Куйбышев в то время был закрытым. Резун слышал, что во время войны сюда эвакуировали десятки заводов и фабрик из Москвы и других городов СССР, здесь находился завод номер 45.

В понедельник Резун прибыл в штаб Приволжского военного округа, представился начальнику разведотдела округа полковнику Леонову. Владимира приняли доброжелательно, явно обрадовавшись прибывшему новому штыку. В отделе всегда не хватало людей, а работы было невпроворот. Разведотдел округа состоял организационно из первого отделения войсковой разведки, второго отделения информации, следственной части и делопроизводства.

Узнав, что Резун знаком с информационной работой, полковник Леонов назначил вновь прибывшего офицера на вакантную должность начальника второго отделения информации, поставив ему задачу наладить работу отделения. Начальник разведотдела, представляя старшего лейтенанта Резуна личному составу, объявил, что новичок прибыл на годичную стажировку и будет исполнять обязанности начальника информационного отделения. Личный состав отдела, особенно вольнонаемные девушки из делопроизводства с любопытством поглядывали на молодого офицера.

Стажировка — это не работа. Можно относиться к делу шаяль-ваяль. Владимир был не только дисциплинированным офицером, но и хорошо понимал, что его ждет впереди и что он должен хорошо себя зарекомендовать для достижения заветной цели.

Он старался использовать этот шанс. Ему нравилось копаться в толстых справочниках, писать аналитические справки, разбираться в организационных структурах иностранных армий, изучать ТТХ различных видов вооружений и военной техники. Еще во Львове он интересовался толстыми синими книжками, «Разведывательными сводками», которыми зачитывался и многое помнил наизусть, особенно про бронетанковую технику. Это был его конек. Он регулярно просматривал журналы «Военный вестник», «Военный зарубежник», сравнивал нашу технику и вооружение с иностранными аналогами.

Полковник Леонов очень быстро разглядел в Резуне аналитические способности и всю их использовал в работе отдела. В отделе скоро стали звать Резуна «ходячей военной энциклопедией», обращались к нему за различными справками, просили выступить перед личным составом с докладами и обзорами. Владимир помнил советы отца, он все больше и больше мечтал о карьере военного дипломата.

Разведотдел внутреннего военного округа был невелик. Владимир быстро познакомился с сотрудниками отдела, пользовался у них уважением и авторитетом.

С первых дней своего пребывания в штабе округа Владимир обратил внимание на машинистку отдела делопроизводства Татьяну Корж. Миловидная девушка запала ему в сердце, и в голове мелькнула шальная мысль: «Вот такая звонкая девица, — это была излюбленная характеристика для девушек, высшая оценка, — может стать моей женой». Он даже посвятил ей стихи ко дню рождения:

Мужчины смотрят тебе вслед,
А ты идешь, как королева,
Как будто дела тебе нет
До яблока, что откусила Ева.

Татьяна Корж работала в разведотделе округа с семнадцати лет. После окончания десятилетки она не поступила в институт, пошла на курсы машинописи, окончила их. Она и не стремилась продолжить свое образование, поступить учиться в институт, мечтала поскорее выйти замуж за хорошего человека и начать самостоятельную жизнь. Ее отец Корж Степан Витальевич, кадровый офицер Советской армии, помог дочери устроиться машинисткой в штаб округа. Симпатичная, складная, попав в окружение молодых офицеров, она быстро стала пользоваться всеобщим вниманием. Compliments сыпались со всех сторон. Вскоре нашлись и ухагеры. Особенно нравился Татьяне капитан из первого отделения войсковой разведки. Высокий красавец, участник венгерских событий 1956 года, получивший за это орден Красной Звезды, был ранен в Будапеште, служил в спецназе. На этого молодца многие девушки засматривались и вздыхали. Отпугивало Татьяну лишь то, что капитан был разведен, платил алименты и увлекался спиртным.

Резун долго не решался познакомиться с Татьяной. Мешала природная стеснительность и первый неудачный опыт с Оксаной. Но, даже преодолев свой комплекс, он не мог добиться желаемого результата. Татьяна односложно отвечала на его вопросы. Володе даже стало казаться, что ее словарный запас с трудом дотягивал до размеров лексики Элочки-людоедки, у него создалось впечатление, что она пустая, недалекая девчонка, которую мало что в жизни интересует. Кроме того, Резун видел, что вокруг Татьяны вился целый рой молодых красивых офицеров. Владимир понимал, что на фоне этих гвардейцев он смотрелся слабавато. Однако скоро сотрудникам стало известно, что Резун стажер и через год их покинет. В курилках шептались, что работают с будущим разведчиком. Слухи, что в отделе работает «новый Штирлиц», по-видимому, доходили и до Татьяны. Она стала больше внимания обращать на молодого перспективного офицера.

Ежедневно Владимир и Татьяна пересекались по работе, иногда вместе обедали в офицерской столовой, встречались на днях рождения сослуживцев, на вечерах самодеятельности, концертах. Иногда молодые люди вечером возвращались вместе пешком до конца улицы Куйбышева. На Комсомольской площади они расставались: Владимир шел в свою гостиницу кэч на улицу Обороны, а Татьяна сворачивала налево на Галактионовскую улицу, где она жила с родителями в доме специалистов. По дороге они говорили на разные темы и постепенно сближались. Татьяна оказалась разговорчивой девушкой, ей было интересно общаться с молодым человеком, который так много знал и так интересно рассказывал. Татьяну все больше и больше покорял Владимир: его галантные манеры, образованность, рассуждения о жизни. «Конечно, — думала Татьяна, — росточком он не вышел, в нем мало от мужчины: пухлый, круглый, женоподобный. Иногда его хочется погладить, словно котенка. Но что толку от этих генералов-красавцев, которые вертятся около меня на работе? У них одно на уме, по глазам вижу. А этот — серьезный парень,

имеет перед собой твердую цель в жизни».

Как-то после долгих и мучительных колебаний Резун решил пригласить Татьяну в театр на оперу «Евгений Онегин». Театр находился на площади Куйбышева совсем рядом с местом их работы. Татьяна с большим удовольствием приняла приглашение. Владимир едва сдержал радость. После спектакля Резун провожал Татьяну домой. Когда они шли по площади Куйбышева, Татьяна рассказала, что под площадью, где находился оперный театр, под землей на глубине 37 метров во время войны были вырыты многочисленные разветвленные туннели. Там располагалось убежище для высшего командного состава, а также ставка обкома ВКП(б). Вход находился недалеко от памятника В.И. Чапаеву. В настоящее время все эти секретные убежища открыты для обозрения общественности. Там создан «Музей-бункер И.В. Сталина», сделанный еще во время войны. Однако сам Сталин в нем никогда не был.

С этого дня Татьяна с Владимиром стали встречаться все чаще и чаще. Резун уже не стеснялся открыто ухаживать за Татьяной. Среди сотрудников сразу поползли слухи. Девчонки на работе откровенно завидовали Тане, шептались, хихикали, а про себя думали: надо же, какого завидного жениха наша Татьяна отхватила, а работает у нас ведь без году неделя. Шуэтра, шуэтра, выйдет замуж, станет, глядишь, генеральшей.

Они часто назначали друг другу свидания у памятника В. И. Чапаеву напротив Дома офицеров. Отсюда они, как правило, направлялись вниз по Красноармейской улице к Струковскому парку имени А. М. Горького — Струкачам, как называли парк горожане. Парк протянулся узкой полосой вдоль улицы Водников и набережной на высоком берегу Волги. В Струкачах был деревянный ресторан, кафе, танцплощадка, аттракционы и цирк шапито с полотняным куполом.

Иногда Татьяна, как всякая женщина, опаздывала на свидания. Владимир очень переживал. Рассказывая у памятника, курил одну сигарету за другой, то и дело смотрел на часы, сторя от нетерпения. Приходил он на свидание всегда на полчаса раньше, поэтому ожидание для него превращалось в тяжелую муку. Когда Татьяна наконец приходила, Владимир сердился, по-мальчишески надувал губы, обижался, долго отходил, расспрашивал о причинах опоздания, ревновал.

В Струкачах они ходили на танцплощадку. Владимир неплохо танцевал, сказывалась суворовская выучка. Он много рассказывал Татьяне о времени, проведенном в суворовском училище. С гордостью вспоминал, что пять раз участвовал в парадах на Красной площади в Москве. Когда же Татьяна спрашивала его о службе в Прикарпатье, он становился замкнутым и старался перевести разговор на другую тему. Радостное приподнятое настроение Владимира улетучивалось в один миг, как только он вспоминал о своей непродолжительной службе во Львове.

Львов поразил Резуна своей непохожестью на другие города, в которых ему приходилось бывать. Узенькие чистые улицы, невысокие каменные дома, католические костелы с остроконечными готическими шпилями, маленькие одновагонные, словно игрушечные, трамвайчики, идущие по узкой колее. Того и гляди, трамвай сойдет с рельсов и опрокинется на крутом повороте. Некоторые постройки поражали оригинальной архитектурой, смесью готического, романского стилей с модерном. Бросались в глаза частные добротные дома, утопавшие в зелени садов. Львов был расположен на холмах, в нем было много парков и скверов.

Прибыв во Львов, Резун поехал на такси в ячевскую гостиницу на улице Коперника в центре города недалеко от штаба округа. Устроившись, решил побродить по городу. Кто-то посоветовал побывать на холме Славы, с которого, как ему сказали, весь город виден, как на ладони. Жители Львова показались Владимиру хмурыми и недоброжелательными. Прохожие на вопрос, как проехать до холма Славы, отвечали с неохотой или совсем не отвечали. Резун с трудом понимал местную речь: смесь украинского, польского, гуцульского, русского.

На следующий день Резун в штабе округа получил назначение на должность командира танкового взвода и отправился в часть представляться командиру полка. Армейская жизнь подхватила Владимира, затянула в водоворот трудовых будней. Офицеры в полку были на вес золота. Резун быстро влился в дружный полковой офицерский коллектив. Взвод ему достался отменный, экипажи — слаженные, из старослужащих.

Молодой лейтенант попал с корабля на бал. Стояла осень — время инспекторских проверок в войсках. На боевых стрельбах на инспекторской проверке взвод отстрелялся на «отлично». Сразу после инспекторской начались крупномасштабные учения в составе нескольких округов. Учениями руководил министр обороны. После учений и инспекторской проверки Владимир почувствовал себя настоящим обстрелянным офицером, знавшим, почем фунт лиха: как тяжело сутками недосыпать, отвечать за доверенных тебе солдат.

Вскоре его вызвали в штаб полка и вручили приказ о назначении в разведотдел армии. Началась совершенно новая служба, которая повлияла на карьеру, определила всю дальнейшую его жизнь.

Мурашки пробегали по его спине, когда он вспоминал своего начальника в разведотделе армии, который снился потом ему по ночам в течение многих лет. Резун вскакивал с постели, ощупывал себя и, убедившись, что это просто кошмарный сон, успокаивался и ложился. Но ему снова и снова снилось, что звонит телефон и пьяный голос в трубке требует немедленно зайти. Резун, преодолевая липкий страх, поднимается по пустой лестнице в кабинет. Начальник вынимает из сейфа бутылку водки. Наливает. Приказывает: «Пей!» «Я не хочу», — робко возражает Резун. «Пей, я тебе говорю!» Давясь, Владимир пьет. «Я тебя сделаю человеком. Будешь работать в ГРУ. Офицер разведки должен уметь пить, и много пить. Я тебя научу и сделаю настоящим разведчиком». Резун пьет через силу, подчиняясь начальнику. Быстро хмелеет. Начальник подходит к размякшему Резуну. Глаза у него наливаются кровью, как у разъяренного быка. Мутными глазами смотрит на свою жертву и, шевеля пьяными непослушными губами, говорит: «Ты что, правда во всем этом не находишь наслаждения или только притворяешься?» «Не нахожу», — слабым голосом отвечает Резун. «Жаль, надо искать и находить наслаждение и удовольствие в муках и страданиях. Это — высшая стадия наслаждения. Она доступна только сильным, сверхчеловекам. Ты еще молод. Не понимаешь. С годами поймешь. Наслаждение, когда тебе подчиняются другие люди. Ты должен стремиться к этому. Я научу тебя это понимать. Ты будешь мне благодарен до гробовой доски, мальчик. Прожить на этом свете можно, только перегрызая плотки другим. Если этого не сделаешь, перегрызут плотку тебе. А теперь иди». Резун сам принадлежал к тому же племени извращенцев.

Сближение Татьяны и Владимира после их знакомства шло довольно быстро, молодые люди находили много общих интересов, часто встречались.

Летом 1970 года Татьяне исполнилось восемнадцать лет. Она пригласила Владимира на свой день рождения. Предстояло познакомиться с родителями Татьяны. Владимир купил бутылку хорошего марочного вина «Букет Абхазии», цветы, коробку конфет. Он произвел хорошее впечатление на родителей Татьяны. Особенно понравился отцу. Они быстро нашли общий язык, разговорились. Степан Витальевич узнал, что отец Резуна тоже кадровый военный, с Украины и почти что земляк.

Мать Татьяны Клавдия Федоровна суетилась у стола. Владимир понравился ей своей скромностью, воспитанностью. «Да, — думала она, — о таком женихе для дочери в наше время можно только мечтать: и умен, и образован, и обходителен. Пойди найди такого. И смотрит такими влюбленными глазами на дочь, и так внимателен к ней. Росточком не вышел, но ничего. Мал золотник, да дорог».

И все-таки сердце Татьяны не лежало к Владимиру. Капитан-десантник занозой сидел в сердце. А Резун между тем все настойчивее добивался своей цели. Отец в письмах торопил и напоминал сыну, что пора серьезно задуматься о женитьбе, если он хочет учиться в академии. Владимир и сам постоянно думал об этом, спешил и однажды решился на откровенный разговор с Татьяной. Приближалось время, когда ему со

дня на день мог прийти вызов из Москвы.

Во время очередного свидания Владимир пригласил Таню в летний ресторан в парке. Цветущая сирень наполняла воздух пьянящим ароматом. С реки дул легкий теплый ветерок. Красавица Волга текла внизу широко и величаво.

Владимир с Татьяной сидели за отдельным столиком на открытой веранде, музыка доносилась с танцплощадки, иногда слышались гудки пароходов с Волги.

Резун никак не мог найти подходящий момент для серьезного разговора. Говорили о пустяках. Неожиданно Татьяна помогла ему своим вопросом.

— Ты когда собираешься в отпуск в этом году? Я что-то тебя не видела в плане отпускников на этот год, который на днях печатала для начальника. Тебя там нет.

— Понимаешь, — Владимир с радостью ухватился за соломинку, — меня и не должно быть в плане отпускников. Я ведь, как тебе сказать, — замялся Резун, — жду вызова. Моя стажировка подходит к концу, я должен уехать на учебу.

— Куда? — спросила Татьяна.

— Знаешь, — вновь замялся Владимир. — Я не могу тебе обо всем говорить, я давал подписку, хотя многое зависит от наших отношений. Если бы я был уверен, что мы с тобой «как два берега», то, пожалуй, мог бы рассказать больше, поделиться с тобой, если ты будешь молчать об этом и никому ни слова.

— Что ты имеешь в виду, какие два берега? — спросила Татьяна и густо покраснела.

— Ну, ты, думаю, понимаешь, — уклончиво отвечал Владимир. И продолжал после некоторой паузы: — Я бы хотел, чтобы мы с тобой были вместе на всю жизнь. Если ты согласна... — Голос Владимира дрогнул, он взял ее руку и, боясь ответа, поспешно добавил: — Если ты согласна, я расскажу тебе обо всем, и мы уедем отсюда вместе. А после учебы мне предстоит работа за границей — в Германии или во Франции. Я не должен был тебе обо всем этом говорить, но я тебя люблю.

Резун остановился и впился глазами в Татьяну. Он слышал, как у него билось сердце. Наступила пауза, которая показалась ему вечностью. Наконец, справившись с волнением, он спросил:

— Ты готова поехать со мной?

— Да, — прошептала Таня.

После ресторана они долго бродили по аллеям парка, целовались. Владимиру казалось, что нет на земле счастливее человека, чем он, и что весь мир лежит у его ног. Он чувствовал себя победителем. А Татьяне казалось, что она кружится в вихре какого-то вальса. Гремит оркестр, она в нарядном платье, и все взоры окружающих обращены на нее, молодую и красивую.

Через месяц восемнадцатилетняя Татьяна вышла замуж за Владимира Резуна, которому было двадцать три года.

Свадьбу сыграли в Куйбышеве. С Украины приехали родители Владимира. После свадьбы Владимир переехал к Татьяне на Галактионовскую улицу. Родителям пришлось потесниться, выделив молодоженам отдельную комнату.

А еще через месяц пришел вызов на старшего лейтенанта Резуна Владимира Богдановича: прибыть в Москву на учебу в Академию Советской армии.

Молодые супруги, хмельные от счастья и полные надежд, отправились в столицу.

Глава 4

В СВЯТАЯ СВЯТЫХ

Я знаю, что если меня в Аквариум примут, то это будет большая ошибка советской разведки.

В. Суворов. «Аквариум»

В августе 1971 года старший лейтенант Резун Владимир Богданович с женой Татьяной отправился на учебу в Москву в Военно-дипломатическую академию Советской армии.

Как и год назад, Резун ехал к новому месту службы на фирменном поезде «Жигули» Куйбышев — Москва, только в этот раз в обратном направлении. В кармане его кителя лежало предписание, в котором указывалось, куда и когда он должен прибыть для прохождения дальнейшей службы.

На вокзале в Куйбышеве молодую чету провожал и друзья и родственники, желали им счастливого пути, успехов на новом месте службы. Легко себе представить, какие чувства испытывали молодожены, направляясь в Москву. Эта поездка была похожа на свадебное путешествие, на счастливый сон. О такой удачной карьере для молодого офицера можно было только мечтать.

В Москве поначалу все складывалось неплохо. Быстро решился вопрос с жильем, Владимир приступил к занятиям в академии. Слушатели должны были приходиться на занятия в штатском. Владимир чувствовал себя в гражданском неловко, не в своей тарелке. Пришлось учиться завязывать галстук, цивильный пиджак с непривычки казался узким в плечах. Тринадцать лет, с самого детства, он носил погоны. И вдруг — в один день должен был стать гражданским. Это непросто. Нелегко было избавиться и от привычек, которые превратились за годы воинской службы в устойчивые условные рефлексы. Привычные слова: «так точно», «никак нет», «слушаюсь», «есть» — вошли в плоть и кровь.

Первый учебный день начался с вводной лекции начальника академии.

На кафедре не спеша поднялся грузный седой генерал. Нездоровый румянец и синие прожилки на его одутловатом лице говорили о том, что он страдал гипертонией. Молодые офицеры внимательно слушали лектора, стараясь не пропустить ни одного его слова.

Для Резуна, как и для большинства офицеров, сидящих в зале, все в академии было неизвестным, на всем лежала печать какой-то тайны, казалось, что где-то, совсем рядом, витал дух великих советских разведчиков: Зорге, Кузнецова, Абея. Они незримо присутствовали здесь, благословляя молодых офицеров на новые подвиги. Для слушателей началась совершенно новая жизнь, они чувствовали себя новичками, поступившими в первый класс.

Кстати, в разведке оперативному офицеру, работающему «в поле», часто приходилось становиться первоклашкой. Каждый раз, независимо от опыта, разведчик, приезжая в новую для него страну, оказывался в роли начинающего ученика. Каждый раз надо работой доказывать, что ты что-то представляешь из себя как разведчик. В агентурной разведке, в отличие от многих других профессий, есть такие аналитические весы, на которых можно довольно точно измерить конкретный труд каждого работника и дать ему объективную оценку. Генерал выдержал небольшую паузу, как бы давая время аудитории успокоиться, хотя тишина в зале была абсолютная. Потом поздравил всех с успешной сдачей экзаменов и поступлением в академию. Генерал отметил, что Родина оказала молодым людям высочайшее доверие, дав возможность стать офицерами военной стратегической разведки Советской армии.

— Вы вступаете, — говорил начальник академии усталым негромким голосом, — на очень ответственный, почетный и, не скрою, опасный путь. Вам Родина доверяет служить на самых передовых рубежах, а порой и за ее пределами, часто во враждебно настроенной среде. На первый взгляд может показаться, что работа военного разведчика за рубежом полна романтики. Шикарные машины, пышные дипломатические приемы и рауты, стильные костюмы, красивые женщины. Романтика, безусловно, присутствует в жизни разведчика. И все же на его пути больше шипов, чем роз. Это вам надо хорошо запомнить. Об успехах в разведке предпочитают помалкивать, а о провалах, неудачах вовсю трубят. Вам доверено защищать Родину в мирное время. Для вас никогда не наступит мир, вы всегда будете на передовой, на фронте. И в этом, может быть, и заключается великое счастье разведчика и романтика этой опасной службы.

Резун сидел бледный, обычный румянец исчез с его полных щек, он чувствовал какую-то внутреннюю дрожь во всем теле, словно его знобило.

— США и страны НАТО, — продолжал генерал, — ни на минуту не оставляют своих зловещных планов уничтожить СССР и наших союзников по Варшавскому договору. Их планы коварны и жестоки и могут носить самые разные формы. Они никогда не оставляли и не оставляют мысли уничтожить Советский Союз. В доказательство сказанного я хочу привести вам текст речи бывшего директора ЦРУ Аллена Даллеса, произнесенной им в далеком 1945 году незадолго до окончания Второй мировой войны и в преддверии третьей — так называемой «холодной войны», не менее разрушительной, чем «горячая».

Вот эта речь: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого его вырождения. Из литературы и из искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого.

Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение и превратим в посмешище, найдем способ их оболгать. Мы будем рассматривать поколение за поколением. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, растлевать, развращать ее. Мы сделаем из них молодых циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это и сделаем».

Задача военной стратегической разведки — вовремя вскрыть планы НАТО о готовящемся нападении на СССР и своевременно доложить об этом командованию, но не менее сложной является задача противостоять планам Даллеса. Как это сделать, вас и научат в стенах нашей академии преподаватели, которые имеют огромный опыт разведывательной работы за рубежом. Важным инструментом разведчика является знание иностранных языков, что значительно расширит его профессиональные возможности. У нас опытные педагоги, они помогут вам стать настоящими полиглотами. Чем больше иностранных языков знает разведчик, тем шире его возможности в разведывательной деятельности. Вы должны много трудиться и проявлять усердие в учебе.

Несколько слов о моральной стороне профессии военного разведчика. Социализм — самый справедливый общественный строй на земле, отрицающий эксплуатацию человека человеком и присвоение продуктов чужого труда. В отличие от капиталистического общества, которое провозглашает: «Каждый за себя, и бог за всех», социализм провозглашает: «Каждый за всех, и все за одного». Поэтому служить самому справедливому обществу на земле — нравственный долг каждого гражданина. Из чего следует, что профессия советского разведчика моральна и каждый человек, по-настоящему преданный своей социалистической Родине, приобретает право ею заниматься.

Если все же кто-то из вас сомневается в этом и считает разведывательную деятельность аморальной или по каким-либо другим причинам не может посвятить себя этому делу, то ему лучше найти себе другое занятие.

Если кто-то из сидящих в зале решит, что ошибся в выборе профессии, лучше, пока не поздно, подать рапорт об уходе. К такому офицеру не будут предъявлены какие-либо претензии, и он будет направлен к месту своей прежней службы без каких-либо оргвыводов. Советую сделать это сразу, не откладывая в долгий ящик, потому что позже это будет болезненно и для самого офицера, и для общества.

На этом разрешите закончить свое краткое выступление и пожелать вам успехов в учебе.

Потом генерал представил новым слушателям академии преподавателей специальной подготовки. Называя каждого из них по имени и отчеству, генерал коротко сообщил о его заслугах в разведке.

Речь генерала на Резуна произвела сильное впечатление: она, конечно, настраивала на напряженную работу и в то же время пугала. Он не знал, как может повести себя в экстремальных условиях, о которых говорил генерал. Подобное чувство испытывал не только Владимир, но и большинство офицеров, сидящих в зале. И это было нормально и естественно.

Уже в первые дни учебы в академии три офицера подали рапорты об их откомандировании. Рапорты были удовлетворены, и офицеры возвратились к прежнему месту службы. Не по Сеньке оказалась шапка, и они, найдя в себе мужество это признать, поступили честно, как и подобает настоящим офицерам.

Резуну повезло, он попал в совершенно новую для него офицерскую среду. Большинство слушателей были старше его и по возрасту, и по воинскому званию. В академии обучалась элита офицерского корпуса Советской армии. Некоторые уже выезжали за рубеж, владели иностранными языками, имели опыт разведывательной работы.

Преподаватели академии были очень добросовестные и интеллигентные люди, они чем-то напоминали Резуну офицерский преподавательский состав в суворовском училище. Совершенно отсутствовали в отношениях между личным составом грубость, хамство, солдафонство, имевшие место в войсках. Преподавателей отличала высокая культура и профессионализм.

Основные дисциплины особых проблем у Владимира не вызывали. Достаточно хорошая общеобразовательная подготовка, а также отменная память позволяли успешно осваивать многие предметы. Некоторое недовольство Резун испытал, когда ему в качестве основного иностранного языка определили французский. Он рассчитывал получить немецкий. Но самое большое разочарование ждало его позже: его определили в «крышевики» (офицеры разведки, работающие под прикрытием какого-либо гражданского ведомства или учреждения — «крыши»). Мечта отца увидеть сына военным атташе в каком-нибудь заморском государстве рухнула в одночасье и развеялась как дым.

Любимым предметом Владимира было изучение армий иностранных государств и их вооружения. Хорошее знание этого предмета выделяло его среди других слушателей.

А вот с французским языком почти сразу начались трудности. Иностранная фонетика всегда была для него подводным камнем. Украинские звуки «гэ», «ци» так и вылезали на поверхность, а французское произношение «в нос» никак не давалось. Это вызывало недовольство со стороны преподавателей. Не очень помогал и лингофонный кабинет. Резун и по окончании академии не мог похвастаться тем, что говорит по-французски как русский князь.

После первого года обучения в академии слушатель Резун получил не самую лестную для человека его профессии характеристику: «Недостаточно развиты волевые качества, небольшой жизненный опыт и опыт работы с людьми. Обратит внимание на выработку необходимых офицеру разведки качеств, в том числе силы воли, настойчивости, готовности пойти на разумный риск».

Но от всех этих недостатков не так-то легко избавиться. Поэтому у Резуна возникли большие трудности на втором и третьем году обучения. На первом курсе со специальной подготовкой не было особых проблем. При решении практических задач в городе Резун хотя и суетился, но выявлял за собой слежку, получая оценку «удовлетворительно». Это объяснялось тем, что бригады наружного наблюдения формировались из студентов-контрразведчиков, поэтому они допускали ошибки, светились, суетились без надобности, показывая себя будущим разведчикам. На втором году обучения задачи при работе в городе усложнились, бригады начали формироваться уже из кадровых, опытных разведчиков, входящих в боевые бригады. Слежку обнаружить было уже значительно труднее. К тому же при решении практических задач Резун проявлял нерешительность, граничащую с трусостью. Имел место случай, когда из-за чрезмерного волнения на экзамене он упал в обморок, посчитав, что ему занизили оценку. Командование не придало этому значения.

Независимо от того, какая тема отрабатывалась в условиях города: тайниковая операция, встреча с агентом и т. д., — слушатель всегда начинал свою работу с выхода в определенное время на контрольную точку и только после этого начинал движение по маршруту. Каждый слушатель имел свою контрольную точку в городе. Операцию разрешалось проводить только тогда, когда будущий разведчик убеждался, что за ним не ведется наружное наблюдение. После занятий — написать короткий отчет, в котором должен был указать, обнаружил ли он слежку или нет, а также описать работников наружного наблюдения. Наружное наблюдение назначалось преподавателем специальной подготовки, причем не всегда. Слушатель, естественно, не знал, в какой из дней за ним будет вестись наблюдение. При каждом выходе в город надо было быть начеку.

Большинство молодых людей любило занятия в городе. Это был способ проверить себя в обстановке, приближенной к боевой. Но были и такие, которые побаивались этих занятий, чувствовали себя неуверенно, терялись. К ним относился и Резун.

С трепетным волнением выходил Резун на свою контрольную точку к газетному киоску у станции метро «Университет», покупал газету «Советский спорт» и минут пять с газетой в правой руке стоял под часами у киоска.

Уже на контрольной точке Резун испытывал волнение, подобное тому, которое испытываешь на лыжном кроссе перед стартом. Такое волнение было совершенно естественным для будущего разведчика, его испытывают все и во время обучения, и особенно в боевой обстановке. Если оно не переходит в панику, то даже помогает разведчику решать поставленные задачи.

Постояв пять положенных мину на контрольной точке, Владимир шел к станции метро. В то далекое время пассажиров в метро было немного. Станция «Университет» была конечной. Резун спускался по эскалатору и садился в последний вагон. Предполагая, что за ним может вестись наружное наблюдение, он начинал изучать немногочисленных пассажиров вагона, стараясь провести селекцию, кто из них мог быть потенциальным контрразведчиком. Отбросив людей, которые, по его мнению, не могли быть сотрудниками контрразведки, он останавливался на нескольких, стараясь их запомнить. При этом учитывал, что оперативники могли ехать и в соседних вагонах, а также меняться на станциях. Через некоторое время ему казалось, что он приметил двух-трех подозрительных типов, которые могли быть потенциальными контрразведчиками. Теперь достаточно было их увидеть на намеченных заранее точках проверки, которые были предусмотрены на маршруте движения, и его задача была решена.

Такая схема обнаружения слежки принята у разведчиков во всем мире. Важно умело и квалифицированно ее использовать на практике. В этом и заключается искусство и профессионализм разведчика.

В своей замечательной книге «Лихолетье» бывший генерал КГБ Н.С. Леонов рассказывает, как у них в разведшколе учили будущих разведчиков обнаруживать слежку: «Используя богатый арсенал тактических элементов, он (разведчик. — Л.К.) постепенно подтягивал к себе подсеченную на крючке рыбу, выявляя всю бригаду наружного наблюдения». Описано, конечно, образно и лихо, но зачем дразнить гусей и выявлять всю бригаду наружного наблюдения. Это совершенно не требуется делать, необходимо на 100 процентов выявить одного и убедиться, что наружное наблюдение есть. Дальше генерал пишет: «Сначала надо было после выявления наружного наблюдения незаметно, естественно „оторваться“, ускользнуть от него. Затем провести под наружным наблюдением, но обязательно незаметно для наблюдающих передачу малогабаритных материалов предполагаемому „агенту“, с которым заранее отработывались все детали операции по приему-передаче. К тому же сделать это надо было так, чтобы у следовавших по пятам сыщиков не возникло даже тени подозрений, что „агент“ имеет какое-то отношение к разведчику». Интересно бы узнать, как это удавалось им совместить с проведением операции скрытно от КРО? «Потом требовалось „отработать тайник“, то есть заложить либо изъять материалы из тайника, опять-таки действуя под наружным наблюдением». Слава богу, что в ГРУ таким глупостям не учили. Чтобы так действовать, надо противника считать круглым дураком.

Первая точка для выявления слежки у Резуна была на станции метро «Библиотека им. Ленина». Здесь был только один выход из метро без эскалатора. Резун провел свое статистическое исследование, на основании которого выяснил, что на этой станции днем выходили из поезда пять-восемь пассажиров, которые сразу направлялись на выход. Резун специально садился на станции «Университет» в последний вагон, чтобы первым оказаться на небольшой лестнице, ведущей в город. Он должен был успеть быстрее других пассажиров подняться на несколько ступенек и повернуть налево на девяносто градусов, где за углом стояло несколько телефонных будок, которые, как правило, были свободными. Оказавшись за углом в мертвом пространстве, Резун быстро нырнул в телефонную будку, снимал трубку и набирал номер. Контрразведчики, если они были, на мгновение теряли его из виду. Потеряв объект наблюдения, контрразведчик прибавлял шаг, завернув за угол, он вдруг обнаруживал, что разведчик исчез, как сквозь землю провалился. Вот здесь для разведчика и наступает «момент истины». Наблюдая боковым зрением за проходящими мимо телефонной будки пассажирами, можно легко выделить среди пяти-восьми человек сотрудника наружного наблюдения, даже в том случае, когда слежку ведет опытный работник.

Представьте себе человека где-то на улице при большом скоплении народа, на вокзале или в ГУМе, потерявшего своего знакомого или ребенка, отошедшего на минутку купить мороженое, например. Этот человек начинает, как волчок, крутиться на месте, его взгляд растерян и озабочен, он совершает какие-то нелепые движения, мечется туда-сюда. И вдруг он видит того, кого ищет. Напряжение на его лице мгновенно пропадает, человек расслабляется.

Нечто подобное в таких ситуациях происходит и с работниками службы наружного наблюдения, ведущими слежку. При кратковременной потере объекта наблюдения они тоже нервничают, выдают себя своим поведением. У опытных работников нервозность проявляется в меньшей степени. Задача разведчика поставить работников службы наружного наблюдения в неудобную для них ситуацию, заставить показать себя, раскрыться. Здесь у разведчика есть определенное преимущество. Он заранее может подобрать места проверки. Контрразведка не знает, что он предпримет в следующий момент, она может только предполагать и предвидеть действия разведчика.

Во время одного из таких занятий по спецподготовке Резун на станции метро «Библиотека им. Ленина» среди пяти пассажиров, прошедших мимо телефонной будки, увидел мужчину, который ему еще в вагоне метро показался подозрительным. Пассажир спокойно прошел мимо телефонной будки, не обратив на Владимира никакого внимания. Затем Резун увидел его в троллейбусе, только ему показалось, что мужчина вывернул куртку наизнанку. В метро она была серая, а теперь стала желтой, ботинки и портфель не изменились. Сомнений не было. «За мной слежка», — подумал Резун и не стал выходить на встречу с «агентом». Сошел с маршрута и направился через некоторое время домой. Потом он написал краткий отчет, описал приметы мужчины, который, по его мнению, вел слежку. Через несколько дней преподаватель специальной подготовки пригласил слушателя к себе в кабинет. Хитро улыбаясь, начал расспрашивать о выходе в город, о деталях операции, похвалил за выбор точки на станции метро «Библиотека им. Ленина». В конце беседы преподаватель сообщил: за Резуном наружного наблюдения в тот день не велось, а Владимир постороннего гражданина принял за контрразведчика. Преподаватель вынул из выдвижного ящика письменного стола лист бумаги и протянул его Резуну.

— Вот, полюбуйтесь, что пишут наши контрразведчики о вашем поведении на маршруте: «Объект на маршруте вел себя беспокойно, часто совершенно нелегитимно оглядывался, применял шаблонные приемы проверки для обнаружения за собой слежки, дважды завязывал шнурок на ботинке с целью обнаружить слежку, проверялся грубо и непрофессионально». Чем вы можете объяснить подобное поведение?

Резун напрягся и после небольшой паузы ответил:

— Я проявлял бдительность.

— Кстати, в этот раз с вами в вагоне метро никто из бригады наружного наблюдения не ехал, а это выдержка из другого отчета.

Такие казусы с Резуном происходили не раз во время учебы.

Преподаватель неоднократно указывал ему, что неумение выявить за собой слежку — главный недостаток в работе разведчика. Существуют две крайности: некоторые работники надеются на русское «авось», а некоторые до бесконечности сомневаются. И то и другое плохо. В первом случае провал неминуем, так как разведчик никогда не знает наверняка, есть за ним «хвост» или нет. Во втором случае он подвергает свою психику опасному напряжению. В конце концов ему начнут мерещиться преследователи там, где их нет, а отсюда один шаг до срыва, до психушки. Спокойствие и трезвый расчет, отсутствие паники — вот залог успеха настоящего разведчика.

Преподавателей специальной подготовки в академии звали «дядьками». Трудно сейчас сказать, откуда это пошло. По всей видимости, от царских кадетских корпусов. Там действительно была такая должность. «Дядьки» должны были во всем заботиться о кадетах. И в академии больше всех со слушателями возились, конечно, преподаватели специальной подготовки. Они были настоящими заботливыми воспитателями будущих разведчиков.

В группе Резуна («дядькой») был заслуженный разведчик, дважды удостоенный наградами за рубежом. Он был фанатично предан разведке, любил свою профессию. Это был удивительно симпатичный человек, любимец группы. На занятиях, расхаживая между рядами в аудитории, любил иногда пофилософствовать, порассуждать, часто высказывая свои оригинальные мысли и суждения, которые отличались от общепринятых и могли расходиться с официальной точкой зрения. Он любил повторять, что разведка — творческая профессия, которая требует полета фантазии, смелости, умения пойти на риск. «Добивайся правды, — учил он, — если уверен, не бойся разбить нос о препятствия, о косность, о бюрократизм. Когда надо принимать ответственное решение, не полагайся ни на кого, кроме себя. Бери ответственность на себя, если убежден в своей правоте».

Резуну врезалось в память, как на одном из первых занятий по специальной подготовке «дядька» подошел к классной доске и размашисто написал мелом две буквы «А» и «В», поставив между ними знак «больше-меньше». «Вот вам универсальная формула советского разведчика, — проговорил преподаватель, обведя буквы мелом в рамку, как математическую формулу. Слушатели смотрели на доску, ничего не понимая. — Да, да, не удивляйтесь, — продолжал между тем после некоторой паузы «дядька». — В этой формуле наглядно видна работа разведчика, если мы расшифруем, какое содержание вложено в буквы „А“ и „В“. — Преподаватель загадочно улыбался, подходил к доске и продолжал: „А“ — это то, что вложило государство в каждого из вас, затратило на обучение в течение долгих лет. Это народные деньги, оторванные от людей труда, рабочих, крестьян, служащих. Они помогут получить прекрасное образование. Государство надеется, что когда вы овладеете профессией разведчика, то сполна все вернете. „А“ легко подсчитать и получить конкретную цифру. Как вы теперь, надеюсь, уже сами догадались, „В“ — это то, что вы даете государству своей работой, это ваша отдача долга.

Разведка — особая форма деятельности, где „В“ достаточно конкретно. Это может быть ценный документ, образец техники, важная информация, которую вы добыли и которая позволяет государству сэкономить большие средства. Таким образом, у разведчика, приносящего пользу государству, разность „В-А“ всегда должна быть положительной».

Помимо спецподготовки немало неудобств приносило соблюдение необходимых мер конспирации в общении с гражданским населением. В Москве в различных военных учебных заведениях и в воинских частях служило много однокашников Владимира.

Однажды Резун совершенно неожиданно на Комсомольском проспекте у станции метро «Парк культуры» нос к носу столкнулся со своим бывшим товарищем — помощником командира взвода по суворовскому училищу Анатолием Ворончуком. Анатолий был очень одаренной натурой, увлекался литературой. В библиотеке училища не осталось, пожалуй, ни одной книги, которую бы он не прочитал. Анатолий помогал Владимиру не только в учебе, но защищал от нападков некоторых суворовцев. Закончив Высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета, Анатолий служил теперь в Москве на ответственной должности в Генеральном штабе Советской армии, готовился к поступлению в Академию имени Фрунзе.

— Привет, старина. Ты что здесь делаешь? В гражданке. В отпуске, что ли, в Москве? — набросился с вопросами Анатолий на ошарашенного неожиданной встречей Резуна.

— Да нет, знаешь, я... — запинаясь и краснея, начал что-то сбивчиво лепетать Владимир.

— Да ладно, не объясняй, я слышал от ребят, что ты служишь в ПриКВО, во Львове, — продолжал уже не так активно наседавать Анатолий, обрадованный встречей с товарищем.

— Да, я служил там, а сейчас... — Резун хотел перейти к своей легенде и сказать, что уволился из армии и учится, но запутался с первых слов, прочитав по лицу товарища, что тот как-то недоверчиво на него смотрит.

— Что ты темнишь, дружище? — перебил его Ворончук. — У тебя есть время?

— Вроде есть немного, — отвечал Владимир неуверенно.

— Ну и прекрасно, пойдём пропустим по стопарю и поговорим, — предложил Ворончук.

Через некоторое время друзья сидели в кафе в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в чешском павильоне, пили модное в то время пиво «Пилзнер», закусывали ароматными шпикачками и беседовали. Вспоминали ребят их суворовского училища, обсуждали, кто, где, как устроился. Поскольку Анатолий служил в Москве, ему удавалось поддерживать контакты со многими бывшими суворовцами, по традиции ежегодно встречаться с ними у хвоста коня князя Юрия Долгорукого. Володя слушал с удовольствием о судьбах товарищей. Много интересного рассказал Анатолий об однокашниках.

В конце встречи, слегка опьянев, Резун намекнул товарищу об учебе в Военно-дипломатической академии Советской армии. Анатолий и без того понял, где обитает Резун, но не стал ставить его в неловкое положение и задавать лишние вопросы. Они расстались друзьями, договорились о новой встрече, по-братски обнялись.

Такие курьезные случаи нередко происходили со слушателями ВАСА, и не только в огромном городе Москве, но и за рубежом и даже с нелегалами.

Описан случай, когда наш разведчик-нелегал Абель в Гамбурге до войны рано утром проходил около морского порта. На улице не было ни души. Вдруг словно из-под земли вырос какой-то здоровенный матрос и, обращаясь к Абелю на русском языке, спросил:

— Мужик, где здесь можно отлить?

— Вон там, в подворотне, — ответил Абель по-русски и пошел своей дорогой.

Но были и другие случаи. Один наш товарищ назовем его X, учился в одной роте с Резуном в суворовском училище, а затем несколько позже в Военно-дипломатической академии Советской армии, встретив товарища (в ситуации, подобной описанной) на трамвайной остановке, повел себя по-другому.

— Привет, Вася, — вскричал товарищ по СВУ и хотел уже броситься в объятия к X.

— Извините, товарищ, вы меня с кем-то спугали. Мы с вами не знакомы, — холодно ответил X, повернулся и зашагал в другую сторону. Потом X успешно окончил ВАСА, отлично поработал за рубежом и дослужился до генерала.

В 1972 году у Владимира Резуна родилась дочь Оксана. Вероятно, глубоко засела в сердце у Владимира девочка с Дарни-цы, раз назвал своего первенца в ее честь.

В конце учебы у Владимира появилось желание заняться информационно-аналитической работой, он даже взялся за написание научного реферата, который озаглавил: «Сионизм и разведка». Работа потребовала много времени, пришлось серьезно покопаться в литературе по этому скользкому вопросу, которую не так-то просто было достать. В конце концов Резун представил законченный труд своему руководителю. Тот посмотрел реферат, положительно отозвался о проделанной работе, но предложил вернуться к ней после командировки уже на более солидной основе, с использованием иностранной литературы и практики работы за рубежом. Преподаватель считал, что Резун сможет использовать материалы реферата для написания диссертации.

Особняком в программе академии стояла марксистско-ленинская подготовка. Лекции по ней читали кандидаты и доктора философских наук, солидные и важные. Читали скучно и неинтересно, оторванно от реальной жизни.

Слушатели были с высшим образованием и изучали этот предмет чуть ли не с пеленок в каждом учебном заведении, так что с основными положениями марксистской философии были знакомы. В академии основной акцент делался на изучение первоисточников, уделялось внимание и критике буржуазных философских теорий. Но последняя носила формальный, оторванный от жизни характер. Преподаватели кафедры марксизма-ленинизма в большинстве своем сами за рубежом никогда не работали, а потому не сталкивались с капиталистической действительностью. Им не доводилось участвовать в философских дискуссиях с нашими идеологическими противниками. И естественно, они не могли и научить эффективным способам борьбы с ними. Они капитализм знали по газетам и книгам. От слушателей требовалось только знать, как Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин смотрели на ту или другую проблему, а мнением самих слушателей по данному вопросу никто не интересовался.

На смену настоящим философам приходили лжефилософы, малообразованные неучи вроде Хрущева, Гришина, Черненко, Брежнева и иже с ними, которые пытались учить народ, как жить. Их речи, написанные бурлацкими, арбатовыми, александровыми, благовыми и другими толкователями марксизма-ленинизма, печатались за рубежом за валюту. Фолианты в дорогих переплетах заполняли прилавки книжных магазинов. Книги эти, конечно, никто не читал. Через несколько лет люди понесут их в пункты сдачи макулатуры.

Наша контрпропаганда была беззубой и хромала на обе ноги. Партия деградировала, ее идейное оружие ржавело и тупело. Это, безусловно, сказывалось и на идейной подготовке будущих разведчиков.

В 1974 году старший лейтенант Резун окончил Военно-дипломатическую академию Советской армии по специальности военно-дипломатическая служба. Решением Государственной экзаменационной комиссии ему была присвоена квалификация офицера с высшим военно-дипломатическим образованием.

На него были написаны характеристики, которые, в общем, объективно отражали его положительные и отрицательные профессиональные и человеческие качества. В них отмечалось, что старший лейтенант В. Б. Резун предан делу Коммунистической партии и Советскому правительству. Эта заключительная фраза была пропуском при отборе в разведку, индальгенцией в верности своему Отечеству, Коммунистической партии. И в принципе это было совершенно правильно, ибо преданность коммунистическим идеалам предполагала наличие патриотизма, любви к социалистической Родине. На первый взгляд профессиональная подготовка, полученная Резуном в академии, а также его личные человеческие качества позволяли использовать его в разведывательной работе за рубежом.

Во всех разведках мира основное внимание при отборе уделяется приверженности кандидата идеалам и ценностям своего общества. Однако четкие критерии на этот счет выработать практически невозможно, а потому отбор был и остается ахиллесовой пятой спецслужб всех стран мира во все времена.

Ни КГБ, ни ГРУ не имели достаточно надежных критериев отбора в разведку. Что касается ГРУ, то система отбора в эту организацию была более жесткой по сравнению с КГБ, так как русская армия исконно была школой патриотизма, чести и стойкости. Армия сама по себе представляла довольно тонкий фильтр при отборе. В разведку, как правило, брали офицеров, которые прослужили уже несколько лет в войсках и имели за плечами достаточный жизненный опыт. За период службы офицер, как правило, успевал проявить себя как в положительном, так и в отрицательном плане.

Резун был в этом отношении исключением. Никто не знает, кто его протасил в Военно-дипломатическую академию Советской армии в нарушение всех нормативов приема, практически без службы в войсках.

В КГБ сотрудники отбирались в основном из гражданских, многие попадали туда с комсомольско-партийной работы, из элитных высших учебных заведений. Эта категория людей, достаточно большая ее часть, была заражена вирусом космополитизма и карьеризма. Вот как бывший генерал КГБ Н.С. Леонов характеризует одну из кузниц кадров КГБ — МГИМО: «Институтские годы в целом остались в памяти как тяжелое и неприятное время в моей жизни. Я до сих пор вспоминаю институт (МГИМО) с отвращением и никогда не возвращался в его старое здание у Крымского моста. Гнетущее впечатление, что это не храм науки, а карьерный трамплин, овладевало многими, кто попадал в его коридоры и залы». Конечно, были среди сотрудников КГБ и бывшие кадровые офицеры, и они-то в своем большинстве достойно служили Родине.

О принципах отбора в разведку много пишут бывшие руководители КГБ в своих мемуарах.

Вот как бывший председатель Комитета государственной безопасности СССР В.А. Крючков в книге «Личное дело» пишет об этом: «Важнейший компонент в кадровой работе — подбор. Так повелось, что кандидаты для работы в органах госбезопасности изучались в первую очередь с точки зрения политической благонадежности. При любой власти это останется важнейшим аспектом, и кривить душой тут не следует». Далее Крючков продолжает развивать эту мысль: «Однако многолетний — и положительный и отрицательный — опыт убеждал, как дорого обходилось для органов госбезопасности малейшее пренебрежение изучением других особенностей кандидатов, таких как интеллектуальные, языковые способности, кругозор, состояние здоровья, психологические черты, способность выдерживать нагрузки, стрессовые напряжения».

Другой высокопоставленный работник КГБ, начальник аналитического управления КГБ СССР генерал-лейтенант Н.С. Леонов в своей книге «Лихолетье» об отборе в разведку пишет так: «Все кандидаты должны были отвечать главным кадровым требованиям: быть безусловно „преданными делу Коммунистической партии“, обладать крепким здоровьем и иметь приемлемые способности к изучению иностранных языков. Никакого тестирования психики, проверки силы и быстроты реакции интеллекта не проводилось».

В интервью «Комсомольской правде» от 4 мая 1991 года бывший начальник разведки КНБ Шebarшин на вопрос корреспондента, по каким критериям отбирают в разведку, отвечал: «У нас есть специальные методики, которые помогают оценить аналитические способности человека, психологическую устойчивость, наблюдательность, зрительную память и не в последнюю очередь — интеллигентность». Подчеркиваю, шел 1991 год. И, разумеется, Шebarшин уже не упоминает об идейности, преданности коммунистическим идеалам. Он вообще перечисляет второстепенные качества, которым можно научиться в процессе работы.

Все дело в том, что основные качества, необходимые для советского разведчика, в перечне Шebarшина отсутствуют. Честность, порядочность, преданность идеалам своей страны — этим качествам не научишь в МГИМО.

Поэтому тысячу раз прав Крючков, отмечая, что в первую очередь при отборе в органы разведки должна изучаться политическая благонадежность кандидата. Этот принцип отбора в разведку как основной отмечается и бывшими руководителями разведки ФРГ Геленом и разведки США Даллесом.

Но вся беда была в том, что этот правильный принцип при подборе в КГБ и ГРУ плохо работал, так как не было надежной методики проверки кандидата на преданность идеалам коммунизма. Априори считалось, что советский человек не может быть предателем, если в его характеристике написано, что он предан делу Коммунистической партии и Советскому правительству. Но что входит в понятие преданности, определено не было. Даже такой основной составляющей, как честность, не уделялось должного внимания. Но, с другой стороны, эта главная черта отсутствовала у многих руководителей, которые принимали кандидатов в разведку. Вот, например, что по этому поводу говорит в своих мемуарах все тот же В.А. Крючков, описывая дело агента влияния Яковлева: «Не дали откровенных показаний некоторые мои бывшие сослуживцы по работе. Вызванный для допроса в российскую прокуратуру находившийся до меня на посту председателя КГБ СССР Чебриков

показал, что он только из статьи Крючкова „Посол беды“ узнал о настораживающих моментах в поведении Яковлева, а прежде ему якобы ничего не было об этом известно».

Если с самым главным качеством разведчика не все в порядке было у самых высоких должностных лиц КГБ, то что тогда требовать от рядовых сотрудников. По какому праву наделенные властью нечестные начальники могли требовать от подчиненных соблюдения морального кодекса строителя коммунизма? Поэтому не случайно, что после крушения СССР в разведке остались наиболее верные и преданные своему делу люди, и сейчас они — надежда нашего общества на возрождение. Академик-диссидент А.Д. Сахаров, давая оценку КГБ и ГРУ, сказал: «Элитная структура, не затронутая коррупцией и противостоящая мафии».

В 1999 году на семинаре в Американском университете в Турции господин Горбачев заявил: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для этой цели я использовал мое положение в партии и стране».

Будущее России в безупречной нравственности руководства.

Св. Феофан Затворник

Я делю людей на две категории: тех, кто сначала думает о государстве, а потом о себе, и тех, кто сначала о себе, а потом о государстве.

Российский канцлер Бестужев-Рюмин

В октябре 1974 года группа офицеров стояла на площадке шестого этажа в здании ГРУ и наблюдала через широкие витражи окон за подготовкой войск Московского гарнизона к параду на Красной площади.

Перед трибуной, сколоченной из досок, двигались танки, бэтээры, артиллерийские и ракетные установки. С высоты шестого этажа открывалась широкая панорама на знаменитое Ходьинское поле, на котором вот уже в течение многих лет проходили тренировки войск Московского гарнизона. На несколько недель на асфальтированной площадке бывшего аэродрома развешивался временный военный лагерь: ставились палатки для личного состава участников парада, размещалась военная техника, предназначенная для прохождения по Красной площади. До парада оставалось совсем немного времени, работа на тренировочной площадке кипела, шли последние приготовления к генеральной репетиции.

Среди офицеров ГРУ был небольшого роста молодой человек в штатском, Владимир Резун, который бойко называл тактико-технические характеристики проходившей перед трибуной военной техники. Офицеры внимательно слушали, поражаясь его хорошим знаниям, задавали вопросы, на которые он охотно и обстоятельно отвечал. Большинство офицеров давно уже не служили в войсках и поэтому не очень хорошо знали новую технику. Собственно, наша техника офицерам ГРУ интересна была постольку-поскольку, разве что для общего развития и для сравнения с иностранной, которую они были обязаны знать назубок.

Старший лейтенант Резун после окончания Военно-дипломатической академии Советской армии проходил стажировку под «крышей» Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ) и некоторое время параллельно работал в 9-м Управлении информации ГРУ. В Информации он показал себя с положительной стороны. На составленные им документы обратило внимание начальство. Они отличались хорошим стилем изложения и знанием предмета.

Рядом с молодым человеком стоял вихрастый русоволосый, высокого роста офицер в штатском из оперативного управления и довольно улыбался при каждом удачном комментарии Резуна. Офицеру было чем гордиться. Ведь это он, а не кто-нибудь другой откопал в недрах Информации этого малыша-вундеркинда, на которого прицеливались многие. Целую войну пришлось провести с одним полковником, военным атташе, который, находясь в отпуске, как-то случайно заглянул в 9-е Управление и услышал Резуна, читавшего лекцию личному составу о вооруженных силах НАТО. Полковнику понравился докладчик, его поразило знание молодым офицером театра военных действий и вооружения НАТО. У него в аппарате как раз по штатному расписанию не хватало одной единицы. Полковник решил, что этот офицер смог бы наладить информационную работу его аппарата. Он обратился к начальству и попросил этого офицера в аппарат военного атташе. Но не тут-то было. Вихрастый, узнав о намерениях полковника, ни в коем случае не хотел отдавать Резуна. Он был тертый калач: несколько лет проработав за рубежом журналистом, многому научился у корифеев этой профессии.

Прежде всего нахрапистости, нахальству и очковтирательству. Оперативник быстренько взял личное дело Резуна в кадрах, изучил его, переговорил с ним лично, пообещал ему золотые горы. Военному атташе трудно было соперничать с оперативным управлением. Силы оказались неравными, да и отпуск подходил к концу, и у него почти не оставалось времени отстоять свои позиции перед начальством. Победил оперативник. Сказался богатый опыт работы. Резиденты в основной своей массе не владеют достаточно хорошо иностранными языками, хотя бывают и редкие исключения. В таких случаях для них просто находка шустрые парни, работающие под «крышей» журналисты, хорошо владеющие иностранными языками. Резиденты используют их для написания информационных телеграмм. Оперативник знал все ходы и выходы, имел массу знакомых среди нужных людей. Он опередил военного атташе, доложил своему непосредственному начальству о молодом перспективном офицере, убедив в том, что молодой старший лейтенант из Информации завалил направление ценными телеграммами из Женевы.

В то растленное нефтедолларами время, когда гулял атаман Леонид Ильич Брежнев вместе со своей командой, культ оценки в ГРУ приобрел магическое значение. Оценка стала товаром, критерием всего, отодвинув на задний план вербовку, которая всегда была для разведчиков делом чести. Не так уж важно было, как, какой ценой доставалась оценка, она была основным мерилем работы разведчика и резидентуры в целом. В этот дьявольский водоворот борьбы за высокие показатели было ввергнуто все ГРУ от рядового оперативника до высокого начальства. Время требовало лихих очковтирателей и гешефтмахеров (от немецкого «делегат»), и они нашлись. Появились такие ловкачи, которые могли состряпать ценные телеграммы, доклады из ничего, из воздуха. Партия и правительство требовали от разведки предоставлять отклики, публикуемые в различных странах, о международном коммунистическом и рабочем движении, об очередном выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС. Информационные телеграммы готовились по принципу вольного творчества, оставляя удручающее впечатление обилием слов и скудостью мыслей у профессионалов. Нередко в них содержались льстивые реверансы в сторону руководителей партии и правительства. Направлялись «простыни» лести по десять-двенадцать страниц, из которых важная информация занимала от силы одну страницу.

Славословие и словоблудие в те времена доходило до абсурда. Комсомольский вожак Борис Пастухов, закатив глаза к небу и сверкая стеклами очков, читая свою очередную здравицу в честь верного ленинца Леонида Ильича Брежнева, в короткой речи умудрялся повторить раз двадцать имя вождя. Он был не одинок в своем рвении «почистить сапоги начальству». Лидер коммунистов Грузии Эдуард Шеварднадзе в своей верноподданнической речи в честь Леонида Ильича умудрился повернуть солнце вспять, сказав, что оно восходит для Грузии не с Востока, а с Запада, из Кремля.

В конце концов участок добился, чтобы Резун был направлен в женеvскую резидентуру ГРУ под прикрытием международной организации ООН.

Спустя много лет вихрастый офицер, отобравший Резуна в заграничную командировку, станет большим начальником, генералом. Распоясавшиеся демократы напишут, что он прославился в ГРУ тем, что стал мастером липовых вербовок. В одной из бесед отставной генерал скажет: «Я еще тогда, в те далекие времена, перед направлением Резуна в длительную заграничную командировку, увидел в нем прожженного карьериста и подхалима и написал на него отрицательную характеристику. Но меня не послушали. Вот вам результат — предатель Родины».

— А как же ты тогда увидел в нем предателя? Ведь он только из академического яйца вылупился и был в то время чист, как белый лист бумаги, — спросил его один товарищ при встрече. — Да и карьерист еще не предатель. Смотри, сколько у нас карьеристов. Ничего, живут припеваючи.

— Да, во всем его поведении чувствовалось это. Он готов был лизать сапоги начальству, подонок, — буркнул отставной генерал и направился к своей иностранной машине с тонированными стеклами, ожидавшей его на улице.

Перед отъездом в командировку Резуна представили резиденту ГРУ в Женеве, который находился в то время в Москве.

Побеседовав с Резуном, опытный разведчик сразу увидел, по его словам, неподготовленность молодого офицера к работе за рубежом и якобы письменно доложил об этом руководству ГРУ, требуя отставить его от командировки. Однако с мнением генерала не посчитались и направили

будущего предателя в Швейцарию.

Любопытно, что Резун в своих многочисленных интервью и книгах хвалит генерала, который возражал против его направления за рубеж. К чему бы это?!

В беседе с автором бывший начальник курса Резуна в Академии Советской армии полковник Веденеев Анатолий Андреевич сообщил, что Резун отличался замкнутостью, нелюдимостью, меркантильностью, расчетливостью и осторожностью в общении с товарищами. У него не было близких друзей. Учился он хорошо. Начальник курса, по его словам, отмечал в академических характеристиках, что требуется дальнейшее изучение Резуна, прежде чем направлять его на работу за рубеж.

Вот какие в ГРУ были провидцы, только их почему-то не слушали, таких-то людей. Вероятно, неспроста бывший оперативный офицер стал потом генералом, а затем превратился в удачливого бизнесмена. Иначе откуда появились дровишки? Неужели бабушка бриллианты оставила внуку?

Кстати, в частной беседе с одним бывшим работником ГРУ сам Резун сказал, что название «Аквариум» ему подсказал все тот же удачливый генерал-бизнесмен. В тот далекий октябрьский день 1974 года, когда группа офицеров наблюдала за подготовкой к ноябрьскому параду войск Московского гарнизона из здания ГРУ на шестом этаже, молодой человек с пышной шевелюрой русских непослушных волос произнес: «Мы смотрим отсюда на репетицию войск, как из аквариума». Резун вспомнил эти слова своего наставника и так образно назвал ГРУ. При желании генерал может подать в суд за плагиат и выиграть дело. Чем черт не шутит в наши дни!

Поздней осенью 1974 года поезд Москва — Берлин отправлялся от Белорусского вокзала. В составе поезда был один вагон «СВ» Москва — Базель, в котором ехал в свою первую заграничную командировку в Швейцарию Владимир Резун с женой Татьяной и двухлетней дочерью Оксаной.

Погода была прескверная, шел мокрый снег, дул промозглый северный ветер. Стояла та неприятная погода, которая бывает в Москве в межсезонье: еще на землю не лег снег, на улице сыро и холодно.

Большие крупные вокзальные часы при входе на перрон показывали только 17.00, но уже стемнело. До отправления поезда оставалось тридцать минут. Объявили посадку.

Перед отъездом из дома, по русскому обычаю, выпили по маленькой на посошок в узком кругу друзей. Резунов до вагона провожал только отец Владимира Богдан Васильевич, который специально приехал из Черкасс. По строгим правилам конспирации друзья не провожали. Резуны на такси подъехали к вокзалу, носильщик помог поднести к вагону их скромный багаж. Долго прощались с отцом на перроне. Наконец поезд тронулся. Можно было расслабиться, отдохнуть и прийти в себя от забот, которые свалились на голову молодым супругам перед отъездом. Столько было волнений, забот, беготни, столько надо было в короткое время переделать дел, запомнить различных наставлений и поручений. Вагон был полупустой. Кроме них было несколько иностранцев и небольшая группа соотечественников из Министерства внешней торговли СССР, ехавших в Цюрих на какие-то коммерческие переговоры. Резуны занимали отдельное купе с туалетом, умывальником, мягкими диванами, зеркалами. Все это было необычно. Они еще не привыкли к роскоши. Но надо было привыкать: в кармане лежал зеленый паспорт советского дипломата, направлявшегося на ответственную дипломатическую работу в советское представительство ООН в Женеву.

Перед отъездом, как было принято в нашей бюрократической системе, все делалось в страшной спешке. Надо было встать на голову, чтобы успеть переделать все дела, пройти бесчисленные комиссии и собеседования в различных инстанциях: на Старой площади, в ГКНТ, в управлении, в кадрах, в политотделе ГРУ, у начальника направления, в Информации; поговорить перед дорогой с самым главным человеком — с офицером участка, который в силу своих должностных обязанностей занимался отъезжающими и больше всех знал о деле. Очень важно было получить последние напутствия именно от него. Именно он рассказал Резуну о старой доброй традиции брать с собой буханку черного хлеба и селедку для товарищей. Владимир по достоинству оценит этот совет, когда на тонко нарезанные ломтики ржаного хлеба разложит кусочки жирной селедки и увидит, как засветятся глаза сослуживцев, получивших привет с родной земли. Но это будет позже.

Почему-то больше всего Резуну запомнилась беседа в политотделе ГРУ. Ему была назначена беседа с заместителем начальника политотдела по оперативной работе. Конечно, таких молодых, впервые едущих за рубеж начальник политотдела не принимал. К нему на беседу приглашались солидные персоны: резиденты, военные атташе, советники, редко заместители резидентов. В канцелярии политотдела молодой капитан, восседавший с важным видом за столом, узнав у Резуна о цели визита, попросил присесть и подождать, сказав, что Валерий Иванович, так он назвал заместителя начальника политотдела, занят — у него посетитель.

Через некоторое время между молодыми людьми завязался непринужденный разговор.

— Вы на беседу к Валерию Ивановичу перед выездом в заграничную командировку? — поинтересовался молодой капитан.

— Да, — ответил Резун.

— Не волнуйтесь, — успокоил дежурный офицер. — Валерий Иванович у нас очень хороший человек, бывший суворовец, интеллигент, любит и поддерживает молодых офицеров.

— Он суворовец? — вырвалось невольно у Резуна.

— Да, он, как и я, кадет. Окончил Воронежское суворовское военное училище. Свой парень в доску, — несколько фамильярно, по-панібратски отвечал капитан.

— Воронежское? — удивился Владимир и продолжал: — Так я тоже окончил Воронежское.

— Так ты кадет? — обрадованный капитан сразу перешел на «ты». — Тогда тебе нечего бояться, ты быстро с ним найдешь общий язык. Валерий Иванович начнет вспоминать свою кадетскую юность. Это его любимый конек. Ведь он кадет военного розлива, был сыном полка, получил во время войны медаль «За отвагу», в партизанах мальчишкой воевал, ходил в разведку. Узнав, что ты тоже кадет, да еще из Воронежского училища, он забросает тебя вопросами. У вас пойдет долгий братский разговор. А я окончил Казанское. Такты что, после «консерватории» (Военная академия Советской армии (*жарг.*) — Л.К.) первый раз в заграничку? — поинтересовался он.

— Да, — кивнул Резун.

— Куда едешь-то?

— В Швейцарию.

— Под «крышу» или в аппарат ВАТ (аппарат военного атташе при посольстве в иностранном государстве. — А. К.)?

— Нет, под «крышу», в международную организацию при ООН.

— Это хуже, старик, — со знанием дела сказал капитан. — Я в первой командировке работал в аппарате ВАТ. Знаешь, я тебе скажу по секрету, ты сначала не шустри, не надрывайся, хотя у тебя и диппаспорт. Попадешься, загремишь под фанфары, и никто не заступится, закончится, считай, твоя карьера в ГРУ, никому ты не будешь нужен, станешь невъездным. В аппарате ВАТ, конечно, спокойней. Сиди, стриги газеты и журналы, пописывай, да и платят больше, чем «крышевикам». Я вот посижу здесь до лета, потом махну в ВАСА и во вторую. Конечно, поеду только в аппарат военного атташе. Ты на какую должность-то едешь?

— Атташе посольства (низшая дипломатическая должность в посольстве. — А.К.), — отвечал Резун.

— Негусто после окончания «консерватории». Тебя обидели, старик, — проговорил он, скептически посмотрев на Резуна. — Это самая низкооплачиваемая должность, самый низкий дипломатический ранг. Но ничего, — утешил капитан, — потихоньку за время командировки дослужишься до третьего секретаря посольства. Вообще-то тебе и так повезло: попал в такую благодатную страну. Там житуха безбедная, все есть, валюта твердая, страна нейтральная. КРО (контрразведывательные органы. — А.К.), думаю, сквозь пальцы смотрят на мышиную возню разведок. Это не Франция, где за мной «наружка» по пятам ходила. Затылок всегда был горяч от их взглядов. Покоя не давали. Накопишь за командировку на «Волгу» и кооперативную квартиру, поди плохо. Машину-то умеешь водить?

— Обижаетесь, конечно, умею, я же танкист, — ответил с гордостью Резун, задетый за живое вопросом нахального капитана. Уж в чем в чем, а в технике он считал себя специалистом.

— А ты что заканчивал, танковое училище? — продолжал лезть в душу уже порядком надоевший Резуну работник политотдела.

— Нет, я окончил КВКУ — Киевское высшее общевойсковое командное училище, — ответил Резун.

— Не может быть! — чуть не вскричал капитан, вставая и протягивая руку. — Я тоже окончил КВКУ. Ты когда кончал? Разведфакультет?

— Я окончил в 1968 году, разведывательного факультета тогда в училище не было, я учился на общевоинском факультете, на Брестлитовском проспекте, 4, — ответил обрадованный Резун. Капитан уже не казался ему таким болтливый и надоедливым.

— Ну, старик, это просто здорово, — продолжал восторженно капитан. — Мы с тобой больше чем братья. У тебя тактику кто преподавал на курсе?

— Тактику майор Полянский. Классный мужик, свой в доску, кадет. Его все очень любили и уважали, пользовался у нас большим авторитетом.

— Да, хороший был мужик. Умница. Он и у нас преподавал тактику, — проговорил с грустью в голосе капитан.

— Почему был? — настороженно спросил Резун.

— А ты что, ничего о нем не знаешь? — удивился офицер. — В 1970 году, по-моему, он на занятиях по тактике в нашем учебном центре под Киевом попал в аварию. Ехал на БТР, машина перевернулась. В результате Полянский потерял зрение, ослеп на оба глаза. Недавно вышла его книга «Суворовцы». Рекомендую прочитать. А комбат у тебя случайно не подполковник Кутный был, по кличке Тулой?

— Да, подполковник Кутный, только мы его звали Зарас. Ох и хлебнули мы с ним горя. С ним связано столько различных историй. Он любил раздавать курсантам наказания. Меньше пяти нарядов вне очереди и десяти суток ареста на гауптвахте не давал. При этом всегда вставлял свое любимое словечко: «Зарас пять нарядов вне очереди!» или «Зарас десять суток гауптвахты!» Помнишь наши паркетные полы в казарме метров сто в длину. За наряды вне очереди приходилось вместо зарядки драить паркет до блеска или мыть сортиры опилками. Зарас всё грозился некоторых недисциплинированных послать после окончания училища служить туда, куда Макар телят не гонял. Бывало грозился: «Будешь в гальюн по веревке ходить».

— Он и нам устраивал веселую жизнь. Есть хочется, а он начинает издеваться, заставляет нас по подразделениям выполнять команду «вольно». Подает сначала команду «смирно, равнение на право». А потом командует: «Рота, по подразделениям „вольно“ делай „раз“». По этой команде мы должны были четко одновременно повернуть головы прямо, ну ты знаешь. А он ждёт, ходит вдоль строя, делает замечание: «Правое ухо выше левого». Затем следовала команда «два». По этой команде надо было одновременно ослабить одну ногу, и только левую. «Отставить! — кричит. — Плохо. Не одновременно ослабляете ногу. Повторим». Так он нас муштровал долго, пока не добивался чёткого исполнения команд. Мы ему тоже, правда, иногда нервы портили, устраивая «паровоз». Знаешь, что это такое?

— А как же! Мы его этим «паровозом» доводили до бешенства. В «паровозе» невозможно установить и выявить зачинщика. В этом весь фокус. Виноватых нет. Виноватые — вся рота. А всех наказать нельзя. Идет строем рота по паркетному коридору казармы на обед и в такт притопывает, например, правой ногой, да еще подкованным сапогом. Когда это делает вся рота, то действительно получается как паровоз едет, грохот стоит несусветный. Попробуй найди зачинщика. Невозможно.

Когда отсмеялись, капитан продолжал:

— Я временно здесь в политотделе, у Григория Ивановича. Сергей Иванович меня определил сюда в резерв. Здесь покантуюсь до лета, а на следующий год Сергей Иванович обещал направить учиться в «консерваторию».

— А кто это такие: Сергей Иванович и Григорий Иванович? — спросил Резун.

— Ну, ты даешь, старик! Какая ты темень. Таких людей надо знать в лицо. Сергей Иванович Изотов — начальник Управления кадров ГРУ, генерал-лейтенант, Григорий Иванович Долин — начальник политотдела ГРУ, тоже генерал-лейтенант. От них зависит наша с тобой карьера, наша судьба. Куда и кем пошлют работать. В Африку к гориллам или в Швейцарию. Разницу улавливаешь? Скоро ты это почувствуешь. Под «крышу» с синим паспортом или дипломатом с зеленым. Меня они лично знают. Я тоже, когда в первой командировке во Франции был, их никогда не забывал, во время отпусков заглядывал, докладывал обстановку. У таких людей очень цепкая память на добрые поступки. Они помнят добрые дела долго-долго и платят за них щедрой монетой. Советую с такими людьми дружить и не забывать их. Надо знать их привычки, причуды, слабости. Тебя что, плохо учили в кадетском? Помнишь «Горе от ума» Грибоедова? Там есть много достойных образов для подражания. Чего стоит, например, Молчалин. Это раньше он был отрицательный герой. А сегодня — пример, как надо делать жизнь. В Швейцарии, как и во Франции, их пруд пруди. Тебе еще предстоит столкнуться с этим и сделать самые невероятные открытия. Будешь в отпуске, найди меня. Чем черт не шутит. Может быть, и тебе при случае помогу, замолвлю словечко.

Приедешь на место, — продолжал он поучать Резуна на правах старшего и более опытного товарища, — не спеши набрасываться на всякий «секонд-хенд», как делают многие наши, хватают иностранные шмотки без разбору. Приглядишься, осмотришься, слушай стариков в этих вопросах. Покупай только нужное. Ведь там тоже хватает дерьма. По дешевке покупай только то, что здесь потом можно будет выгодно толкнуть. Недавно один наш политотдельский работник на дешевой ткани, купленной за бугром, такой бизнес сделал!.. Дачу себе на эти деньги в Пушкине отгрохал, закачаешься. Так что, как говорят умные люди, хочешь жить, умей вертеться. И еще, дружище. Ты говоришь, стажировался в Информации? У меня там много хороших знакомых еще по первой командировке. Советую, старик, дружить с этими парнями, они здорово могут помочь, от них многое зависит. Захочу, промолчу, захочу, дам ценную оценку. Набери себе там портфель заказов у друзей, не забывай и личные просьбы, приедешь в отпуск — одаришь нужных людей. Не жалея на это «патронов», то есть денег. Все окупится сторицей. Чем выше начальство, тем «калибр патронов» должен быть больше. Да, чуть не забыл. Привези мне швейцарские монетки, я коллекционирую.

Резун слушал и удивлялся шустрости молодого капитана. Ему подумалось, что ребята, проучившиеся в суворовских училищах только три года, как этот капитан, сильно отличались от суворовцев, которые учились от шести до десяти лет. Впечатление от общения с капитаном у Резуна осталось противоречивое. С одной стороны, капитан вызывал в нем зависть своими успехами, с другой — брезгливость: столько в нем было хвастовства и позерства. Какое чувство превалировало в душе новоиспеченного разведчика, трудно сказать. Он и сам в то время еще не все знал про себя.

То, чему учил капитан, не было для Владимира новостью. Работая в Управлении информации, Резун замечал, как ходоки из других управлений обхаживали тех офицеров, от которых зависели оценки. Он часто становился невольным свидетелем различных разговоров, похожих на торги. Некоторые совершенно не стеснялись вести такие разговоры в присутствии посторонних. По-видимому, они считали их нормой и даже гордились своим умением.

— Ты едешь в такую бластную страну, у тебя что, есть рука? — продолжал задавать свои вопросы капитан.

— Да нет. Просто повезло. Я рабоче-крестьянских кровей. Отец у меня отставной офицер, майор запаса, на пенсии.

— Значит, ты, как и я, безрукий. Я вообще из многодетной семьи, восьмой ребенок у родителей. Ты знаешь, мы с Григорием Ивановичем из одной деревни, может быть, поэтому он меня и приласкал, как ни крути, все же земляки, шабрами у нас на Волге называют таких людей. Нам надо держаться вместе, помогать друг другу, иначе лохматые задушат в зародыше и выбросят на помойку.

— Ну вот, — капитан спешно поднялся из-за стола, — я вижу, от Валерия Ивановича выходит посетитель. Сейчас пойду доложу о тебе. Шепну, что ты кадет. — Капитан скрылся за массивной дверью. Вернувшись, сказал: — Давай заходи, вперед. Ни пуха ни пера.

«К черту», — проговорил Резун про себя, открыл дверь и вошел в кабинет заместителя начальника политотдела ГРУ по оперативной работе.

Беседа с Валерием Ивановичем прошла по сценарию, нарисованному шустрому капитаном.

Валерий Иванович — любимец в ГРУ, дважды был за рубежом на оперативной работе, великолепно себя проявил. Он — настоящий толковый политработник, открытый и внимательный к людям, пользовался большим авторитетом у личного состава. К нему шли люди с самыми различными вопросами, и он детально разбирался с каждым.

Выходя из кабинета после беседы, Резун обратился к капитану:

— Мы с тобой столько болтали обо всем, а я даже не знаю, как твоя фамилия.

— Ну, старик, обижаешь, — заулыбался капитан. — Мне и в голову не пришло представиться. Меня в ГРУ каждая собака знает. Сметанин я, Геннадий Александрович. Заходи перед отъездом. Успехов. Бывай здоров.

Встретиться им больше не пришлось. В августе 1982 года после окончания Военно-дипломатической академии, куда он поступил не без помощи своих покровителей в генеральских погонах, майор Сметанин был командирован в Португалию в лиссабонскую резидентуру ГРУ помощником военного атташе. По иронии судьбы или волею Всевышнего, ею в это время руководил тот самый кудлатый офицер.

Сметанин сам пришел к американцам в резидентуру ЦРУ и предложил свои услуги, которые он оценил в один миллион долларов США. Ошарашенные жадностью пришельца, американцы отказались платить такую огромную сумму. После торгов сошлись на сумме в 360 тысяч. С помощью добровольного предателя американцы завербовали и его жену Светлану, которая оказалась такой же патологически жадной, как и её муж.

Предатель вскоре был арестован и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение. Его жена приговорена к пяти годам лишения свободы.

Резкий звук тормозов вернул Резуна к действительности. Состав ненадолго остановился около семафора, затем тронулся снова. За окном уже была ночь. Поезд шел по бескрайним просторам России и Белоруссии. Кругом снега, снега и крошечная темень за окном, хоть глаз коли. Иногда где-то далеко-далеко мелькнут слабые, чуть заметные огоньки какого-то жилья, и снова не видно ни зги.

Рано утром были уже в Бресте, где предстояло пройти последние бюрократические преграды. Таможня, паспортный контроль, пограничники. Стук в дверь купе. Резун открывает, входит пограничник, старший сержант, молодцеватый, стройный, подтянутый, в аккуратном обмундировании. Вежливо здоровается и обращается к Резуну:

— Извините, пожалуйста, можно вас побеспокоить, попросить на минуточку подняться с дивана.

Не понимая зачем, Владимир поднимается с дивана. Ловким натренированным движением пограничник приподнимает диван, заглядывает внутрь, где стоит чемодан. Затем так же ловко поднимается на какую-то приступочку, освещает фонариком пространство вверху в торце купе. Спрыгивает на пол, благодарит, желает счастливого пути и так же быстро, как появился, исчезает из купе.

В Бресте поезд простоял около двух часов. Меняли тележки вагона для перехода с советской, широкой колеи на узкую, европейскую. На советско-польской границе снова проходили таможенный и паспортный контроль. Но для советских граждан это была просто формальность. Польские чиновники с подобострастием брали в руки советские дипломатические паспорта, бегло проверяли визы, с улыбкой возвращали назад. Один из польских таможенников, судя по знакам отличия, майор, предложил купить Владимиру пачку жвачки. Резун поблагодарил и с испугом отказался. «Ничего себе, — подумал молодой дипломат, — работник таможни в открытую, никого не боясь, торгует. Ну и ну! Порядки у них здесь, в Польше. Действительно, кто Гомулка, тот и пан».

И куда у таможенников делся знаменитый польский гонор, известный во всем мире. Вот как описывал таможенных польских работников выдающийся русский духовный писатель митрополит Вениамин (Федченков): «Граница, станция Здолбунов. В купе едет какая-то интеллигентная женщина, довольно смелого характера, свободно владеющая немецким, французским, итальянским языками. Жандармы заговаривают с нею о паспорте. Она говорит на всех языках. Не понимают. Наконец, она обращается по-русски. Пан агент страшно краснеет. Оказывается, он русского языка совсем ничего-де не понимает. Раздосадованная путешественница нервничает и по-русски говорит открыто:

— Вы должны знать какой-нибудь язык, если занимаете такую должность!

— Вы слышали, прошу пане! — обращается агент к другому чиновнику. — Она нас будет учить!

Пламя из глаз пана агента перелетает на щеки других панов, контролеров и агентов. Они бледнеют как смерть, а затем вспыхивают огнем гнева. Весь ревизионный зал гудит и шипит... И вдруг раздаются эти старые, старые слова: „Пся крэв, хочеш ехать через Польшу, так сама учи польский язык. Должна знать, если хочеш ехать через Польшу...“»

И вот формальности позади. Молодая чета впервые в жизни за кордоном. Владимир и Татьяна стояли у окна в проходе вагона и с любопытством смотрели на голые поля, еще не покрытые снегом, серое низко нависшее над землей небо. Унылая картина за окном несколько омрачила настроение супругов. Поезд то и дело бросает из стороны в сторону на разбитом железнодорожном полотне без насыпи.

В Варшаве на платформе все время шныряли какие-то барыги, пытаясь что-то продать или купить. Кругом голь, хотя после войны прошло уже почти двадцать лет.

Быстро пролетела убогая бедная Польша. На границе ГДР снова пограничный и таможенный контроль. Вошли немецкие пограничники, высокие, стройные, строгие. Минувшая война, казалось, навсегда оставила о себе память. Владимир с удивлением отметил, что форма пограничников мало чем отличалась от той печально известной и хорошо знакомой русскому народу. Офицер командует: «Прошу, всем пассажирам зайти в свои купе». К советским гражданам подход был более либеральным и не таким строгим. «Нас уважают. Немцы особенно: они сами сильные и любят и уважают сильных», — думал Резун. Когда Резун шел к проводнику за чаем, он увидел, как в служебном купе почти догола раздевают трех польских монашенок немецкие женщины, служащие таможни. Что-то ищут, зная меркантильность поляков.

Когда поезд пересек границу Польши, картина за окном стала веселее, поменялись краски, они стали ярче, даже не покрытые снегом поля, несмотря на ноябрь, казались более зелеными. Хотя постройки, в основном кирпичные, в большинстве своем были серого унылого цвета.

Берлин Резуну не понравился: хмурый, казенный, серый. Немцы одеты неброско, в основном в куртки типа униформы. Хотя была и небольшая радость: читая надписи по-немецки, он почти все понял. С благодарностью вспомнил майора Шахновича.

В Западной Германии стояла золотая осень, мягкое солнце освещало убранные поля. Резуна приятно удивил господствующий повсюду, даже в самых мелочах, немецкий порядок. «А у нас в это время снег лепит в глаза», — вернулся мыслями к России Владимир.

Равнину сменили лесистые горы, поезд начал часто нырять в туннели. «Горы Шварцвальд, — Резун вспомнил занятия по страноведению, — где-то здесь гора Броккен, на которой, по древним преданиям, нечистая сила праздновала свои шабашы».

Не заметили, как оказались в Швейцарии. Горы, чистенькие, как на картинках, пейзажи, аккуратные железнодорожные станции. Он поразился разнице и вспомнил рассказ деда Василия о чудном граде Китеже. Действительно, что хорошо немцу, плохо русскому. Немец смотрит на землю, на которой твердо стоит, а русский смотрит в небо. Мечтает взлететь, попарить в небе, найти свой сказочный град Китеж. И никто не знает,

сбудется ли когда-нибудь эта мечта. Резун стоял у окна, волновался, а поезд медленно приближался к перрону вокзала. Их должны встретить. Телеграммы были даны и по линии «крышевого» прикрытия, и в резидентуру. «Ну а если не встретят, на всякий случай в кармане есть немного швейцарских франков, которые выдали на дорогу. Возьму такси, адрес в Женеве есть, и вперед», — успокаивал себя Резун.

Но всё обошлось. Поезд остановился, а дальше все развивалось по заранее спланированному сценарию. Через несколько минут молодой человек из советского посольства, приехавший на вокзал встречать семью Резунов, уже вез их на машине в Женеву. «Как этот парень меня сразу узнал среди иностранцев в вагоне? Ведь мы с ним не знакомы. И я словно почувствовал в нем своего», — удивлялся Владимир. Потом, поработав несколько лет за рубежом, он научился безошибочно определять соотечественников и выделять их среди местных жителей, особенно советских женщин. По работе ему придется встречать советских людей на аэродромах, вокзалах. И он никогда не ошибался.

Погода стояла прекрасная, дорога шла по живописной местности, трава была еще по-летнему зеленой, а деревья уже меняли свой цвет. И над всем этим великолепием возвышались горы, покрытые ослепительно-белым снегом. Резуны с любопытством смотрели по сторонам: плантации виноградников, аккуратные дома под черепичными красными крышами, яркие бензоколонки с броской рекламой. Машина шла плавно, словно плыла, — ни ухабов, ни колдобин, так знакомых по российским дорогам. Бросались в глаза необычные дорожные знаки, яркие, удобные для чтения, предупреждающие водителей и дающие им всю необходимую информацию.

Товарищ из посольства неспешно рассказывал о стране, о людях, порядках, обычаях, ценах, делился своим опытом пребывания в стране, что-то ненавязчиво советовал. Молодые люди внимательно слушали.

Через два часа езды дипломаты были уже в Женеве. Для старшего лейтенанта Резуна начиналась совершенно новая страница в его жизни. Пришло то время, о котором говорил «дядька» — наставник из «консерватории»: надо было рассчитываться с государством за долги, засучивать рукава и начинать пахать, выдавать продукцию на-гора. От этого на душе у Резуна становилось тревожно, одолевали сомнения, сумеет ли оправдать оказанное доверие.

Владимиру, безусловно, повезло: он начал свою дипломатическую карьеру в благоприятный исторический момент. Наша страна находилась на подъеме в экономике, науке, культуре. Рос международный авторитет СССР.

И нам было чем гордиться! В те времена советские люди застыли на месте в трепетном ожидании и волнении, когда вдруг на минуту, на полуслове радио замолкло и раздавалась такая знакомая всем мелодия песни «Широка страна моя родная...». Торжественный голос диктора объявлял: «Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем важное сообщение. Новая победа советской науки в космосе. Сегодня в 8 часов 50 минут по московскому времени с космодрома „Байконур“ успешно запущен космический корабль „Союз“ с космонавтами...» Миллионы людей во всем мире обращали свои взоры к Советскому Союзу.

В успех советской науки и техники немалый вклад внесла и наша разведка. Благоприятная конъюнктура в экономике, прежде всего на нефтяном рынке, давала возможность успешно работать и нашим разведслужбам. В тот период многие иностранцы предлагали свои услуги по сотрудничеству как на идейной, так и на денежной основе. Советская внешняя разведка активно действовала и имела значительные успехи.

Конечно, кое у кого на Западе наши успехи вызывали раздражение. Эти силы выкладывали миллиарды долларов, чтобы помешать очередным победам советского общества, свести на нет наши успехи, разрушить нас изнутри. Президент США Д. Кеннеди в продолжение доктрины А. Даллеса конкретизировал внешнеполитическую задачу США следующим образом: «Русских войной взять нельзя. Их надо разлагать изнутри, и для этого надо использовать три фактора: водку, табак, разврат». Надо отдать должное, им удалось это сделать. Наше руководство на все доктрины Запада закрывало глаза, то ли по недомыслию, то ли по другой причине. Может быть, само руководство уже было пятой колонной Запада? Только в 2000 году на Московском епархиальном собрании патриарх России Алексей II публично признал, что против русского народа ведется «война на уничтожение». Эта война против России, православия, русского народа велась Западом давно. Только почему-то наша власть стеснялась об этом открыто сказать.

Эйфория экономических успехов, нефтедоллары, словно с неба свалившиеся на нас, вскружили головы недальновидному престарелому руководству СССР. Нас втягивали в гонку вооружений, но основной удар наносился на другом направлении — идеологическом: разложить, подменить наши ценности западными.

Швейцария оставалась нейтральной страной на протяжении многих лет. Однако разведки многих стран всегда проявляли здесь активность. В противоборстве сходились крупные силы международного шпионажа и политики, решались порой очень серьезные задачи.

Резун приехал в Женеву с огромным желанием показать себя в работе. Для этого у прибывшего молодого разведчика было все: хорошее образование и подготовка, солидная «крыша» чиновника международной организации ООН, хорошие жилищные и материальные условия, толковый опытный руководитель, у которого можно было многому научиться, и, наконец, дружный коллектив военных разведчиков ГРУ, готовый всегда прийти на помощь. Резидентуры советских военных разведчиков за рубежом отличались дисциплиной, профессионализмом и чувством локтя.

«Крыша» — слово очень емкое и играет большую роль в разведке. «Крыша» может быть дипломатической, коммерческой, журналистской и т. д. «Крышевое» прикрытие используется в спецслужбах внутри своей страны и за рубежом. Но «крыша» не является панацеей. Она может способствовать работе разведчика, а может и затруднять решение разведывательных задач. Хороший разведчик вербует агентуру и решает разведывательные задачи в любой стране и под любой «крышей». Это аксиома. Искусство разведчика заключается именно в том, что даже при неблагоприятном прикрытии он сам создает себе предпосылки для успешной работы.

На территории СССР КГБ имел значительное преимущество перед ГРУ в «крышевом» прикрытии своих сотрудников. КГБ располагал широкой сетью сотрудников во всех сферах деятельности. Работники КГБ и их помощники были везде. Это давало возможность успешно решать вербовочные задачи внутри страны. У военных разведчиков эти возможности были ограничены.

Резуну с «крышей» и повезло, и не повезло. Повезло в том, что он приехал на вновь открытую должность в советское постоянное представительство в ООН в Женеве. Приехал на пустое место, не засвеченное перед контрразведкой. В тот период в Швейцарии проходили активные переговоры по разоружению ОСВ-2. Делегации стран-участниц работали в стране. Резун был подключен к работе группы по обеспечению членов советской делегации. Ему приходилось общаться с советскими специалистами, выполнять их поручения, помогать по самым разным вопросам. Однако эта работа не давала широкого выхода на иностранцев. И в этом, несомненно, был ее минус. Необходимо было самому проявлять инициативу, изобретательность и находчивость.

Первый год прошел для Резуна трудно. Многому следовало научиться и многим овладеть на практике в очень короткое время. Никакая академия не может подготовить разведчика: разведчиком становятся на практической работе «в поле». Надо было изучить город, овладеть вождением автомобиля в новых условиях, отшлифовать французский язык, освоить «крышевое» прикрытие, привыкнуть к условиям жизни за рубежом, чтобы не казаться белой вороной среди других, завести полезные знакомства, овладеть массой других умений и навыков.

Советский человек, попав впервые за рубеж, да еще в капиталистическую страну, неоднозначно воспринимал этот непривычный для него мир. Это относилось ко всем категориям граждан. Пребывание за рубежом являлось хорошей проверкой на прочность и надежность, проверкой человеческих и семейных отношений, личных качеств человека, несмотря на возраст, занимаемую должность, пол и длительность пребывания в стране. Поскольку искушение подстерегало его здесь буквально на каждом шагу, наиболее выпукло проявлялись такие отрицательные качества, как стяжательство, жадность, меркантильность, алчность. Микротрещина превращалась в трещину, некоторые незаметные на родине качества в характере становились видимыми, а иногда приобретали гипертрофированные размеры.

Условно советских людей по восприятию ими западного мира как системы, как образа жизни и поведения можно было разделить на три категории.

К первой относилось большинство советских людей, в том числе разведчики.

Ко второй категории относились люди со слабой эмоционально-волевой устойчивостью, недостаточно идейно зрелые, с узким кругом духовных интересов и запросов. К ним хорошо подходит характеристика, данная начальником управления внешней контрразведки ЦРУ США Джеймсом Энглтоном: «Они были людьми, не имевшими высоких принципов». Как правило, интересы этих людей ограничивались только материальной сферой, решением различных коммерческих вопросов в своих личных целях. Они хорошо разбирались в конъюнктуре местного

рынка, знали, где, как и что можно было купить по самой низкой цене. Разведчики этой категории, проявляя удивительную активность в решении своих личных вопросов, в решении служебных задач были пассивны, безынициативны и нередко трусливы. Их профессиональная философия сводилась к простой формуле: не рисковать в работе с иностранцами. Они не боялись не выполнить задач, поставленных на командировку. «Пожурят и простят», — думали они.

Третью категорию советских граждан, работавших за рубежом, в том числе и разведчиков, составляли идейные перерожденцы, случайно попавшие за границу, аморальные, духовно бедные люди, космополитического характера, часто одержимые жадной наживы. Они преклонялись перед буржуазной культурой, иностранщиной, спешили охаять все советское, русское. Особую опасность для безопасности страны представляли такие люди, попав в разведку.

Резун, по всей видимости, относился ко второй категории. Он робко и осторожно осваивал свое «крышевое» прикрытие, сторонился иностранцев, отсиживался в посольстве, без разрешения руководства никуда не выходил, за стенами посольства вел довольно замкнутый образ жизни, инициативу не проявлял, в гости не ходил и гостей у себя не принимал. Он выбрал удобную тактику — не высовываться.

Резидент Иван Сергеевич Глотов, опытный разведчик, настоящий «слуга царю, отец солдатам», быстро разобрался в характере молодого офицера и уже после первого года пребывания Резуна в стране написал на него довольно объективную характеристику: «Весьма медленно осваивает методы разведывательной работы. Работает разбросанно и нецелеустремленно. Жизненный опыт и кругозор малы. Потребуется значительное время для преодоления этих недостатков».

Но, несмотря на столь нелестную характеристику, автор все-таки берется утверждать, что Резуну повезло с руководителем. Говорят, каков поп, таков и приход. Трудно возразить этой народной мудрости. Резидент — это как первый учитель в школе. Или он на всю жизнь привьет любовь к знаниям, или отобьет охоту учиться навсегда. От резидента очень много зависит. Иван Сергеевич был профессионалом высокого класса, имел большой опыт агентурной работы. Мог не только рассказать, как надо делать, но и показать на практике. Пожалуй, он имел самое главное для руководителя качество: был примером для своих подчиненных, идеалом во всем. Прежде всего в работе. Поэтому-то авторитет в коллективе разведчиков у него был столь высок. А без авторитета нет руководителя. Подчиненных сложно обмануть, можно только временно ввести в заблуждение, заработав дешевый авторитет. Но такой авторитет быстро проходит. В конце концов, все становится на свои места и определяется истинная цена человека-руководителя. Что значит быть примером в работе? Это значит, что руководитель должен хорошо разбираться во всех сферах деятельности своих подчиненных, на голову превосходить их в профессиональном мастерстве. Очень хорошо, если он сам прошел через все этапы разведывательной деятельности. Авторитет такого руководителя непререкаем, он всегда найдет поддержку у коллектива. Про таких руководителей подчиненные нередко слагают легенды, передающиеся из поколения в поколение. Сотрудники охотно прощают им их некоторые человеческие слабости и недостатки: грубость, резкость и т. д. Плохой руководитель наносит огромный вред делу. Чем выше пост — тем больше вред. Поэтому подбору руководителей в разведке должно уделяться первостепенное внимание. Из хорошего оперативного офицера-разведчика не обязательно выйдет хороший руководитель, но из неважного оперативника он не получится ни в коем случае.

Иван Сергеевич прошел суровую жизненную школу: ушел добровольцем на фронт в первые дни войны прямо со школьной скамьи, был ранен, имел награды. После войны стал военным разведчиком. Успешно работал за рубежом. Смелости Ивану Сергеевичу не надо было занимать. Нередко вспоминал почему-то именно 1961 год. Он работал тогда в Англии и познакомился в пивном баре «Красный лев» с одним англичанином. Он хорошо помнил этот осенний промозглый вечер в Лондоне. С Темзы дул противный холодный ветер. А в баре было уютно, тепло, пахло хорошим кофе. К нему подсел мужчина. За кружкой пива разговорились, познакомились. Иван Сергеевич быстро понял из разговора, что англичанин испытывал материальные затруднения. Разговор вертелся вокруг трудностей жизни, денег, дороговизны. Во время дальнейшего общения стало понятно: англичанин был сотрудником военной разведки, обладавшим широкими агентурными возможностями. Еще в характеристике, данной ему в Академии Советской армии, отмечалось, что Иван Сергеевич способен пойти на разумный риск. Такие оценки давали далеко не всем. И вот наступил тот самый момент, когда надо было решиться, стоит ли переходить Рубикон в разговоре с англичанином.

Интуиция подсказывала, что новый знакомый готов пойти на сотрудничество. Этот момент выбора всегда труден для разведчика, даже для опытного. Нужно, взвесив все «за» и «против», правильно оценить обстановку, решить, стоит ли делать этот рискованный шаг. Иван Сергеевич принял решение и победил. Сначала их общим увлечением стала нумизматика, но очень скоро иностранец согласился на сотрудничество с советской военной разведкой на материальной основе. Поскольку англичанин сам был разведчиком, то и работал он крайне осторожно. Быстро перешли на безличную, самую надежную связь — через тайники. Встречались редко, только при крайней необходимости. Иван Сергеевич сам тщательно подбирал тайники, разработал для агента остроумную систему связи. Раз в два месяца агент закладывал материалы в один из десяти тайников и изымал оттуда деньги за предыдущие оцененные Центром материалы. О том, какой тайник из системы загружен в данный момент, агенту сообщали посредством передаваемых по радио музыкальных произведений: «Танец с саблями» или «Подмосковные вечера»... В экстренных случаях передавалась «Дубинушка». Это означало, что контакты временно прекращаются. Связь с агентом работала надежно. Он передавал ценные материалы об американских системах наведения ракет.

В 1965 году агент неожиданно был арестован. Как потом выяснилось, причиной послужило предательство опертехника нью-йоркской резидентуры ГРУ Николая Чернова. Чернова приговорили к двадцати одному году тюремного заключения, а ельцинский режим помиловал предателя, амнистировав его после пяти лет пребывания в тюрьме. Вспоминая тот счастливый осенний день, Иван Сергеевич задавал себе вопрос: что это было? Случайность, везение? Зайти в бар, встретиться и познакомиться с будущим ценным источником?

Жизненный опыт разведчика подсказывал, что, конечно, какое-то везение было. Но оно было закономерным. Такая встреча рано или поздно должна была состояться, потому что разведчик активно искал такую встречу.

Резун хорошо помнил, как на второй день после приезда в Женеву встретился с шефом. Он много слышал о нем в Центре от направленного на участке, но лично не был с ним знаком и никогда его не видел. Не без волнения Резун открыл дверь кабинета и вошел в небольшую полутемную комнату. За столом в углу сидел крупный мужчина, уже в годах и, как показалось вошедшему, суровый и строгий.

Во время беседы резидент определил Резуну первоочередные задачи на первые три месяца: освоить «крышевое» прикрытие, изучить обстановку, город, освоить вождение автомобиля в условиях европейского города, отшлифовать разговорный иностранный язык. Никаких оперативных разведывательных задач молодому офицеру на первое время не ставилось, агентура на связь не передавалась. Резун приехал на чистое место, а для разведчика это, пожалуй, самый лучший вариант. Все можно начать самому: устанавливать знакомства, искать полезные контакты среди иностранцев и советской колонии. Резидент давал время молодому офицеру освоить сложные разведывательные задачи.

Примерно со второй половины 1976 года Резун определил для себя тематику работы. Она была связана с вопросами военной техники и вооружений армий стран НАТО. Он отслеживал материалы в открытых изданиях, покупал соответствующую литературу в книжных магазинах. Некоторые его информационные телефаммы удостоивались лестных отзывов руководства. Исполненные им документы отличались хорошим стилем изложения, военной фамотностью. Стажируясь еще в разведотделе ПриВо, а затем в 9-м Управлении информации, Резун твердо усвоил основные принципы, предъявляемые к написанию информационных документов. Пишущий должен помнить: кому пишет, зачем пишет и как пишет. Резидент быстро подметил склонность Резуна к информационной работе и широко его использовал в этих целях. Молодой офицер сам почувствовал вкус с этой работе и мог иногда из кучи, казалось, ненужных, открытых газетных, журнальных вырезок сделать интересные информационные обобщения. На эти сообщения скоро обратил внимание и Центр, дав им положительную оценку.

Однако работа «в поле» пугала Владимира. Круг знакомых иностранцев был очень мал и офаничивался в основном его «крышевым» прикрытием — официальными связями. Он боялся с иностранцами выходить за рамки официальных сообщений. Настоящий разведчик-вербовщик в какой-то степени по своей натуре должен быть авантюристом, при необходимости уметь действовать смело и решительно, оценить степень риска, интуитивно почувствовать, когда можно перейти на доверительные отношения с иностранцами. Об этом говорили многие известные

разведчики. Эти качества у Резуна совершенно отсутствовали, он был в общении нерешителен, неуклюж, скован и даже труслив, сказывалось и отсутствие достаточного житейского опыта. И правильно в одном из своих выступлений бывший начальник ПГУ КГБ генерал Шебаршин отмечал, что есть такая категория разведчиков, которые просто не способны заниматься вербовочной работой, перед ними, пожалуй, такую задачу и не стоит ставить. Резун принадлежал именно к такой категории людей.

Проверка на вшивость

Раньше в армии регулярно проводилась проверка личного состава на «форму 20». В Советской армии строго контролировалось медицинское, продовольственное и вещевое обеспечение личного состава. Проверку эту в армии называли проверкой на вшивость. Подобные действия регулярно проводились медицинскими работниками в войсках во время и после войны. Резун хорошо помнил, как при утреннем осмотре в суворовском училище на построении роты вдруг неожиданно появлялись медики и начинали досмотр нижнего белья. Если у кого-то обнаруживали насекомых, это считалось ЧП.

В разведке проверка оперативного офицера ничего общего не имеет с гигиеной тела, скорее это проверка гигиены духа. Такому мероприятию подвергаются единицы. Разумеется, никаких регламентирующих документов по этому вопросу не существует. Просто сама жизнь, конкретные обстоятельства иногда вынуждают убедиться в честности и смелости офицера разведки. Трудно, а подчас невозможно определить: трусость или разумную осторожность проявил разведчик в тех или иных обстоятельствах. Обвинить в трусости — непростое дело. Надо иметь сто процентов доказательств. А вот с честностью дело обстоит иначе. Большинство разведчиков — люди кристально честные, но, несмотря на это, иногда возникает необходимость проверить разведчика, потому что слишком большую цену приходилось платить за нечестные поступки.

В одной из резидентур руководитель стал замечать в докладах молодого офицера отдельные, но настораживающие неточности и несоответствия. Было решено проверить подозрения. Офицеру поручили изъять из тайника материал, предварительно заложенный туда сотрудником резидентуры. Офицер не выполнил задание, сославшись на обнаруженную за ним слежку. При повторном проведении операции он вновь доложил руководителю, что за ним следили. Опасения резидента подтвердились.

Заместитель резидента без стука вошел в кабинет шефа, пожал протянутую руку и устало опустился на стул. У него был тяжелый день. Проводил агентурную операцию, целый день мотался на машине по городу, проверялся, встречался с агентом. Устал физически и особенно морально.

— Вы меня вызывали, Иван Сергеевич? — спросил заместитель резидента.

— Да, Дмитрий Петрович, вызывал, — ответил генерал, открывая лежащую перед ним толстую тетрадь.

Дмитрий уже несколько лет работал заместителем резидента по оперативной работе у генерала, но все еще никак не мог научиться угадывать мысли и настроение своего шефа. Генерал сидел перед ним, как всегда, с невозмутимым выражением. У него было типично русское, на первый взгляд простоватое лицо. Однако это был человек с крутым и решительным характером.

— Вот что, Дмитрий Петрович, — начал без всякого вступления шеф, даже почему-то не поинтересовавшись, как прошла операция в городе. — Ты помнишь задание Центра по подготовке системы тайников? Срок исполнения, — шеф за плянул в тетрадь, — десятое октября сего года. Я тебе поручал эту работу.

— Да, товарищ генерал, — перешел Дмитрий на официальный тон. — Я вам докладывал по этому вопросу на прошлой неделе. Десять тайников подобраны, описаны и прошлой почтой направлены в Центр на утверждение.

— Я помню, — перебил его генерал. — Я же подписывал оперативное письмо в Центр. Пришла шифровка. Центр утвердил нашу систему, но рекомендовал еще раз все проверить и подготовиться. Подбери двух-трех офицеров резидентуры и опробуй с ними подобранные тайники с закладкой и изъятием материалов, обработкой сигналов и всем остальным. Всё по-боевому. Закладывать и изымать будете «куклы», но исполнители не должны знать об этом. Понятно?

— Всё понятно, товарищ генерал, — отвечал Дмитрий.

Он знал, что шефу больше нравилось, когда к нему обращались не по имени и отчеству, а называя его воинское звание. Может быть, сказывалась привычка старого служаки, прошедшего войну. А может быть, такое обращение подчеркивало его исключительность. Дмитрий вспоминал свою службу на Дальнем Востоке после окончания военной академии. Командующий армией генерал-майор Петров требовал себя называть при докладах вопреки воинскому уставу внутренней службы СА только «товарищ командующий», замечая иногда, что генералов много, а командующий в армии — один. Эта черта, вероятно, присуща многим начальникам.

— Я вот что думаю, — продолжал генерал. — У Резуна в организационной, вербовочной работе результатов, как ты знаешь, кот наплакал. Он, на мой взгляд, избегает заниматься людьми, его больше тянет к ножницам. Поработай с ним, Дмитрич.

Дмитрий автоматически отметил про себя, что генерал в неплохом настроении. Обращение «Дмитрич» — верный признак этого. Генерал достал из письменного стола небольшую упаковку в виде сигаретной коробки, обернутой прозрачной водонепроницаемой бумагой, повертел ее в своих огромных ладонях, положил на стол и сказал:

— Возьми у шифровальщика описание тайника «пень». Ты этот тайник хорошо знаешь, сам подбирал. Резун не должен знать, что операция учебная. Возложи на него основную часть операции. Пусть подберет маршрут, изучит описание, подготовится к проведению закладки контейнера. Выберите подходящий день проведения операции, время, отработайте легенду и доложите мне о готовности. — Шеф посмотрел на настенный календарь и добавил: — Хорошо бы в пятницу, когда у нас в посольстве демонстрируется кинофильм. Присмотрись к Резуну, к его действиям, пора парню и «в поле» потрудиться.

В пятницу после работы в 19.00 в клубе посольства, как всегда, демонстрировался кинофильм для советской колонии. Перед сеансом кто-нибудь выступал с небольшой лекцией или докладом.

После фильма люди разъезжались по домам. Дмитрий подошел к Резуну, который копался со своей машиной «Тойота Краун», пытаясь её завести.

— Что у тебя случилось? — спросил Дмитрий.

— Искры нет, — ответил Владимир.

— Оставь её, завтра механик посмотрит. Садись в мою, подброшу тебя до дома.

Резун сел в машину, и они тронулись. Это было не случайное происшествие, а заранее спланированный маневр. Резун приехал в посольство заранее и вынул трамблер.

Операция началась. Дмитрий вел машину по выбранному маршруту. Резун исполнял роль штурмана, смотрел за обстановкой, проверялся на контрольных точках. Все детали операции были заранее обговорены и отработаны до мелочей.

— Ну, как фильм? — спросил Дмитрий.

— Ничего, мне понравился, особенно музыка, — ответил Владимир.

— Прошлый раз в пятницу я тебя что-то не видел на встрече с сыном Шалапина.

— Вы знаете, я с презрением отношусь к людям, которые оставили Родину и уехали за границу, поэтому меня не интересуют их выступления, — ответил Резун.

— Но ведь это был сын Федора Шалапина. Он покинул Родину с отцом маленьким мальчиком. У него не было выбора. Он так хорошо относится к нам, к СССР. Его выступление прошло с большим успехом. Ты зря не пошел.

— Ну и пусть. Думаю, немного потерял. Я таких отщепенцев не уважаю, — продолжал настаивать на своем Резун.

— Это, конечно, твое личное дело, не буду спорить, — закончил разговор руководитель операции. А про себя подумал: «Вот это патриот. Недаром его ребята называют Павлюком Морозовым. Такой за Родину любому плотку перегрызет. Да и на собраниях он всегда выступает с патриотическими речами. Служака парень». Дмитрия поразило недавнее выступление Резуна в резидентуре на дне рождения шефа. Как он здорово, с выражением и так к месту прочитал наизусть отрывок из «Василия Теркина» — «Генерал». Шеф чуть не прослезился. «Далеко пойдёт», — подумал тогда Дмитрий.

На контрольных точках в городе было чисто. Слежки не было. Уже смеркалось. Рабочая неделя закончилась, начался уик-энд, много значащий для любого западного человека. Это время для них — трава не расти. Когда трудишься не покладая рук всю неделю, то хочется отключиться от всего на свете хотя бы на выходные.

Каждый раз, когда Дмитрий проводил очередную тайниковую операцию по изъятию или закладке агентурных материалов, он всегда с улыбкой вспоминал свою первую подобную операцию в Италии. До этого случая ему приходилось заниматься тайниковыми операциями только во время учебы в академии.

Стоял жаркий август. В Риме была духота, столбик термометра поднимался до сорока градусов Цельсия. В Италии в этот период все уходит в отпуск. Но в разведке не бывает отпусков, здесь работа никогда не прекращается. В этот период как раз было удобно проводить агентурные операции.

В тот жаркий августовский день, когда от солнца некуда было скрыться, заместитель резидента, опытный офицер, взял Дмитрия впервые на боевую операцию по изъятию секретных агентурных материалов из тайника. Он, конечно, не был посвящен в детали операции. В разведке надо знать только то, что положено знать. Поэтому перед выездом заместитель резидента объяснил Дмитрию только его задачу. Руководитель операции был опытный офицер, участник Великой Отечественной войны. Это был еще довольно молодой, красивый мужчина с черными вьющимися волосами, с добрым взглядом карих улыбчивых глаз. Он легко сходил за уроженца южной Италии.

Карабинер, дежуривший у ворот советского посольства, забился от жары в угол своей будки и дремал, дожидаясь смены, а потому не обратил внимания на выехавшую из ворот машину, не отдав, как обычно, пассажирам честь.

За рулём сидел замрезидента. Дмитрий следил за обстановкой, запоминал номера редких идущих за ними машин.

Солнце стояло в зените и нещадно палило. Жизнь, казалось, замерла. В это полуденное время многие итальянцы делают перерыв в работе, дожидаясь спада жары. К вечеру жизнь вновь войдет в свое русло и забудет ключом до поздней ночи в ресторанах и барах.

У руководителя был подобран проверочный маршрут, который давал возможность установить слежку, если бы она велась. Попетляв по городу, выехали на окружную дорогу, ведущую на автостраду *Autostrada Del Sole* (дорога солнца), пересекающую Италию с севера на юг. Через несколько километров свернули направо на проселочную дорогу. Слежки не было. Проехав еще пару километров, выехали на ровное плато. Справа отвесной стеной поднимались обнаженные скалистые горы, изобиловавшие расщелинами, из которых местами пробивался редкий кустарник. Замрезидента припарковал машину на небольшой площадке, служившей, по всей видимости, в экстренных случаях для остановки. Такие площадки часто попадаются на горных дорогах. На ней едва умещалась одна машина. В гору поднималась узкая каменная тропинка. Руководитель выключил двигатель, открыл капот, вышел из машины, пригласив Дмитрия следовать за ним. С площадки открывался прекрасный вид вниз на долину. Кругом не было ни души. Когда мужчины склонились над двигателем, руководитель сказал:

— Видишь, вон там наверху яркий оранжевый куст и серый торчащий камень рядом?

— Вижу, — ответил Дмитрий, скользя взглядом вверх по тропинке.

— Поднимешься по тропинке к кусту, — продолжал руководитель операции, — у камня расщелина, закрытая веткой кустарника. Отведешь ветку в сторону, опустишь руку и вынешь круглый серый камень. Понял?

— Понял, — ответил Дмитрий, готовый немедленно приступить к выполнению задания.

— Ну, тогда вперед. Я буду на стрёме, — последнее выдавало в нем флотского человека. После войны он командовал эскадренным миноносцем «Бесстрашный».

Дмитрий поднялся к кусту, отвел в сторону ветку и запустил руку в расщелину. Пальцы прикоснулись к чему-то липкому, упругому, скользкому и живому. Мгновенно выдернул руку из отверстия и тут же услышал шипение. Краем глаза увидел узкую голову гадюки, высунувшуюся из расщелины и приближающуюся к его лицу. Больше он уже ничего не видел. Ноги сами понесли его подальше от этого страшного места. И он, как в детстве, с ледяной горы, на огромной скорости скатился вниз, увлекая за собой кучу мелких камней. Через мгновение Дмитрий уже сидел у заднего колеса машины. Заместитель резидента с удивлением и некоторым испугом смотрел на своего помощника.

— Что случилось? В чем дело? — произнес после некоторой паузы руководитель операции.

— Гадюка, — прошептал Дима, вставая и отряхиваясь. — В расщелине змея.

— Вот это номер, — улыбаясь, проговорил замрезидента. — Все не учтешь. Нештатная ситуация, как в космосе. Вероятно, гадюка уморилась от жары и решила вздремнуть в тенёчке. Ты не ушибся?

— Да нет, ничего. Всё в порядке.

— Найди-ка палку покрепче, а я возьму монтировку в багажнике. Пошли выполнять задание Центра.

Мужчины поднялись к камню. Пощуровали палкой в расщелине. Змеи и след простыл. Разбуженная Дмитрием, она не стала искушать судьбу и убралась восвояси. Разведчики извлекли камень-контейнер из тайника и отправились домой. Задание было выполнено.

Сгоряча Дима не заметил, как, скатываясь с каменной горки, довольно сильно порвал свои брюки. А приехав домой, в ванне обнаружил на ягодицах красные полосы, которые потом долго саднили, и приходилось приспосабливаться, прежде чем сесть на стул.

Сейчас, через много лет, будучи сам заместителем резидента, Дмитрий Петрович ехал на тайниковую операцию в качестве руководителя с молодым офицером, чтобы передать ему свой опыт. «Правильно немцы говорят: опыт есть сумма неудач. Теория и учет других ошибок, это, конечно, все хорошо и полезно. Но пока разведчик сам себе не разобьет в кровь нос на каком-нибудь конкретном деле, он мало чему научится. Опыт других надо учитывать, но только свой личный опыт приносит зрелые плоды».

Дмитрий откинулся на спинку сиденья машины, подъезжая к светофору. Горел красный свет. Он улыбался своим мыслям-воспоминаниям.

Рядом сидел Резун, напряженный и серьезный. В его голове тоже роились мысли и воспоминания, но совершенно другого характера. Как ни странно, он тоже думал об Италии, в которой никогда не был.

Работая короткое время в 9-м Управлении информации, Резун познакомился с одним офицером, курировавшим бронетанковую технику. Юрий Кузьмич — так звали офицера — был очень интересным человеком. Бывший танкист, выпускник Военной академии бронетанковых войск, он хорошо разбирался в бронетанковой технике. А еще он был балагуром и шутником, любителем анекдотов. Офицеры очень быстро нашли общий язык. Резун часто посещал его по работе, слушал различные рассказы из войсковой практики, консультировался по вопросам техники. Поговаривали, что Кузьмич невыездной. Вскоре Резун узнал от сослуживцев «тайну» Кузьмича. После окончания Военно-дипломатической академии Советской армии Юрий поехал работать в солнечную Италию. Дела у него пошли хорошо. Он проявлял активность и изобретательность в работе. Руководство было довольно им. Но в разведке иногда случается, когда способный, перспективный разведчик по независящим от него причинам терпит жестокое поражение. Чаще всего это происходит из-за провалов и предательства.

В марте 1967 года итальянская контрразведка (СИД) арестовала тридцатидевятилетнего торговца антиквариатом Джорджо Ринальди. Ему было предъявлено обвинение в шпионаже против объектов НАТО в пользу СССР. Ринальди признался в шпионской деятельности в пользу СССР и сообщил, что работал на ГРУ с 1956 года. Кроме того, Ринальди указал местонахождение тайника, где находился секретный материал, предназначенный для его руководителя, офицера ГРУ.

Юрий в это время работал в Италии и не имел никакого представления о Ринальди. В тайниковых операциях он не участвовал, агентов на связи не имел.

В разведке многое зависит от везения. Счастливые случайности могут вознести разведчика на пьедестал славы. В случае невезения он может быть низвергнут в пропасть, в небытие. В один момент может быть разрушена не только его карьера, но и жизнь. Так и случилось с Юрием

Кузьмичом. Офицер, который руководил Ринальди, был в отпуске. От агента был получен сигнал о закладке материала в тайник «лес». Резидент поручил проведение тайниковой операции Юрию Кузьмичу.

Ночью на машине Юрий вместе с женой отправился выполнять приказ. Тайник, как медведь в берлоге, был обложен контрразведкой. Офицера ждали в засаде.

Разведчик остановил машину недалеко от тайника и осторожно стал приближаться к объекту. В лесу стояла гробовая тишина, изредка нарушаемая хрустом случайно задетой ветки. Юрий не боялся темноты. Еще в детстве он на спор проходил ночью через все кладбище. Когда до тайника оставались считанные метры, нервы у темпераментных итальянцев не выдержали. Со всех сторон зажглись яркие прожекторы, застрекотали кинокамеры, засверкали вспышки фотоаппаратов, завывли сирены. Слепленный лучами прожекторов, Кузьмич не растерялся, бросился к машине. Но ее уже окружила полиция.

Поймать с поличным разведчика не удалось, но ему пришлось срочно покинуть страну, так как на следующий день во всех средствах массовой информации появились сообщения о шпионском скандале. Сенсационные снимки замелькали в газетах и по телевидению.

Резуну вспомнился этот рассказанный кем-то в Информации случай, и ему стало страшно. Его воспаленное воображение сразу же нарисовало ужасную картину. Все это может случиться с ним через несколько минут, и даже место происшествия совпадает — темный лес.

Машина между тем свернула с автострады на проселочную дорогу, шла лесом в гору, преодолевая подъем на малой скорости. Через некоторое время Дмитрий остановил машину у раскидистого могучего дуба. По описанию, объект находился в тридцати шагах от дуба в глубине леса. Направление было точно указано в описании тайника.

Дмитрий повернулся к Резуну и увидел, что его напарник сидел бледный как полотно и не мог говорить. Он ничего не слышал, его охватил смертельный страх, нижняя губа у него отвисла и тряслась. На него было противно смотреть.

— Что ты испугался, бери контейнер, иди ищи тайник и закладывай, — властным голосом Дмитрий Петрович попытался вывести Резуна из оцепенения. Резун продолжал сидеть не двигаясь, молчал. Казалось, он ничего не слышал и совершенно отключился. Карта в его руках тряслась.

Заместитель резидента выругался в сердцах, вышел из машины и скрылся в кустах. Отыскал нужный пенёк, заложил контейнер и вернулся к машине.

Дмитрий по натуре был интеллигентный, мягкий, обходительный человек, писал удивительные по лиризму стихи о любви, о русской природе, чем-то по стилю напоминающие рубцовские. Он никогда не грубил, в общении с людьми был сдержан и корректен. А тут неведомо откуда, наверное, из глубин памяти вырвался давно забытый солдатский мат.

— Эх ты... Твоя фамилия не Резун, а Дристан, — выругался Дмитрий, сел за руль, хлопнул с силой дверцей, завел двигатель и с места рванул машину, до отказа выжав педаль газа. Машина, как ужаленная, вылетела из кустов и помчалась между деревьями.

По дороге Дмитрий Петрович не проронил ни слова. На следующий день, докладывая резиденту о ходе операции, он не стал останавливаться на деталях, но отметил, что Резун пока не готов к проведению серьезных тайниковых операций.

Умный руководитель не стал делать далеко идущие выводы из неспособности Резуна вести вербовочную работу. Он всю использовал его информационные возможности. Будучи сам прекрасным вербовщиком, он придерживался мнения, что есть категория разведчиков, которые не могут вести вербовочную работу. Им это просто не дано, так же как человек не может стать хорошим музыкантом без слуха. Когда в резидентуру попадает такой офицер, то умный руководитель находит ему другое применение в зависимости от его способностей. Недальновидный же резидент старается как можно быстрее отправить такого работника на Родину с отрицательной характеристикой. Офицеру, как правило, после этого ставилось клеймо на всю жизнь, и в характеристике писалось, что его нецелесообразно использовать в дальнейшем в работе за рубежом. Резун с большой охотой и даже удовольствием исполнял различные хозяйственные функции в резидентуре. Это было ему по душе. Практически он исполнял роль денщика при руководителе. И эту роль он исполнял превосходно. В результате он был повышен в дипломатическом ранге, став третьим секретарем посольства с соответствующим повышением оклада. В порядке исключения срок его командировки был продлен на один год.

Обязанности Резуна по «крыше» в основном состояли из обслуживания многочисленных советских делегаций, прибывающих в Женеву по самым различным делам. Необходимо было организовывать их встречу, устраивать в гостиницы, сопровождать на переговоры. В Женеву прибывали, как правило, важные персоны, которые требовали к себе особого подхода. Визитеры со Старой площади — высокие чиновники — имели большие связи.

Резуну особенно запомнился один крупный хозяйственник из хозяйственного отдела Управления делами ЦК КПСС. Он часто приезжал в Швейцарию по различным хозяйственным делам, и Резуну, по указанию резидента, пришлось его обслуживать: встречать на аэродроме, провожать, водить по магазинам, ночным барам. Старик очень любил стриптиз. Его звали Грант Тигранович Абрамян. Он был уже в годах, но энергия в нем была ключом. Резун хорошо помнил, что, приезжая, Абрамян в первую очередь направлялся к послу. Всегда элегантно одетый, с модным по тем временам «дипломатом» американской фирмы «Самсонит», он двигался по коридорам посольства важно и неторопливо. По тому, как он шел и нес кейс, можно было понять, что он не был пуст. Бросалась в глаза сутулость его фигуры, которая, по всей видимости, объяснялась преклонным возрастом. Шагая, он как-то чуть заметно волочил правую ногу, слегка на нее припадая. Создавалось впечатление, что он немного хромает. Был он среднего роста, плотный, но не грузный, с уже заметной лысиной, которую неравномерно прикрывали редкие седые волосы. Большой мясистый нос нависал над его верхней губой и был, пожалуй, главным, определяющим во всей его внешности. Другой характерной чертой были небольшие, плубоко сидящие черные глаза, которые настороженно смотрели из-под густых, лохматых, с сединой бровей на одутловатом, морщинистом, с мешками под глазами лице.

В тот день, когда Резун увидел Абрамяна впервые, на нем был черный выходной импортный костюм, белая хлопчатобумажная рубашка из дорогого фирменного магазина и модные черные туфли западногерманской фирмы «Амбассадор». Коридор, по которому он шел, был совершенно пуст. Казалось, в здании никого не было.

Потом Резуну пришлось довольно близко познакомиться с этим непростым человеком. Во время отпуска в Москве он несколько раз посещал Абрамяна на Старой площади, выполняя различные, как правило, личные поручения высокопоставленных сотрудников посольства. Чаще всего это была передача различных сувениров, подарков, спиртных иностранных напитков по случаю каких-нибудь юбилеев и праздников, дней рождения. Новый резидент, Борис Михайлович Александров, оказался давнишним знакомым Гранта Тиграновича по Старой площади. Он предупредил Резуна о необходимости поменьше с ним болтать и стараться во всем ему помогать.

В посольстве о Гранте Тиграновиче ходили самые невероятные слухи. Его многие знали, потому что он был частым гостем в Женеве, да и сами работники посольства навещали его на Старой площади, приезжая в Москву в отпуски и командировки. Рассказывали, например, что Грант Тигранович якобы во время войны был вторым номером у самого Брежнева, когда тот на Малой Земле отстреливался из пулемета от наседавших со всех сторон фашистов. Другие утверждали, что это чушь, выдумки. Грант Тигранович никогда не воевал, всю войну просидел в тылу, на Урале, работал где-то хозяйственником или снабженцем. На Старую площадь в Управление делами попал совершенно случайно после того, как Черненко

или кто-то другой из высокого начальства обратил внимание на то, как ловко Грант Тигранович открывал бутылки во время приема. Эта версия больше походила на правду, так как достоверно известно, что на Западе журналисты действительно называли Черненко мастером по открыванию бутылок для Брежнева.

Резун часто возил на своей машине Абрамяна во время его посещений Швейцарии. Возвращаясь с приемов, Грант Тигранович любил подчеркнуть свою близость к сильным мира сего. О Брежневеве говорил, что тот звонит ему домой по телефону, чтобы посоветоваться. Иногда у него развязывался язык, и он в машине болтал о служебных делах, совершенно забывая, что находится за границей, а не на Старой площади в своем кабинете. Резун во время таких бесед не знал куда себя деть; отвечал односложно, старался молчать, но замечание сделать побаивался.

— Ты когда возвращаешься в Союз? — спрашивал Абрамян, развалившись на заднем сиденье. Он пребывал в хорошем настроении после очередного приёма.

— Пока точно не знаю, — неохотно отвечал Резун. — Думаю, через год, полтора.

— У тебя моя визитка есть. Там указаны телефоны. Кремлевка тебе не нужна, неоткуда по ней звонить. Когда будешь в Москве, не стесняйся, заходи. Помогю в устройстве на работу, если потребуется. Ты знаешь, сколько я своих шоферов за преданность отправил за рубеж, в посольства. Я ведь всех твоих начальников как облупленных знаю. Они у меня на Старой площади бывают. Будут проблемы, позвоню в ГРУ, и все решим, — продолжал разглагольствовать подвыпивший старик. — Да, кстати, там у вас в ГРУ работает мой племянник. — Он назвал армянскую фамилию. Резуну показалось, что, когда он работал в Информации, слышал эту фамилию. — Ты, может быть, знаешь его. Он, как и ты, молодой, по-моему, капитан или уже майор. Его к вам взяли из НИИ, раньше занимался наукой у академика Миллионщикова.

— Нет, не знаю, — тихо проговорил Резун, стараясь как-то закончить этот неприятный для него разговор о служебных делах в машине. Но Гранту Тиграновичу было море по колено. Он продолжал болтать, не обращая внимания на Резуна. Называл все новые фамилии важных должностных лиц из КГБ, МИДа, ЦК КПСС. Везде у него были друзья и хорошие знакомые.

— Кстати, — не унимался Абрамян, — когда я был торгпредом на Кипре, у меня инженером работал зять вашего партийного начальника Долина. Ты его, конечно, знаешь. Хороший мужик Григорий Иванович, заботливый и внимательный, часто своей дочке присылал гостинцы.

Что касается посылок, то это не было новостью для Резуна. Обычное дело в советских колониях за рубежом. Он сам неоднократно и получал, и отправлял посылки. Особенно любил это делать для начальства.

4 ноября 2004 года в газете «Время новостей» под броским названием «Адьютант его превосходительства» было опубликовано интервью с бывшим порученцем начальника ГРУ Игорем Поповым, который в течение двадцати пяти лет верой и правдой служил Родине и своему начальнику.

В интервью сообщается, что предатель Резун, оказывается, неоднократно посещал приемную начальника ГРУ. Но предоставим слово самому Игорю Попову: «Резун-Суворов приходил. Дело в том, что дочь Петра Ивановича [Ивашутин Петр Иванович — начальник ГРУ.] была замужем за дипломатом и работала в Женеве, где под „крышей“ советского представительства в ООН в это же время трудился и будущий писатель Виктор Суворов. Так вот, Резун возил Ирине Петровне посылочки от отца — черный хлеб, селедка, колбаса, бутылочка водки и так далее. Резун приходил в приемную и скороговоркой, услужливо и даже заискивающе говорил: „Игоречек, я все передам, конечно, передам, все сделаю...“ Раза два или три он возил эти посылки. Петр Иванович с ним не общался. Потом, когда в 1978 году Резун сбежал в Англию, Петр Иванович говорил возмущенно: „Этот деятель [Слово „деятель“ было самое ругательное в устах начальника ГРУ.] мало что сбежал, так он еще и книжку написал, где все переврал“».

Адьютант его превосходительства, называя предателя Родины писателем, откровенничает дальше, сообщая, что и матерый предатель генерал Поляков тоже, оказывается, посещал святая святых — приемную начальника ГРУ, и не с пустыми руками. На вопрос журналиста о генерале Полякове бывший порученец отвечает: «Да вот его подарок на стене висит (Игорь Попов подводит журналиста к двум висящим на стене полуметровым фигуркам английских колониальных солдат из Индии, мастерски вырезанных из дерева дорогой породы). Видимо, он вез подарок Петру Ивановичу, но тот был в отъезде. Ладно, — говорит мне, — вот тебе подарок».

Прочитав эти совершенно лишние откровения бывшего порученца о всеми уважаемом в ГРУ Петре Ивановиче Ива-шутине, мне вспомнилась одна старая нашумевшая история о «жучке» в гербе США, который был установлен умельцами КГБ в кабинете посла США в СССР Аверелла Гарримана в 1945 году и в течение десяти лет при четырёх послах США передавал все секретные переговоры, имевшие место быть в кабинете посла.

Только через десять лет американцы обнаружили в полом деревянном гербе США подслушивающее устройство.

Американцы нашли его, но не знали принцип его действия. В гербе находилось пассивное устройство, похожее на головастика с маленьким хоботком. В этом устройстве была применена технология, не встречавшаяся ранее, и ученые ЦРУ испытывали затруднения в ее расшифровке.

Соединенные Штаты хранили это неприятное для них открытие в секрете почти десять лет.

И только в 1960 году представитель США в ООН Генри Кэбот Лодж открыл и показал герб США и установленное в нем миниатюрное подслушивающее устройство на сессии Совета Безопасности.

ЦРУ затаило злобу на КГБ и мечтало ответить ударом на удар, работая над созданием эффективных средств проникновения в секреты СССР.

Рассказанная адъютантом ГРУ Поповым история об английских колониальных солдатах наводит меня на грустные мысли. А сколько деревянных солдат могли попасть в кабинеты и квартиры бывших высоких руководителей нашей страны? Об этом никто не знает. И что интересно. Мои попытки узнать, а кто, собственно, направлял Резуна с посылками в высокие кабинеты, окончились безрезультатно. Никто!

Ещё будучи слушателем академии, Резун увлекался изучением истории масонства и сионизма и даже пытался что-то написать по этой теме. Наблюдая за Грантом Тиграновичем во время его многократных приездов в Швейцарию, Владимир пришел к выводу, что наша партия в принципе ничем не отличалась от масонской организации. В ней была категория лиц, так называемая номенклатура, которая посвящена во многие секреты. Эти люди правили, а рядовые члены партии исполняли роль «вольных каменщиков», которые ничего не решали, ничего не знали, а были простыми исполнителями воли посвященных. Организационно партия представляла из себя масонскую пирамиду, на вершине которой сидел иудейский царь. Степень посвящения зависела от занимаемой должности функционера партии. Вершина пирамиды находилась, конечно, на Старой площади, а может быть, где-то ещё. За долгие годы комсомольской и партийной работы Грант Тифанович прошел через огонь, воду и медные трубы и стал одним из посвященных высокой степени. Ни один паук не смог бы сплести такую паутину, которую сплел Абрамян за свою жизнь из человеческих отношений. Кто только не сидел у него на крючке: министры, начальники плавков, директора заводов, высокопоставленные работники КГБ, МВД, Министерства обороны, ученые, артисты, врачи, деятели искусства и культуры, работники ЦК КПСС. Он опутал своими нитями по рукам и ногам сотни, а может быть, тысячи людей самых разных профессий.

В апреле 1977 года в жизни и в работе Резуна, как ему показалось, забрезжил свет в конце туннеля. Наконец-то что-то обозначилось в организационной, вербовочной работе. На горизонте засветился маленький, едва заметный огонек, который мог разгореться и согреть честолюбивую душу разведчика, делавшего первые шаги в агентурной работе. Ощутить и почувствовать еще на уровне подсознания, что ты вдруг, наконец, попал в яблочко после стольких бесплодных поисков и нашел бриллиант, который вот-вот засверкает в твоих руках. Это ли не счастье для молодого разведчика?

Конечно, Резун видел свое призвание в аналитической работе. Писать информационные шифровки, получать положительные отзывы из Центра и ходить после этого гоголем, чувствовать себя героем среди товарищей. Особенно если резидент на собрании офицеров не только похвалит, но и поставит в пример остальным. Резун чувствовал себя на седьмом небе. У него появилась уверенность, что и он может работать в добывании, как он любил выражаться. «Еще неизвестно, кто из нас трус, — думал Резун. — Цыплят по осени считают. По оценкам Центра выходит, что моя информация представляет интерес. А если получится с „палкой“, то некоторым передовикам и вовсе придется прикусить язык и поджечь хвосты».

И все-таки Резун понимал разницу между стрижкой газет и боевой работой «в поле». Разведчика, добившегося успехов в оперативной работе, венили куда больше. И вот, наконец, у него появился, как ему казалось, шанс закончить командировку с «палкой», как выражаются разведчики в ГРУ, то есть с вербовкой. Сделать вербовку в первой командировке редко кому удастся, да еще в такой стране, как Швейцария, да еще англичанина. Это не шутка. Конечно, многое зависит от страны, от времени действия и от многих других факторов. И, конечно, от удачи. Ее тоже нельзя сбрасывать со счетов. Цитированный нами уже генерал КГБ Леонов приводит такую любопытную статистику в своей книге «Лихоletь»: «Работа разведчика лучше всего выражена в словах поэта: „В грамм добыча — в год труды“. Мы даже исходили одно время из простой десятичной системы: из каждых ста первичных контактов, может быть, начнется десять разработок, а из этого десятка может получиться одна хорошая вербовка».

Трудно не согласиться в принципе с генералом Леоновым. Но приведенные им соотношения могут меняться в зависимости от конкретной страны. Иногда может и из тысячи первичных контактов ничего не получиться, а может удача улыбнуться и с первого контакта. Но в любом случае следует исходить из того, что удача, как правило, на стороне тех, кто упорно трудится.

Разведчики «в поле», или, как их называет известный английский писатель Джон ле Карре, разведчики «на холоде», — это те бойцы «невидимого фронта», которые каждодневно рискуют не только карьерой и собственной жизнью, но и постоянно отвечают за безопасность своей страны; это те, кто встречается с агентами, получает ценную информацию; это те, кто вербовал и обеспечивал связь с Эймсом в условиях жесточайшего контрразведывательного режима США. Они не думают о наградах и званиях. Они думают только о выполнении своего долга перед Родиной. И когда они попадают, чаще всего из-за предательства, то, вернувшись на Родину, скромно живут среди нас. И мы часто не знаем и не замечаем их.

Но была и другая категория разведчиков, которые волей случая сразу прошли в дамки: став начальниками, они ни разу не побывали «в поле», не простудились «на холоде».

Окончив престижные вузы, они сразу попали в обойму неприкасаемых, устроившись переводчиками, советниками от разведки КГБ у высоких советских партийных бонз, когда те посещали заморские страны.

Познакомившись с редактором английского издания журнала «Международное военное обозрение» англичанином Фурлонгом, Резун возликовал. Ему показалось после нескольких встреч с англичанином, что он ухватил жар-птицу за хвост. Когда после третьей встречи с Фурлонгом Резун приехал в резидентуру, вынул из своего кейса полученные в редакции журнала материалы и стал их просматривать, сердце его наполнилось радостью. Опытный глаз информатора сразу определил, что в привезенных материалах масса информации для прекрасных содержательных телеграмм, которые, по его мнению, будут наверняка доложены командованию. Резун принял за привычное для него дело — обработку материалов. И результат не заставил себя ждать. Из Центра посыпались положительные отзывы.

Резидент после доклада Резуна о Фурлонге вспомнил, вероятно, свою лихую боевую молодость, успешную работу в Англии и решил всячески поддержать работу молодого разведчика. Он поставил задачу Резуну активизировать работу с англичанином, публично изучать его агентурные возможности, нащупать пути подхода к нему, выяснить его интересы, отношение к СССР. Короче, установить мотивы его использования в качестве источника информации по военным вопросам. В качестве зацепки рекомендовал использовать увлечение англичанина нумизматикой.

Прежние успехи резидента в Англии подстегивали его, будоражили память, вызвали приятные воспоминания, хотелось повторить успех через своего подчиненного. Да и времени до окончания командировки оставалось в обрез. Надо было спешить, чтобы возвратиться на Родину со щитом.

Резун зачастил к Фурлонгу в редакцию. Но где-то на пятой или шестой встрече с англичанином Резун почувствовал какой-то дискомфорт в отношениях с ним. Фурлонг как-то невзначай прикоснулся к нему, провел рукой по плечу. Прикосновение Фурлонга мгновенно перенесло Резуна на несколько лет назад. Ему показалось, что перед ним не Фурлонг, а его бывший начальник, только в штатской одежде.

От прикосновения Фурлонга по телу Резуна пробежала дрожь, словно его ударило током. Он почувствовал такое искушение, устоять перед которым у него не было никаких сил.

А дальше все пошло так, как всегда. Его, как наркомана к дозе, потянуло к Фурлонгу. Сначала Резун хотел использовать эту любовную связь в своих интересах для получения результатов в вербовочной работе, храня ее в глубокой тайне от всех. Ему казалось, что в этом нет какой-либо угрозы для него. Никто ведь об этом не узнает. Он слышал, что разведка иногда использует в качестве компромата гомосексуализм. «Но с какой стати Фурлонг будет сообщать кому-либо о своих сексуальных контактах», — думал Резун. Он знал, что разведчиков-гомосексуалистов в английской разведке по головке не гладят.

В этот период произошла смена резидентов. Вместо генерала Глотова приехал Александров, которого Резун знал только по слухам, стажировавшись в ГКНТ перед поездкой в Швейцарию. Старая площадь прислала своего человека. В партийных коридорах он чувствовал себя как рыба в воде. В Швейцарии у него была масса друзей. Перед тем как отправиться в длительную заграничную командировку, он долго выбирал, прикидывал, в какую страну поехать. Наконец выбор пал на Швейцарию, хотя ему предлагали и другие престижные страны. Женева Александров выбрал потому, что там освобожденным секретарем партийной организации работал его закадычный друг по Старой площади. Да и до Москвы рукой подать. В любое время жена может слетать домой, проведать родных и близких. Все удобства. Однако в ГРУ возникли непредвиденные препятствия. На место резидента в Женеву планировался другой человек, офицер, опытный оперативник, начальник направления, который курировал женеvскую резидентуру, раньше работал в Швейцарии и хорошо знал страну. Казалось, ему и карты в руки. Но не тут-то было. Коса нашла на камень.

Старая площадь была истиной в последней инстанции. Там лучше знали, кого и куда посылать. Конечно, времена романтических chestных Давыдовых, когда коммунисты по призыву партии и зову сердца ехали поднимать колхозы, строить заводы, первыми шли в атаку, были готовы умереть ради идеи, давно канули в Лету. Теперь со Старой площади охотнее ехали в теплые страны послами, освобожденными секретарями, советниками, резидентами. И стране долго придется ждать, когда вновь возродятся из пепла новые Давыдовы и поведут страну к забытым победам. И это будет. Обязательно будет.

На выездной комиссии ГРУ кандидату в резиденты в Женеву капитану первого ранга Калинину было заявлено, что он нужнее здесь, в Центре, а в Женеву поедет генерал Александров.

Но произошло непредвиденное: начальник управления категорически отказался подписывать протокол выездной комиссии с рекомендацией направить генерала Александрова резидентом в Женеву. Конечно, это было ЧП, но местного масштаба. Как известно, в то время для партии не было крепостей, которые она не могла бы взять. Каким-то образом дело было улажено, и Александров вскоре отправился в Женеву, а строптивного заслуженного генерала, начальника управления, не поставившего свою подпись под протоколом, вскоре отправили на пенсию. Руководство ГРУ крайне негативно относилось к назначению Александрова Б. А. резидентом ГРУ в Швейцарии.

Высокое начальство со Старой площади, которое направляло генерала Александрова резидентом советской военной разведки в Женеву, конечно, никогда не читало ни Аллена Даллеса, шефа ЦРУ, ни Райнхарда (BND — Bundesnachrichten Dienst). Вот, например, что писал в своих воспоминаниях Гелен по вопросу подбора кадров на руководящие должности: «При назначении на руководящие должности в разведке должны учитываться только профессиональные и деловые качества, а не партийные и тактические мотивы».

Резуну при Александрове вначале было не так уж и плохо. Новый резидент за долгие годы работы на Старой площади превратился в барина, и денщик для него пришелся как раз кстати. Резун функции денщика знал превосходно: возил шефа и его жену по городу. Жена Александрова активно знакомилась с западным миром: культурой, достопримечательностями страны, но больше всего ее интересовали различные шопы, рынки, барахолки. Она никогда до этого не была на Западе, и он ей показался привлекательным. Не устраивала ее только автомашина Резуна — старая «Тойота». Ей очень хотелось развезжать по городу в престижной «Вольво». Иногда-ны резидентов пытаются командовать личным составом. Такие командирши — настоящая беда для офицеров, не дай бог не понравится такой Кабанихе: загонит за Можай. Супруга Александрова была не из их числа: в служебные дела не лезла, но любила, когда мужчины уделяли ей повышенное внимание. Да и кто из женщин не любит этого?

Александров не вникал в оперативную работу, передав этот участок своему заместителю. Резун продолжал активно заниматься анализом информации, и его поддерживал шеф. Из Центра продолжали идти положительные отзывы на информационные телеграммы, исполненные молодым, подающим надежды офицером.

Александрова не интересовали взаимоотношения в офицерском коллективе. Работники резидентуры сразу раскусили нового шефа. За границей это происходит очень быстро. Офицеры между собой сравнивали Александрова с прежним шефом, вспоминали его добрым словом. Новый был очень резок и груб с подчиненными, он не терпел никаких возражений. Иногда и Резун попадал под горячую руку своенравного начальника. Ему трудно было угодить, приспособиться к нему, он всегда чем-нибудь был недоволен, никогда не улыбался. Резун очень переживал, когда шеф обрушивался на него с какой-нибудь претензией. А Александров это часто делал, грозился прервать его командировку и отправить на родину. Страшные картины рисовались Резуну. В такие минуты ему казалось, что шеф знает о его сексуальных контактах с Фур-лонгом. Ужас охватывал его, когда Александров вдруг говорил, что соседи имеют кое-какие претензии к нему. При этом шеф не говорил, о каких претензиях шла речь. Резун замечал, что Александров частенько о чем-то беседовал с офицером КГБ по безопасности. Резуну в таких случаях всегда казалось, что именно он является предметом разговора офицеров, у него надолго портилось настроение, он замыкался в себя, становился молчаливым и грустным, думая, что вот-вот с ним должно что-то случиться.

Доходило и до того, что он впадал в депрессию, выпив дома после работы пару рюмок спиртного. Резун вдруг, как маленький ребенок, мог без видимой причины расплакаться, начинал в чем-то себя упрекать, раскаиваться, доводя себя почти до обморочного состояния. В конце 1976 года резидент по указанию Центра на несколько месяцев убыл в Союз. Вместо него в Женеву временно исполнять обязанности резидента прибыл из Центра начальник направления капитан 1 ранга Калинин В. П.

Калинин поручил Резуну по утрам просматривать прессу и докладывать ему о наиболее важных и интересных событиях в стране и в мире.

Прошло несколько дней, но Резун с докладом не являлся. Калинин был строгим, требовательным к себе и подчиненным офицером. Через неделю он вызвал молодого офицера и поинтересовался, почему тот не выполняет порученное ему задание. Вопрос Калинин Резуну задал обычным тоном, в нём отсутствовали какие-либо ноты недовольства, угрозы, которые впоследствии отличали будущего резидента Александрова.

Калинин был опытным офицером, много повидавшим на своем веку на флоте, но такого он увидеть не ожидал. Он заметил вдруг на глазах разведчика слезы. Крупные детские слезы катились по его пухлым щекам.

Калинин сам растерялся от неожиданности и не знал, что делать.

Когда он попытался его успокоить, Резун вдруг разрыдался, стал просить прощение, оправдываться, что совсем забыл о порученном деле, и заверять, что впредь это никогда не повторится.

После этой сцены Калинин долго думал о случившемся, пытаясь найти причины такого поведения молодого разведчика. Никому об этом случае не стал докладывать.

По иронии судьбы после бегства Резуна стрелочником оказался капитан 1 ранга Калинин, который получил строгий выговор, его направили из центрального аппарата в другое подразделение с аттестацией о нецелесообразности дальнейшего использования на работе за рубежом. На этом закончилась карьера перспективного заслуженного офицера ГРУ, награжденного за предыдущие успехи в работе боевым орденом Красного Знамени.

После поездки в Цюрих в редакцию журнала «Армада» и беседы с англичанами Резуна охватила настоящая паника, он заметался, многие сослуживцы заметили его депрессивное состояние. В это время он отчетливо понял, что попался в ловушку к спецслужбам СИС, стал судорожно искать выход из создавшегося положения. Было ясно: англичане переиграли его на том, на чем он сам хотел сыграть. То ли Фурлонг был кадровым работником СИС, то ли спецслужбы умело воспользовались его нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Дальше события развивались по совершенно неожиданному и никем не предвиденному сценарию.

Не ложись с мужчиной, как с женщиной: это мерзость.

Книга Левит XXXIU,22

Редактор журнала «Международное обозрение» Рональд Фурлонг находился в своем женевском офисе на Рю де Риволи, он уже собирался идти на ланч, когда раздался пронзительный звонок междугородного телефона.

Звонили из Цюриха из редакции журнала «Армада». Фурлонг сразу узнал хриплый, прокуренный голос сотрудника журнала Майкла Лонга и насторожился, предчувствуя, что ничего хорошего он не сообщит. Лонг интересовался погодой в Женеве, жаловался, что его замучили проклятые ветры-фены, от которых разламывается голова и скачет кровяное давление. Но вот в болтовне Лонга проскользнуло то зловещее слово, которое больше всего боялся услышать Рональд. Условное словечко-сигнал означало, что завтра, во вторник, ему надлежит прибыть в английское посольство в Берне и явиться к резиденту в секцию службы паспортного контроля, под «крышей» которого обосновался его шеф О'Брайн Тир. Визовые секции паспортного контроля в посольствах — излюбленные прикрития разведчиков «Сикрет интеллидженс сервис».

Встреча с шефом ничего хорошего не обещала. Вообще Фурлонг старался как можно реже встречаться со своим резидентом, хотя знал его около двадцати лет, со студенческой скамьи, по совместной учебе в Оскфорде.

После телефонного звонка Рональд быстро собрал разбросанные на письменном столе документы, положил их в сейф, закрыл на ключ, поднялся из-за стола и вышел из кабинета, бросив на ходу своей секретарше Марте, что ушел на ланч.

После разговора с Лонгом все мысли редактора были заняты предстоящей встречей с шефом. Предмет разговора ему был предельно ясен и тревожил: снова, уже в который раз, речь пойдет об этом русском, снова на его голову посыпятся упреки, что разработка идет крайне медленно, нет видимых конкретных результатов, заслуживающих внимания, творческих предложений. Шеф наверняка будет требовать форсировать работу с русским.

В кафе Фурлонг устроился на своем любимом месте в углу у окна. Взял кружку темного пива, заказал ланч и вновь углубился в свои мысли, стараясь привести их в порядок и сформулировать тезисы доклада резиденту. Память выгащала на поверхность тот эпизод, когда он впервые встретился и познакомился с Владимиром Резунем апрельским днем 1977 года. Советский дипломат посетил его редакцию. В глаза сразу бросились округлости его женоподобной фигуры, короткие ноги, толстые ляжки, большая крутая голова, пухлые женские губы, румяные, как у девушки, щеки. Как опытный педераст Фурлонг сразу безошибочно определил, что перед ним стоит его возможный сексуальный партнер. Все признаки были налицо, он не мог ошибиться: русский уже неоднократно бывал предметом мужского вождения. Надо было не упустить шанс, чтобы эта встреча не оказалась последней. Уже несколько месяцев Фурлонг не имел интимного партнера и очень страдал от этого. У его бывшего любовника, архивариуса французского посольства в Женеве Франсуа Лагранжа, закончилась командировка, и он уехал к себе на родину. Посетитель, похоже, сам шел на контакт, подробно интересовался тематикой журнала, стоимостью подписки, с большим вниманием просматривал издания, задавал вопросы, не торопился уходить. Возможно, Фурлонг это не исключал впоследствии при анализе, что русский дипломат и сам почувствовал родство душ, точнее, тел.

После первого посещения русский зачастил в редакцию, покупал журналы, интересовался новыми публикациями. Он старался получить сигнальный номер до выхода его в печать. Знакомство развивалось, появились общие интересы. Скоро обнаружилось, что оба увлекались нумизматикой. Благодаря Резуну англичанин значительно пополнил свою коллекцию русских и советских монет. Резун тоже не отставал, получил в обмен интересные экземпляры, которых у него до этого не было. Кроме того, ему удалось значительно увеличить свой обменный фонд. Встречи новых знакомых обычно проходили в редакции журнала «Международное военное обозрение». Иногда Фурлонг приглашал нового знакомого на ланч в свой любимый ресторан, расположенный недалеко от редакции. В большинстве случаев платил Фурлонг. Русский никогда не возражал. Однажды, когда платил Резун, англичанин обратил внимание на то, что русский не знал, сколько надо давать чаевых официанту, и растерялся. Из этого Фурлонг сделал вывод, что Резун редко посещал рестораны, а если и посещал, то за него платили другие.

Очень скоро Фурлонг безошибочно определил, что его новый знакомый вовсе не международный чиновник постоянного представительства СССР при ООН в Женеве, как было указано в его визитке, а самый обыкновенный военный советский разведчик, и по всей вероятности, из ГРУ. Военные уши постоянно вылезали из его гражданского костюма. Это проявлялось в его чрезмерном интересе к военной тематике. Он часто употреблял в разговоре характерные словечки, которые были совершенно чужды гражданским чиновникам из ООН. Фурлонг вспоминал, как однажды, увидев на его рабочем столе готовившийся к печати сигнальный номер журнала с новым западногерманским танком «Леопард-2», Резун так разволновался, что у него стали дрожать руки.

Тогда-то между ними и состоялся характерный разговор.

— А какой запас хода у этого нового натовского танка и какая пушка? — спросил Резун.

— Я не специалист в этой области, не знаю, — ответил Фурлонг. — На обложке только реклама «Леопарда-2». Танк впервые будет показан и описан в нашем журнале как общеевропейский танк для НАТО. Подробные тактико-технические характеристики приводятся вот в этой инструкции по эксплуатации.

Фурлонг вынул из внутреннего ящика стола довольно толстую инструкцию по эксплуатации. На обложке был изображен танк и по-немецки написано «Warungsbuch» («инструкция по обслуживанию»).

— Вот в этой книжке, — сказал Фурлонг, — протягивая её русскому, — возможно, есть то, что вас интересует. Правда, она на немецком.

— Это ничего, — беря инструкцию в руки, проговорил Резун. — Я разберусь.

Фурлонг тогда заметил, с каким интересом русский начал торопливо листать брошюру, стараясь, по всей видимости, отыскать нужные ему цифры.

— Если вас заинтересовал этот танк, — сказал англичанин, — я могу попросить Марту снять для вас ксерокопию обложки.

— Буду вам очень благодарен и обязан, — с плохо скрываемой радостью в голосе отвечал Резун. И, немного помедлив, как бы раздумывая, стоит ли задавать этот вопрос, продолжил: — А инструкцию по эксплуатации танка «Леопард-2» вы могли бы дать мне на время ознакомиться? Видите ли, в армии я служил механиком-водителем, и мне интересно ознакомиться с новым немецким танком.

Резун произнес эти слова и испугался. Он понимал, что этой просьбой с головой выдает себя как разведчика. Кровь залила его щеки и запульсировала в висках. Уж больно сильным был соблазн — новый западногерманский танк «Леопард-2» стоял как важный пункт в

разведчании. О нем были короткие сообщения в западной прессе, но нигде не появлялись его фотографии и не общались подробно его тактико-технические характеристики. В таких случаях говорят: и хочется и колется. Резун вспомнил случай на международной выставке по авиации в Цюрихе. Он увидел на американском стенде описание одного навигационного прибора к американскому кораблю «Аполлон». Вокруг никого не было. Только протяни руку — и описание твое. Стенд с инструкцией, словно магнит, притягивал к себе молодого разведчика. Резун несколько раз подходил к стенду и не решался, а так хотелось взять. Наконец рука сама потянулась к инструкции, и вдруг он увидел, что она прикреплена тонкой металлической цепочкой к столу. Резун испугался и отдернул руку, словно обжегся. Приехав в отпуск, он случайно попал на партийное собрание в управлении. Разбирался проступок одного помощника военного атташе на выставке в Ле Бурже. Наш разведчик пытался украсть какой-то прибор со стенда на выставке. На выходе его взяли под белые ручки и препроводили в полицейский участок.

Не помогло и то обстоятельство, что он был советский дипломат. Все закончилось скандалом и выдворением его из страны. В прессе поднялась шумиха. После этого случая Резун взял за правило не рисковать и придерживался мнения, чем дальше от иностранцев, тем лучше.

— Видите ли, — отвечал Фурлонг, — инструкцию по эксплуатации немецкого танка «Леопард-2» мне предоставил для журнала на доверительной основе мой хороший знакомый — военный атташе ФРГ полковник Вольфганг фон Крюге. На ней стоит гриф «конфиденциал». Я должен вернуть ему инструкцию послезавтра. Я могу вам ее дать, но только до завтра.

— Конечно, конечно, я верну вам ее завтра в полдень, не беспокойтесь, — быстро проговорил Резун. — Можете не сомневаться.

На следующий день Резун явился в редакцию часов в одиннадцать с большим пакетом. В пакете была русская водка, шампанское, икра. Он вернул инструкцию, поблагодарил и был чрезвычайно доволен.

Англичанин, потягивая пиво, вспоминал, как однажды спросил русского, почему он интересуется военной тематикой. Тот ответил, что по возвращении на родину планирует серьезно заняться научной работой по истории Второй мировой войны. Подбирает материалы по военным вопросам. Собирает мемуарную литературу. Кроме того, по работе ему приходится заниматься военными вопросами по переговорам Солт. По совету резидента Фурлонг подарил Резуну книгу Вильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха».

Определённые подозрения у Фурлонга вызвал и слабый французский язык русского дипломата. Обычно международные чиновники в совершенстве владели иностранными языками, многие знали несколько.

После первого доклада о русском резидент заинтересовался этим сообщением, а через месяц, вызвав Фурлонга к себе, подробно расспрашивал о деталях и просил обратить на него самое серьезное внимание. Тогда Фурлонгу показалось, что у резидента имелась какая-то информация на русском, о которой он по каким-то причинам не хотел говорить. Шеф улыбался своей загадочной улыбкой, как бы подчеркивая, что ему всегда известно больше, чем кому-либо другому. На этот раз ему явно не хотелось сообщать Фурлонгу всю имеющуюся у него информацию о русском. Резидента больше интересовало мнение подчиненного о Резуне.

Раньше эта снисходительная улыбка шефа раздражала и даже бесила Фурлонга. Но постепенно он привык к этой манере шефа вести беседу и не обращал на нее внимания. Правда, это не всегда удавалось скрыть. Он недолюбливал этого выскочку из аристократической семьи, который всегда старался унижить, подчеркнув, что ты варвар из Шотландии и не чета ему, патрицию, чистокровному англосаксу. О'Брайн Тир был настоящий англичанин, чопорный и высокомерный, знающий себе цену. Шутки в отношении других народов были проникнуты ядовитым юмором.

Особенно он не мог терпеть немцев, в каждом видел маленького Гитлера. Не жаловал и французов, называя их лягушатниками. Швейцарцев называл скрягами, зло шутил над их порядками в стране. Вечером после 23.00 у них, по правилам общепития, даже писать мужчинам стоя нельзя, дабы не потревожить шумом соседей. Садись и оправляйся, возмущался шеф, рассказывая о порядках в Швейцарии.

После ланча Фурлонг перешел в бар, взобрался на высокую тумбу у стойки. Бармен, сразу заметив своего постоянного клиента, поспешил к нему с услужливой профессиональной улыбкой.

Заказав двойную порцию шотландского виски, Фурлонг продолжал думать о предстоящей встрече с резидентом. Как настоящий шотландец он пил только чистое виски и снисходительно улыбаясь, когда видел, как кто-нибудь разбавлял этот напиток. «Почему он меня так срочно вызывает? — думал он. — Ведь я с ним встречался неделю тому назад, вроде все обсудили. Может быть, резидент получил какие-нибудь срочные указания из Сенчури-Хаус, из штаб-квартиры СИС? В том, что речь, несомненно, пойдет о Резуне, нет никаких сомнений. На прошлой встрече с резидентом тот сказал совершенно определенно, что русский для меня должен быть объектом номер один». Собственно, шеф для него ничего нового не открыл. Фурлонг и сам прекрасно знал, что в случае удачи с русским знакомым ему дадут дослужить эти три года, оставшиеся до пенсии. В пятьдесят пять он получит солидную пенсию, сможет завести свое дело и спокойно доживать свой век в родной Шотландии.

Конечно, есть и кое-что новое, о чем можно доложить по работе с Резуном. На прошлой неделе, например, в среду отлично сработала одна задумка, которая пролила свет на многое. Как-то в разговоре Фурлонг по договоренности с резидентом рассказал Резуну, что его брат, командир атомной подводной лодки, служит на английской базе на Гибралтаре. Русский очень заинтересовался этим сообщением, стал расспрашивать о Гибралтаре, о брате, о подводных лодках, чем еще больше выдавал себя как военный разведчик. Шеф наверняка обрадуется, узнав, что его идеи претворяются в жизнь.

На следующей встрече с Резуном в редакции, вспоминал англичанин не без удовольствия, в кабинет во время беседы по его сигналу вошла секретарша Марта, как всегда, покачивая своими мощными бедрами, и положила на стол почту. Фурлонг извинился и стал просматривать документы и письма. Вдруг он расплылся в улыбке и проговорил: «Боже мой, наконец-то весточка от брата с Гибралтара». И уллубился в чтение письма. Резун в это время сидел напротив англичанина и просматривал какой-то журнал.

— Ну что нового сообщает брат с берегов Атлантики? — спросил Резун, когда англичанин закончил чтение и отложил письмо в сторону.

— Пишет, что скоро, наконец, переберутся на родную базу в Шотландию, — ответил Фурлонг и продолжал: — Брат так мечтает скорее вернуться на родину. Опостылело ему служить на чужбине рядом с этими янки.

— Вы что, покидаете Гибралтар? — спросил Резун.

— Ну что вы, Гибралтар — наша военно-морская база, наша опора. Брат пишет, что на смену придет новая флотилия из Шотландии.

— Наверное, ваш брат будет служить теперь в Холи-Лох? — проявлял любопытство Резун.

— Не знаю, — отвечал Фурлонг. — Как вы хорошо знаете наши военно-морские базы, господин Резун.

— Я постоянно читаю ваш журнал, — отвечал Резун. — Там недавно была опубликована большая статья о военно-морских силах Великобритании. Но меня больше интересуют операции по проводке кораблей из Великобритании в СССР Северным морским путем в Мурманск и Архангельск во время Второй мировой. Кстати, если нам встретится литература по этому вопросу, скажите мне, пожалуйста.

— Хорошо, — ответил Фурлонг. — Буду иметь в виду. Собираете материал для будущей диссертации?

— Совершенно верно, — подтвердил Резун. — Думаю, об этом еще никто детально не писал. Этот вопрос требует подробного научного исследования.

«Конечно, об этом стоит думать резиденту, — подумал Фурлонг. — А вдруг шеф пронюхал о моей сексуальной связи с русским?» — пронеслась тревожная мысль.

Он хорошо помнил свой первый сексуальный контакт с Резуном. Жена у англичанина практически постоянно проживала в Великобритании. Под Глазго в Шотландии у них был дом с небольшим земельным участком, который по наследству достался его жене от родителей. Жена Фурлонга не работала и всю свою любовь и заботу отдавала кошкам, которых в доме никогда не было меньше двадцати. У мужа в Швейцарии бывала наездами. Такое большое кошачье хозяйство надолго оставлять было нельзя, да и климат Швейцарии на нее плохо действовал. Дочь жила отдельно. Она занималась конным спортом, была членом какого-то клуба, все свободное время пропадала на конюшне, ухаживая за лошадьми. После того как ко дню рождения родители подарили ей лошадь, ее редко видели дома. Конюшня стала ее домом. Сын, футбольный фанат шотландского клуба «Глазго рейнджерс», учился на экономиста, в свободное время пропадал на стадионах и тоже редко бывал дома. Он собирал и коллекционировал различную футбольную атрибутику: вымпелы команд, подержанную форму футболистов различных клубов, значки, проспекты, фотографии знаменитых футболистов. У него была своя жизнь, в которую родители не вмешивались.

Рональд Фурлонг был среднего роста, плотного телосложения, с большой крупной головой и массивным подбородком. В молодости он играл в регби, но с годами бросил заниматься спортом и стал заметно толстеть. Попытался было заняться теннисом, но начал беспокоить радикулит. Теннис пришлось оставить. Он был типичным шотландцем, неторопливым в движениях, флегматичным на вид, большим любителем виски. За вечер он мог спокойно один выпить бутылку «Джон и Уокер».

В тот памятный день Фурлонг пригласил Резуна к себе домой по случаю своего дня рождения. Посидели, выпили, поболтали, а дальше все оказалось очень просто, получилось как бы само собой. Русский быстро почувствовал, что от него требовалось.

Через некоторое время Фурлонг понял, что Резун поддался ему и пошел на сексуальный контакт, потому что хотел его завербовать. Хотя чувствовалось, что русский был не новичок в этом деле. Они стали часто встречаться и в редакции, и дома у Фурлонга. Англичанин давал ему материалы, которые готовились к печати. Резун дарил щедрые подарки, которые англичанин с большим удовольствием принимал. Да и кто из иностранцев в то время отказывался от русской водки и икры? Любовные контакты продолжались, но не так часто, как хотел бы Рональд. Он даже ревновал Резуна к своей секретарше Марте. Посещая редакцию, русский всегда оглядывал ее с ног до головы, словно раздевал. Цокал языком и говорил, какая звонкая девица, хоть в анатомический музей. При этом он загадочно улыбался и потирал руки. Когда Фурлонг спрашивал, почему в анатомический музей, Резун произносил загадочное и непонятное слово «антропос». Его глаза зажигались хитрым огоньком, и он говорил: «Надо знать русскую классику».

Конечно, Фурлонг умалчивал при беседах с резидентом о своих сексуальных контактах с разрабатываемым русским. За последнее время Резун стал избегать сексуальных контактов с англичанином. Это злило и раздражало Фурлонга. Шеф между тем требовал активизации работы, просил основное внимание уделять разыгрыванию перед русским роли вербуемого.

Фурлонг прекрасно знал, что в так называемый «секьюрити риск» для контрразведки «Сикрет интеллидженс сервис», кроме связи с компартией, входит и наличие гомосексуальных наклонностей. «Болезнь аристократов», как ее называют в Англии, загубила карьеру ряда сотрудников СИС, и, в том числе, далеко не рядовых. Даже сам Уинстон Черчилль, по воспоминаниям его матери, имел «сексуальные опыты» с мужчинами. Правда, на его карьере это никак не отразилось.

«Болезнь аристократов» Фурлонг заболел еще в Оксфорде, где она была широко распространена среди студентов и преподавателей. Эта болезнь, вероятно, в генах у англосаксов. Распространившись в аристократической среде, она затронула и разведку, кадры которой комплектуются в основном из выпускников университетов. Предпочтение отдается Кембриджу и Оксфорду.

Фурлонг после окончания Оксфорда не сразу попал в Сенчури-Хаус. Несколько лет он работал журналистом в редакции небольшой газеты в Глазго. Вел отдел внешней политики, неоднократно выезжал в заграничные командировки в Лаос, Вьетнам, Камбоджу, иногда во Францию, так как в университете специализировался по романским языкам и хорошо владел французским. По всей видимости, его репортажи из Вьетнама и Камбоджи, а также знание французского языка привлекли внимание специалистов из СИС. Знание иностранных языков, не очень распространенное у англичан, считающих английский язык главным в мире, высоко ценится в разведке.

Сначала Фурлонг просто сотрудничал с СИС в качестве доверенного лица, выполняя отдельные мелкие поручения кадровых разведчиков. Потом его привлекли к сотрудничеству на контрактной, постоянной основе. Пройдя специальную подготовку, Фурлонг стал офицером «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС).

В Сенчури-Хаус Фурлонг встретился со своим однокашником по Оксфорду и будущим резидентом в Швейцарии О'Брайном Тиром. Он уже давно работал в СИС и, судя по его поведению, был каким-то начальником, Тир со снисходительной улыбкой похлопал по плечу Фурлонга, пожелал ему успехов на новом поприще и исчез за дверью какого-то кабинета. И только через несколько лет судьба свела их вновь в Швейцарии. До поездки в Швейцарию Фурлонг четыре года проработал в Болгарии под «крышей» журналиста и неплохо изучил русский язык. Главной задачей СИС была и остается работа против русских, являвшихся во все времена главным противником.

В Болгарии Фурлонг особых успехов не добился. Оставаясь иногда по вечерам один на один с собою и бутылкой виски, он думал, что ошибся в выборе профессии. Он приходил к выводу, что разведка — грязное дело, совершенно ему не подходящее. Ему всегда была ближе журналистика. Все-таки разведка, особенно агентурная, не каждому по зубам. Чтобы быть разведчиком-вербовщиком, надо иметь особый склад характера. Конечно, кое-чему можно научиться, но мастером не станешь. «У меня больше склонность к аналитической работе, — размышлял Рональд. — Копаться в грязном белье людей, лезть в душу — не для меня. Ведь не каждый может стать классным хирургом, лётчиком, музыкантом, так и в разведке, нельзя всем ставить вербовочные задачи. Я ошибся, как ни горько в этом признаться, а ведь большая часть жизни прошла именно в разведке. Думаю, я не одинок в этом. Большинство людей в мире работают не по своей специальности. Так уж устроен мир. Уйду на пенсию через пару лет и пошлю разведку ко всем чертям. Займусь любимым редакторским делом, куплю небольшую яхту и буду ходить в море на семгу, и пропади все пропадом!»

Фурлонг и Тир были из разных сословий. О'Брайн Тир происходил из родовитой аристократической семьи. Перед поступлением в Оксфорд окончил привилегированный частный колледж по рекомендации высокопоставленных друзей родителей после окончания университета был направлен сначала на службу в МИД Великобритании, а затем в СИС.

Кадровики СИС сознавали, что питомцы таких учебных заведений — ярые приверженцы «британского образа жизни». Они уверены в прочности своего положения, в своей избранности, а потому считают, что им по праву принадлежит власть. С течением времени, правда, аристократическая прослойка в «Сикрет интеллидженс сервис» стала уступать место представителям среднего класса, сохраняющим, впрочем, приверженность идеалам «британского образа жизни» и вполне усвоившим такие ценности западного общества, как деловая хватка, стремление к успеху любыми, в том числе сомнительными методами, бивший через край индивидуализм. Они хорошо усвоили завет предков: «Мой дом — моя крепость». Именно на этой волне Фурлонг, представитель среднего класса, и попал в разведку.

На следующий день рано утром Фурлонг на машине отправился в Берн. Моросил мелкий дождь, дул сильным ветер, дорога была скользкая, поэтому Рональд не гнал, ехал осторожно. Спешить ему, собственно, было некуда: до встречи с резидентом времени было достаточно. Дорога сначала шла вдоль Женевского озера, огибая его с северо-запада, затем выходила на восьмиполосную автостраду и устремлялась на северо-восток — по направлению к столице. У озера ветер был особенно сильный и пронзительный, как в аэродинамической трубе. Местность от Женевы доерна напоминала Фур-лонгу чем-то родную Шотландию. Почти безлесые холмы переходили в долины. Дорога то поднималась вверх, то опускалась круто вниз, то шла вдоль небольшой речки, то ныряла в туннель. На холмах только не было привычных белых, перемещающихся по склонам, как снежные шапки, овец. Бросалось в глаза обилие рекламных щитов вдоль дороги, призывающих выгодно вкладывать деньги в банки.

Через два часа Фурлонг въезжал в Берн. Женева в Швейцарии больше, чем столица. В ней более двух тысяч различных международных организаций. Там можно встретить людей, говорящих на различных языках мира. Берн же небольшой провинциальный городок для иностранных дипломатов.

Фурлонг припарковал машину на стоянке посольства Великобритании в Швейцарии на улице Тунштрассе, 50, и вошел в здание посольства. Он поднялся на лифте на четвертый этаж, набрал код на массивной двери. Щелкнул автоматический замок, дверь бесшумно открылась и впустила посетителя в просторный холл помещения резидентуры СИС.

Вешая плащ, Фурлонг заметил светло-серый плащ резидента, в углу стоял его зонтик с белой костяной ручкой.

Фурлонг оглядел себя в зеркало, поправил ладонью седеющие волосы, вынул из внутреннего кармана бархотку и прошелся ею несколько раз по черным лакированным туфлям.

Пожалуй, по обуви можно безошибочно отличить истинного англичанина-мужчину. Туфли английского джентльмена всегда идеально блестят.

Рональд позвонил резиденту по внутреннему телефону, стоявшему на тумбочке у большого зеркала при входе в помещение резидентуры. Услышав короткое «войдите», Рональд открыл дверь и вошел в кабинет резидента. Из-за стола поднялся О'Брайн и лёгкой спортивной походкой направился навстречу входящему Фурлонгу. После короткого взаимного приветствия резидент пригласил посетителя присесть. Шеф, как всегда, был чисто выбрит, одет с иголочки в строгий темно-синий шерстяной костюм. Однотонный шелковый галстук хорошо подходил к его белоснежной сорочке, коротко стриженные на американский манер волосы делали его на несколько лет моложе. До блеска начищенные черные туфли еще больше подчеркивали его приверженность английскому стилю. Когда он улыбался, глаза оставались холодными и безучастными, по ним трудно было определить, какие мысли и чувства владели этим человеком в данный момент. Его и без того тонкие губы растягивались в ниточку, обнажая ровные зубы.

Кабинет шефа представлял собой довольно большую прямоугольную комнату, обращенную зашторенными окнами во внутренний двор посольства. В углу у письменного стола небольшой сейф, вмонтированный в стенку, на стене напротив окон висела репродукция картины, изображавшая Трафальгарское сражение англичан с испанцами под руководством адмирала Нельсона. Рядом с сейфом стоял большой письменный стол с приставным небольшим столиком и двумя стульями. В углу у окна — холодильник. На полу от двери через всю комнату шла серая ковровая дорожка. Стены комнаты были обиты каким-то звукопоглощающим коричневым приятным на вид материалом, вызывающим почему-то желание прикоснуться к нему и ощутить его тепло.

— Как доехали? — начал шеф, усаживаясь в свое мягкое кожаное кресло.

— Спасибо, нормально, — отвечал Фурлонг. — Погода, правда, паршивая, дождь и сильный ветер.

Тир открыл сейф, вынул из него тонкую папку и положил ее перед собой.

— Да, погода прескверная, — согласился резидент. — И здесь, в этой деревне, вот уже два дня льет дождь. Что у вас нового с Наполеоном? — Резидент назвал Резуна псевдонимом.

— Могу доложить, — начал Фурлонг. — Письмо «моего брата» с военно-морской базы подводных лодок сработало превосходно. Так, как мы с вами и задумали. Резун проявил чрезвычайный интерес к этому сообщению, задавал дополнительные вопросы, интересовался деталями. Я ему соответственно подыгрывал. Наибольший эффект произвел на него проспект «Леопард-2», специально положенный мной на стол. Вы бы видели, как он затрясся, как у него загорелись глаза. Я ему дал на день инструкцию по эксплуатации танка. На следующий день он вернул инструкцию и рассыпался в благодарностях. Короче, у меня нет никаких сомнений в том, что Резун — разведчик, по всей вероятности, военный разведчик из ГРУ.

Фурлонг умолчал, что благодарность русского выражалась не только в словах, но и в солидном пакете с русской водкой и икрой.

— Это очень хорошо с «Леопардом» и вашим «братом». Вы правы, утверждая, что русский — разведчик из ГРУ. Но нам об этом уже давно известно. Ваши доводы только подтверждают известный факт, — проговорил О'Брайн Тир, открывая папку и вынимая из нее тонкий лист шифротелеграммы. — Ведь мы с вами давно пришли к выводу, что Наполеон — разведчик. Это уж не так сложно было определить. Вы, надеюсь, хорошо понимаете, что любого разведчика, работающего под официальной «крышей», контрразведка вычисляет через три-четыре месяца после его приезда в страну. Правда, подчеркиваю, если разведчик работает, а не валяет дурака. Это, собственно, аксиома. Но перед нами была поставлена мистером Си задача не только выявить его как русского разведчика, но изучить и найти подходы к нему, установив мотивы для вербовки. Вы уже четыре года работаете в Швейцарии, а результатов практически никаких. Возитесь с этим отщепенцем-венгром, пьяницей и хапугой, у которого нет серьезных выходов в Венгрию. Он мог представить для нас некоторый интерес в Венгрии. После того как в 1956 году сбежал из страны, с него нечего взять. Я вам давно говорил, что с ним пора кончать и исключить из агентурной сети резидентуры. Русский — другое дело, это ваш последний шанс. Пока он старается вас, судя по всему, вербовать. Думаю, вы прекрасно понимаете, что наша главная цель — это Россия, хотя мы и далеко от нее территориально. Вот и директор СИС, — шеф взял шифровку в руки, но не стал ничего из нее зачитывать, — требует от нас активизации работы с Наполеоном. Вы слышали о загадочной душе русского? — вдруг, резко сменив тему разговора, спросил шеф.

— Да, конечно, слышал и читал об этом достаточно много, — отвечал Фурлонг. — В Болгарии мне пришлось с этим часто сталкиваться.

— А о русском графе, полковнике Александре Чернышеве вы что-нибудь слышали? — попытался резидент.

— Нет, не припомню, — ответил Фурлонг.

— Так вот что я вам скажу, — наставительно продолжал Тир. — Славяне-мужчины отличаются от других повышенной потенцией. И надо сказать, женщины всех национальностей предпочитают русских. Это проверено и доказано жизнью не однократно. Кстати, и русские женщины отстают от своих мужчин, даже превосходят их кое в чем. В каких только странах их нет! Это прекрасный экспортный товар для России. Говорят, русские женщины не только сексуальны, но и неприхотливы, а в доме лучше хозяйки не найти. Не то что наши эмсансипе. Так вот, военный атташе

во Франции полковник Чернышев благодаря своим любовным связям с французскими друзьями все знал о подготовке Наполеона к войне с Россией. Изображая повесу, ловко интригуя, он с помощью женщин подкупал чиновников Наполеона. Русские хорошие любовники, и СИС это прекрасно знает и умело использует.

«Куда он клонит? Неужели пронюхал о моей сексуальной связи с Резуном?» — со страхом подумал Фурлонг.

— Русские — это не холодные немцы или скандинавы, — продолжал резидент. — Немцы даже в любви соблюдают свой Ordnung (порядок. — *А. К.*). У них есть так называемый *Monika Tag* (день Моники. — *А. К.*), в который супруги должны совершать свои супружеские обязанности. Это я вам серьезно говорю. Я вам скажу, Фурлонг, кого-кого, а немцев я, слава богу, изучил досконально.

Фурлонг знал слабость своего шефа разглаживать о немцах. Это был его конек. Он любил вспоминать о своей работе в послевоенной Германии, похвастаться успехами.

— Русские, — между тем продолжал О'Брайн, — довольно активно используют эту славянскую особенность, но и сами порой попадают на этом, несмотря на то что их коммунистическая мораль не позволяет это делать. Внебрачные любовные связи в коммунистической России, особенно у разведчиков, преследуются и строго наказываются. Но против природы не попрешь. Русские любят иногда, несмотря на все запреты, тряхнуть стариной и заплянуть под подол чужой женщине. Вы же знаете о последней на шумевшей любовной истории с Ивановым в нашем Королевстве?

— Знаю, конечно, — подтвердил Фурлонг. — Все газеты об этом трубили. О помощнике военно-морского атташе СССР в Великобритании и его любовнице проститутке Кристине Киллер.

— Вот-вот, — перебил Фурлонга шеф. — Я вам об этом и говорю. Они и проститутками не брезгают, когда это идет на пользу делу. И наш военный министр Профьюмотоже хорош гусь, вляпался в эту грязную историю. А ведь Иванов-то не только с красавицей Киллер баловался. У него был дальний прицел — выйти на военного министра. Злые языки поговаривали, что русский даже залез в постель к его жене.

Шеф вновь достал из папки шифровку, о которой он, казалось, уже забыл, и, обращаясь к своему подчиненному, продолжал:

— Мистер Си выражает недовольство вашей работой, Фурлонг. Вы возитесь с этим русским больше года, но до сих пор у вас нет четкого плана работы с ним. Учти, Рональд, — перешел шеф на «ты», что очень редко допускал со своими подчиненными. — Я тебя уже неоднократно предупреждал: Наполеон — твой последний шанс. Хотя мы и любим говорить, что в Великобритании нет постоянных друзей и противников, есть только постоянные интересы, в обозримом будущем наш постоянный интерес — уничтожить Советов. Думаю, вы это хорошо понимаете, — шеф вновь перешел на официальный тон. — Этот мальчик, как вы правильно предполагаете, из ГРУ на нас свалился с неба. Будет стыдно, если мы упустим этот счастливый шанс и не сумеем его переиграть и завербовать. Вы догадываетесь, куда я клоню?

— По правде сказать, пока нет, — отвечал Фурлонг.

— Очень плохо, — нахмурился шеф. — Всю эту историю о загадочной русской душе, о сексуальных способностях русских мужчин я вам рассказал не просто так. Я это говорил, чтобы направить ваши мысли в нужном направлении в работе с нашим русским.

«Боже мой, похоже, он действительно знает о моих отношениях с русским и хочет это использовать», — в страхе подумал Фурлонг.

— Вы, надеюсь, знаете, — продолжал резидент, — что у СИС тоже богатый опыт в использовании женщин против любвеобильных русских. Скажу вам по секрету, по нашей статистике, двое из трех попадают, когда мы подставляем наших женщин. Этот способ очень эффективен, но сложен в реализации. Да и толковых профессионалок не так просто найти.

«Слава богу. Вроде пронесло», — вздохнул с облегчением Фурлонг.

— Вы мне неоднократно докладывали, что Резун в разговорах с вами частенько затрагивает женскую тему, отпускает сальные шуточки по поводу вашей секретарши Марты. Почему бы нам ее не использовать? Вы с ней работаете уже четвертый год. Вероятно, хорошо ее изучили и знаете все подходы к ней, ее слабые стороны.

— Да, да, — прервал шефа Фурлонг, обрадовавшись, что О'Брайн направил тему разговора совершенно по другому руслу и что его опасения были напрасны. — Вы правы, сэр, он называет мою секретаршу звонкой девицей. Я заметил, что, когда он смотрит на Марту, его глаза становятся масляными, в них появляются какие-то озорные чёртики.

— Так это как раз то, что надо, — сказал О'Брайн. — Я вас и направляю к этим чёртикам, вернее, надо направить эту немку Марту к этим чертикам. Немки очень сговорчивые женщины. Это вам говорю я, проработавший в Германии пять долгих лет. Надо сделать так, чтобы он с ней переспал, а не говорил бы ей только комплименты и любовался ее женскими прелестями. Сейчас очень подходящий момент. Его жена уехала в Россию, он остался один, это дает нам шанс.

«Шеф информирован о Резуне лучше, чем я, — подумал Фурлонг. — Знает даже, что его жена в отъезде. А я об этом понятия не имею». Вслух же сказал:

— Дело в том, сэр, что Марта совершенно игнорирует его. Резун всячески пытается оказывать ей знаки внимания: дарит сувениры, отпускает комплименты. Марта — это *Zarweib* (царь-баба. — *А. К.*). Помните, у Ремарка в «Трех товарищах» женщина-гвардеец, мощная, высокая, показывала в кабаре разные шуточки и забавляла ими мужчин. Резун у моей Марты уместится под мышкой.

— Что вы о каком-то Ремарке, — раздраженно перебил резидент своего подчиненного. — Какая там у немцев литература, что они там могли сказать миру нового? Вот наши гиганты: Шекспир, Диккенс, Голсуорси... А эти «карлики»? Да и Ремарк. Кто он? Убежал из Германии в одних кальсонах от фюрера. Немец, швейцарец, еврей? Он — космополит без национальности. Я вижу, вам эта задача — затащить Марту в постель к Резуну — не по силам. Для женщины, Фурлонг, важен не рост мужчины, а нечто другое. Пора бы вам это знать на шестом десятке лет.

Резидент вдруг замолчал, достал сигарету, закурил, вышел из-за стола и стал задумчиво ходить по комнате. Через некоторое время он резко остановился, словно принял какое-то важное решение, и, обращаясь к Фурлонгу, сказал:

— Хорошо, оставим Марту. Я перед вами ставлю задачу на ближайшую перспективу. Вам надо отдать все силы, чтобы Наполеон продолжал вас разрабатывать в качестве потенциального источника военно-политической информации. Было бы неплохо, чтобы он начал вам платить деньги за оказываемые услуги под расписку и в конце концов предложил бы вам сотрудничать с ГРУ. Мы еще детально обсудим, какие материалы можно ему подсунуть. У вас есть кое-что от вашего знакомого немца фон Крюге? Попробуйте перед Резуном представить дело так, что у военного атташе ФРГ, вашего очень хорошего знакомого, имеются важные материалы, но немец, как все немцы, любит деньги больше родной Mutter (матери. — *А. К.*). Поэтому за информацию надо платить. При случае покажите ему что-нибудь. Уверен, у русского загорятся глаза, появятся те чертики, о которых вы мне рассказывали. Когда он заплотит наживку, скажите, что можно получить и более подробные описания, но за определенное вознаграждение. Уверен, Наполеон начнет интересоваться стоимостью материалов, уточнять их название. Сразу не даст ответ. Ведь ему необходимо согласовать свои действия с Центром. Мы и начнем с ними, не с Резуном, а уже с Центром настоящую игру. Организуем что-нибудь и из Лондона, я поговорю с нашими военными на эту тему. Может быть, они могут кое-что интересное подкинуть. Короче, перед вами широкое поле деятельности. Резун уже проглотил крючок. Вам осталось вытянуть рыбу. И последнее. У нас не так много времени. У русского

скоро заканчивается срок командировки в Швейцарии.

Когда Фурлонг поднялся и уже собрался уходить, резидент вдруг неожиданно остановил его вопросом:

— А что вы думаете об этом немце, фон Крюге?

— Большой любитель выпить за чужой счет, — ответил Фурлонг, — играет в карты и часто сидит без денег. Иногда занимает и у меня, когда проигрывает и сидит на бобах. По-моему, очень азартен и надеется картами поправить свое положение.

Резидент, конечно, разыгрывал спектакль перед своим подчиненным и во многом лукавил. Начальство любит иногда свалить свою вину на подчиненных, обвинить их в бездеятельности, когда получает втык от вышестоящего начальства. В шифровке мистера Си не было ни слова о работе Фурлонга. Генеральный директор выражал недовольство работой резидентуры и требовал ускорить разработку Наполеона. О'Брайн Тир знал о Резуне значительно больше, чем Фурлонг. Он давно поставил на русского и свою карьеру связывал во многом с успехом в работе с ним.

Его работа в разведке началась в 1954 году с участия в операции «Берлинский туннель». Операция проводилась совместно англичанами и американцами и предусматривала открытие шестисотметрового туннеля в глубь советского сектора на территории ГДР и подключение к советским подземным линиям связи. Американцы финансировали операцию, англичане были ее мозговым центром. Руководил англичанин Питер Ланн, человек с богатым разведывательным опытом и блестящей репутацией. Он был переведен в Западный Берлин из Вены, где возглавлял посольскую резидентуру СИС.

В Австрии под руководством Питера Ланна были проведены операции «Конфликт», «Сахар», «Лорд» по проникновению в телефонные коммуникации советских вооруженных сил, дислоцированных в этой стране, с целью получения важной информации.

После Второй мировой войны у английской разведки в Германии имелась многочисленная агентура. Тиру удалось через одного своего агента добыть информацию о телефонных коммуникациях Советского Союза в Германии. Некоторые советские кабели связи проходили в непосредственной близости к американскому сектору Берлина, и районе Альтглинике.

Однако ни американцы, ни англичане понятия не имели, что хитроумная дорогостоящая операция была обречена на провал еще до того, как она начала осуществляться. Выдающийся советский разведчик Джордж Блейк, участвовавший в разработке «Берлинского туннеля», заблаговременно предупредил советское командование о готовившейся операции.

В 1956 году советская сторона решила пресечь операцию ЦРУ-СИС.

После того как мировой общественности стало известно о провале операции «Берлинский туннель», из английской ре-резидентуры СИС в Западном Берлине были отозваны многие ее участники. В том числе и ее руководитель Питер Ланн, которого направили на Ближний Восток, в Бейрут. Многих работников западногерманской резидентуры уволили из разведки. Тиру удалось благодаря влиятельным друзьям и молодости остаться на плаву. Он никому не рассказывал об этом.

Став кадровым офицером разведки, О'Брайн Тир после тщательной подготовки был направлен в западногерманскую резидентуру СИС, насчитывавшую более ста офицеров-разведчиков.

О'Брайн проявил себя как способный, энергичный работник. Ему удалось сделать несколько ценных вербовок. Начальство обратило внимание на молодого напористого офицера.

Шеф часто рассказывал своим подчиненным о работе в Германии против русских. Он был убежденным антикоммунистом и не менее убежденным противником СССР.

— Золотые времена были, — хвастался он перед Фурлонгом. — Продажные голодные немцы готовы были за пачку сигарет, буханку хлеба мать родную продать. Их еще Гитлер научил доносить друг на друга.

Швейцария была третьей длительной зарубежной командировкой Тира. Здесь тоже все шло не так гладко. В шифровке генерального директора СИС упреки делались не Фурлонгу, а резиденту СИС в Швейцарии О'Брайну Тиру. Руководитель разведки требовал принятия более энергичных мер в работе с русским. Резидентуре предлагалось разработать в кратчайшие сроки конкретный план мероприятий по завершению разработки «Наполеон».

Тир понимал, что в случае неудачи с русским его карьера разведчика закончится и никакие друзья и связи в английском истеблишменте уже не спасут его.

Беседуя с Фурлонгом, резидент не делился с ним своими планами в работе с Наполеоном. Он уже давно уделял пристальное внимание Резуну и через свои связи и связи других офицеров резидентуры помимо Фурлонга изучал и накапливал информацию на русского. У него практически был готов план вербовочной операции Резуна. Фурлонгу в этом плане отводилась вспомогательная роль приманки.

Через своих друзей в службе безопасности, и прежде всего через своего пленного агента, одного из руководителей контрразведки Швейцарии Фрица Шварцбергера, Тир постоянно получал обширную информацию на Резуна и на советскую колонию в Швейцарии. Английскому резиденту были известны сводки наружного наблюдения за советскими гражданами в Швейцарии, в том числе за Резуном. Из наблюдений контрразведки Швейцарии за Наполеоном следовало, что он не имел каких-либо серьезных источников среди иностранцев и использовался русской резидентурой для сбора и обработки информации в прессе. Служба наружного наблюдения отмечала, что молодой русский сотрудник международной организации ООН был на побегушках сначала у резидента ГРУ Ивана Сергеевича Глотова, а затем у сменившего его Бориса Михайловича Александрова. Оба резидента ГРУ хорошо известны английской разведке, особенно Глотов — по нашумевшему в свое время шпионскому делу Резун часто сопровождал жену Александрова по магазинам и при этом проявлял чрезмерное усердие, угодливость. Подходя к начальству на приемах, как военный, вытягивался в струнку, шелкал каблуками, с головой выдавая себя.

Не остались без внимания англичан и некоторые «мелочи» в поведении русского. Так, однажды после приема в советском посольстве Резун, вероятно, немного выпив, сел за руль и, на рассчитав, задел машиной ограду частного дома. Сильно испугался. В страховой компании всячески пытался замаять дело, предлагая страховому агенту водку и икру, уговаривал ремонт машины и ограды отнести за счет страховки. Об этом пустячном инциденте Резун не стал докладывать начальству, стараясь самостоятельно уладить это дело. Однако Александрову каким-то образом стало известно об этом, и он, вызвав на ковер молодого офицера, задал ему головоломку, обещая доложить в Центр при повторении подобных проступков. Резун страшно испугался и очень переживал.

О'Брайн Тир знал и о сексуальной связи с Фурлонгом. Сначала это была непроверенная информация, основанная на предположениях. Тир ей не поверил и потребовал доказательств. Через некоторое время он получил от Шварцбергера неопровержимое подтверждение в виде аудио- и видеозаписей. Получив столь пикантные материалы, О'Брайн коренным образом изменил первоначальный план вербовочной операции. Теперь был найден, по его мнению, стопроцентный мотив, надо было только с умом и безошибочно воспользоваться им для вербовки русского разведчика.

Резидент СИС сам был не безгрешен и понимал, что вмешательство в частную жизнь других людей, особенно своих подчиненных, противоречит всем нормам английской морали. Но, с другой стороны, он знал, что принятые в обществе нормы поведения не всегда уживаются с

профессиональной разведки. И все же, имея компрометирующие Фурлонга и русского материалы, Тир не решился использовать своего работника в открытую в качестве компромата при проведении операции.

Резидент СИС в Швейцарии долго раздумывал, прежде чем нашел другой путь. Фурлонгу в плане отводилась вспомогательная роль, его использовали втемную, как принято выражаться у разведчиков. Перед ним ставилась задача разыграть роль вербуемого, стать агентом русского и вывести его в нужный момент на редакцию журнала «Армада» в Цюрихе для проведения вербовочной беседы. Редакция журнала была прикрытием английской разведки в Швейцарии.

После того как Фурлонг покинул английское посольство в Берне, достал из сейфа шифроблокнот и написал лаконичную телеграмму генеральному директору СИС, в которой попросил разрешения на два дня прибыть в штаб-квартиру СИС для личного доклада плана операции по вербовке Наполеона.

Разрешение было получено на следующий день. В аэропорту Лондона Хитроу О'Брайна Тира ожидала служебная машина.

Он давно уже не был на острове и с интересом рассматривал знакомые с детства улицы столицы, отмечая перемены. Машину пошла по набережной Темзы, по направлению к штаб-квартире «Сикрет интеллидженс сервис». Тир начинал свою службу в разведке еще в Бродвей-Билдинге, что у станции лондонского метро «Сент-Джеймс Парк». В то далекое время это был строго законспирированный объект.

Ровно в 14.00 резидент английской разведки в Швейцарии О'Брайн Тир вошел в просторный кабинет генерального директора СИС, таинственного мистера Си, настоящее имя которого не имели права произносить подчиненные из опасения быть услышанными посторонними. Конечно, Тир знал, что генерального директора СИС зовут сэр Морис Олдфилд. В 1974 году, отправляясь резидентом в Швейцарию, Тир в кабинете Олдфилда получал инструкции на командировку. Такой порядок существовал в СИС всегда.

Из-за стола поднялся невысокий, лысеющий, но еще не старый мужчина веером шерстяном костюме-тройке и пошел навстречу О'Брайну, дружески, как старый знакомый, протягивая руку для приветствия.

Тиру бросилось в глаза, что директор выглядел уставшим и несколько озбоченным.

Когда мужчины удобно устроились у журнального столика, открылась дверь и появилась молодая женщина в белом переднике, с подносом, на котором стоял чайный фарфоровый сервиз.

Разлив чай и поговорив немного о пустяках, не относящихся к делу, Олдфилд вдруг неожиданно для резидента обратился к нему по студенческой привычке на «ты»:

— Ну что, О'Брайн. Как там русские говорят: взять быка за рога. Очень метко. Так давай с главного. Для чего пожаловал?

Тир знал, что директор ценил в докладах подчиненных четкость и немногословность. Он сообщил, что прибыл в соответствии с его указаниями доложить о состоянии дел по работе с Наполеоном и предложить конкретный план действий по его вербовке.

— Очень, очень интересно. Что же вы намерены предпринять? Из текущих ваших докладов мне в общих чертах известно состояние дел в резидентуре. Вы, конечно, будете докладывать об этом русскому. Надеюсь, вы не забыли горькую историю нашего предшественника по неудачной вербовке русского и учли ошибки? — проговорил директор, закуривая сигару и готовясь выслушать доклад своего подчиненного.

Тир знал, конечно, что до него в Швейцарии английской разведкой СИС была предпринята неудачная попытка завербовать одного русского специалиста, который находился в стране в служебной командировке по линии МВТ. Специалист не представлял какого-либо интереса для СИС. Но кто-то из его близких родственников, кажется, по линии жены, был высокопоставленным работником КГБ. Это и привлекло внимание английской разведки к работнику Внешторга. Англичане использовали свой любимый прием: подсунили ему женщину, надеясь, что компромат сработает. Русский оказался крепким орешком. Он отверг напрочь все предложения вербовщиков. Вербовочная операция проходила в номере гостиницы, где проживал русский специалист. Видя, что дело может кончиться международным скандалом, англичане пошли на убийство. Русскому сделали укол, введя смертельную дозу сильного наркотика. Чтобы скрыть следы, они извлекли у мертвеца мозг и исчезли. Однако русские врачи сумели определить причины смерти специалиста. В прессу просочилась информация о действиях английских спецслужб.

От жестких действий по отношению к своим противникам британские спецслужбы не отказывались никогда. Убийства и истязания стали повседневной практикой в деятельности СИС. Жестокость — национальная черта англичан, по выражению известного британского писателя Джона Бойтона Пристли. Собственно, иудео-протестантский принцип «Цель оправдывает средства» всегда господствовал в британских спецслужбах.

— Да, сэр, я знаю об этой неудаче, — ответил резидент.

— Так какие мотивы вы хотите использовать против русского разведчика? — прямо задал вопрос директор СИС. — Перед вами кадровый военный разведчик, а не чиновник гражданского Министерства внешней торговли. Смотрите не сломайте о него зубы и не наломайте дров. Очередной провал нам не простят наши ястребы в правительстве. С русским разведчиком у вас должен быть железный мотив. Я хорошо знаю этих непредсказуемых людей. Один русский поэт написал: «Умом Россию не понять...» — дальше не помню. В этом утверждении есть доля истины о русском характере — их не так-то просто раскусить. Они сами себя не понимают как следует. Ведь вы хотите сейчас предложить мне классическую схему вербовки: есть мотив, который вам представляется надежным. Правильно я вас понимаю?

— Совершенно верно, сэр, — ответил Тир.

— Но такая схема хороша, — вновь продолжал развивать свою мысль Олдфилд, — при очень надежном мотиве, когда вербуемому некуда деваться, когда у него нет иного выбора. Самый лучший вариант — иметь дело с волонтером, как в случае с Пеньковским. Нотам, — мистер Си прморщился, — помешали наши друзья довести дело до логического конца. Ну ладно, я помешал вам закончить мысль. Так какой же мотив предлагаете вы использовать с русским разведчиком? Слушаю вас внимательно. Продолжайте.

— Основной мотив, сэр, — отвечал Тир, — это повышенный бионегатив у разрабатываемого русского.

— Что вы имеете в виду под словом «бионегатив»? Это что-то для меня новое, — спросил Олдфилд.

— Под этим словом, — начал О'Брайн, — я имею в виду сумму негативных качеств, унаследованных или приобретённых человеком, которые могут быть использованы разведкой в качестве компромата при вербовке разрабатываемого. Это различные патологии, шизофрения, отклонение в психике, наследственные болезни.

— Теперь мне понятно. Вы, я смотрю, психолог. Вторгаетесь в психику человека, в самое сокровенное и малоисследованное. До вас в этом пытались, кажется, разобраться Ломброзо, Фрейд и другие. Любопытно узнать, что же за бионегатив вы обнаружили у нашего пациента? — спросил шеф.

— Основной мотив, сэр, гомосексуальные наклонности Наполеона, — начал резидент. — Нами установлено, русский — бисексуал. Резидентура располагает аудио- и видеоматериалами, которые его компрометируют. Кроме того, он труслив и меркантилен. Вот этот суммарный бионегатив и даёт нам основание полагать, что предъявленный компромат поставит русского в безвыходное положение. Ему, по моему мнению, ничего другого не остается, как только согласиться с нашим предложением о сотрудничестве.

— Говорите, гомосексуализм как основной мотив? Для русских это, конечно, очень серьезно, они таких не держат в разведке, насколько я знаю. Это идет вразрез с их моральными принципами. Кто же сексуальный партнер русского? — спросил директор СИС.

— В этом, сэр, самая большая загвоздка, которая заставила просить вас принять меня для личного конфиденциального доклада, — ответил Тир и продолжил после небольшой паузы: — Партнером Резуна является наш сотрудник Рональд Фурлонг.

— Что?! — повысив голос и вставая, произнес всегда сдержанный Олдфилд. — И вы хотите на этом построить вербовку русского? Втянуть нашего работника в эту грязную историю? Вы понимаете, к чему все это может привести? И кто даст на это санкцию?

— Нет, нет, сэр, — поспешно возразил Тир. — Фурлонг не догадывается, что нам известна его сексуальная связь с русским. Мы получили материалы от нашего давнего швейцарского друга Шварцбергера. Я планирую не ставить Фурлонга в известность и не включать его в состав участников операции. Фурлонгу отводится вспомогательная роль — разыграть роль вербуемого. Кроме того, у нас против русского есть еще компромат. Я вам докладывал, что он бисексуал. Нам удалось провести против него операцию с одной женщиной и получить компрометирующие материалы.

— Кого вы планируете привлечь к вербовочной операции? — задал вопрос Олдфилд.

— Вербовочную беседу планирую провести лично, а к операции привлечь моего заместителя Дерфила Сервила и оперативного офицера резидентуры Гордона Барроса. Вербовочную беседу мы собираемся провести в Цюрихе в редакции журнала «Армада», куда по приглашению Фурлонга придет Резун.

Генеральный директор СИС Морис Олдфилд внимательно слушал доклад резидента, не перебивая его, задумчиво прохаживаясь по просторному кабинету. Когда Тир закончил, директор, заложив руки за спину, подошел к окну и сказал:

— Значит, Фурлонг болен «аристократической болезнью», хотя, насколько я знаю, к аристократическому роду не принадлежит. Ну что же, в личную жизнь мы вмешиваться не должны. Мы же джентльмены. Хотя джентльменство и разведка — вещи несовместимые. Вы знали о его болезни до сообщения Шварцбергера?

— Нет, сэр, — ответил Тир. — У меня были лишь смутные подозрения.

— А сколько лет Фурлонгу? — вновь спросил директор.

— Пятьдесят три, — ответил резидент.

— Через два года на пенсию, — задумчиво произнес Олдфилд. — Конечно, не стоит ломать ему карьеру из-за этой шалости с русским. Но я согласен с вами, что это можно использовать в наших интересах. Мне нравится ваша идея. Кто ещё, кроме вас, знает о Фурлонге?

— Никто, кроме меня и моего заместителя, сэр, — ответил Тир. — Наш агент Шварцбергер в курсе, но деталей не знает.

— Обо всём этом никто, кроме названных лиц, не должен знать, — продолжал развивать свою мысль генеральный директор СИС. — Премьер-министру я доложу, не вдаваясь в подробности. Шварцбергера я знал в своё время, встречались здесь, в Лондоне. Он надежный человек. Такими агентами надо дорожить. Он уже в возрасте, скоро на пенсию. Надо подумать о его замене. Такие люди нам нужны в КРО (контрразведывательные органы. — *А.К.*) Швейцарии. При встрече с Шварцбергером передайте ему привет от меня и благодарность за работу. После завершения операции подумайте о вознаграждении агента. За оказанную помощь надо платить. Конечно, материалы по Фурлонгу необходимо изъять у наших друзей. Они им не нужны. У вас в резидентуре достаточно сил и средств, чтобы квалифицированно провести операцию по вербовке Наполеона. Названного вами мотива вполне достаточно, чтобы успешно ее осуществить. Изложите подробный план операции письменно в одном экземпляре без упоминания Фурлонга. Подробные указания о проведении операции и подтверждение Центра получите почтой. У вас есть что-нибудь ещё ко мне? — спросил руководитель английской внешней разведки.

— Да, сэр, — начал резидент. — Я уже вам докладывал в переписке о военном атташе ФРГ в Швейцарии Вольфганге фон Крюге, с которым Фурлонг имеет дружеские, доверительные отношения.

— Да, да, помню, — подтвердил шеф разведки. — Так что с ним?

— Дело в том, сэр, что отношения эти в настоящее время больше похожи на агентурные. За оказываемые нам услуги он с большой охотой получает подарки и даже деньги. Удалось выяснить, что он патологически жаден, кроме того, заядлый картежник. По нашим данным, он проиграл большую сумму денег и обратился к нам за помощью.

— То есть, дорогой О'Брайн, — перебил шеф своего подчиненного, — вы хотите спросить, не завербовать ли нам нашего верного союзника по НАТО?

— Совершенно верно, сэр, — улыбаясь, произнёс Тир.

— Вы знаете, я не стал бы возражать, — проговорил Олдфилд. — Но мы с вами этот вопрос не обсуждали. Доведите дело до того, чтобы плод совершенно созрел и сам попросился к нам в рот. Может быть, за это тонкое дело возьметесь вы сами, вы ведь имеете богатый опыт работы в Германии. Когда у вас будет на столе его подписка о готовности сотрудничать с СИС, доложите мне постфактум ваши предложения и вашу просьбу о его вербовке. Вам понятен ход моих мыслей?

— Абсолютно, сэр, — ответил Тир, вставая.

Резидент СИС в Швейцарии О'Брайн Тир шел подлинному коридору и улыбался своим мыслям. «Конечно, — думал он, — дело с фон Крюге до успешного конца могу довести только я. А кто же ещё?»

После того как Тир покинул кабинет, Морис Олдфилд еще долго стоял в раздумье у окна. Может быть, он предчувствовал, что над ним сгущаются грозные тучи и ему не простят его «аристократическую болезнь», как он простил её несколько минут тому назад рядовому работнику СИС.

Он не мог тогда представить, что через год «железная леди», узнав, что он гей, не посчитается с его несомненными заслугами и авторитетом и отправит его в отставку, которая так и останется для многих загадкой.

Не испытав, нельзя судить о некоторых вещах.

Ф. М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома»

О'Брайн Тир сидел в своем рабочем кабинете в резидентуре в посольстве Великобритании в Берне на Туншграссе, 50, и просматривал прибывшую из Центра дипломатическую почту.

Был конец января 1978 года. Рождественские каникулы кончились. Люди приступили к работе.

Телефонный звонок оторвал резидента от документа, который он изучал. Шифровальщик из посольской референтуры просил разрешения зайти.

«Наверное, что-то важное и срочное из Центра», — подумал (У Брайн. Он знал, что шифровальщик по пустякам не решился бы отвлекать шефа от работы.

Через несколько минут в кабинет вошел мужчина средних лет. «Это вам, сэр, лично», — и положил на стол тонкий лист бумаги с напечатанными колонками пятизначных цифр.

Резидент расписался за получение телеграммы, поблагодарил и отпустил работника референтуры. Когда дверь за шифровальщиком закрылась, О'Брайн поспешно встал из-за стола, подошел к вмонтированному в стене сейфу, набрал шифр и, открыв его, вынул небольшую металлическую коробку с личными шифрами резидента.

Через некоторое время вместо колонок цифр на листе бумаги появился короткий текст:

«Совершенно секретно, только лично резиденту.

С вашим планом проведения операции согласны. Доложите заблаговременно дату проведения.

Директор».

Прочитав шифровку, О'Брайн откинулся на спинку кресла и с облегчением и вместе с тем с некоторой тревогой подумал: «Все. Рубикон перейден, отступать некуда, все мосты сожжены. Надо действовать».

В журнале регистрации входящих шифротелеграмм он записал номер шифровки и дату ее получения. В графе содержания коротко поставил: «О.К. Наполеон». Затем взял полученную шифротелеграмму, свернул ее в трубочку, поставил вертикально на мраморную пепельницу, вынул зажигалку и поджег сверху. Огонь медленно сползал вниз, не дымя и не образуя копоти. Через несколько секунд в пепельнице лежала только маленькая кучка пепла. Так когда-то его в молодости научил уничтожать секретные документы резидент в Германии Питер Ланн.

О'Брайн встал и начал задумчиво ходить взад-вперед. Он всегда делал так, прежде чем приступить к какой-нибудь важной и ответственной работе. Ему необходимо было сосредоточиться, собраться с мыслями, всё тщательно продумать и взвесить. Походив минут пять по кабинету, он сел за стол, вынул из сейфа досье на Резуна, открыл секретную тетрадь оперативных записей и углубился в изучение материалов на разрабатываемого русского. Он уже десятки раз просматривал эти записи, знал их почти что наизусть.

Настоящий разведчик, да не только разведчик, просто профессионал высокого класса в любой отрасли знаний, живет только делом, думает о нем и денно и нощно. И не может жить по-другому. О'Брайн Тир принадлежал именно к этому типу людей. Работа всегда у него стояла на первом месте. Играв в теннис с американским резидентом по субботам, он ловил себя на мысли, что даже во время игры думает о будущей операции. Из-за этой привычки — всего себя отдавать делу — у него неважно складывались отношения с женой.

Шифровка от мистера Си заставила его еще раз внимательно проанализировать дело Резуна в хронологическом порядке. Он отдавал себе отчет, что его дальнейшая карьера будет зависеть от успеха проведения этой операции.

Все мысли Тира были заняты предстоящей операцией. Он сам имел огромный опыт вербовочной работы, но знал, что немногие в СИС могли похвастаться успешной вербовкой русских. «Конечно, — думал О'Брайн, — одно дело, когда доброволец сам приходит и предлагает свои услуги, как Пеньков-ский. И совсем другой случай с Наполеоном. Даже при стопроцентном компрометирующем материале нельзя сказать с уверенностью, как поведет себя вербуемый. У СИС было достаточно срывов в этом деле. — На ум приходили вербовки в Германии. — Все это не то. И время было совершенно другое, и немцев нельзя сравнивать с русскими, но они тоже люди со всеми присущими человеку слабостями. И мы обязаны их найти и использовать. На встрече в Лондоне мистер Си настоятельно рекомендовал ознакомиться с какими-то американскими материалами ЦРУ по работе с русскими. — При упоминании об американцах у Тира портилось настроение. — Чему могут научить нас эти выскочки в разведке? Что они могут сказать нам нового о профессии, которой мы их сами научили? Они что, позабыли, кто им создал их монстра — ЦРУ?»

Резидент неохотно поднялся, подошел к сейфу, достал тонкую брошюру, полученную из Центра последней почтой. В сопроводительном письме сообщалось, что материал подготовлен по заказу начальника контрразведки ЦРУ Джеймса Энглтона Гарвардским проектом и рекомендуется для практического использования. О'Брайн Тир много слышал об Энглтоне как о крупном контрразведчике, но его натура противилась признавать какие-либо приоритеты в разведке за американцами.

Всё-таки брошюру начал с неохотой читать, подчеркивая отдельные места: «Советские граждане представляют группу высокдисциплинированных людей, подвергающихся интенсивной идеологической обработке, бдительных и чрезвычайно подозрительных. Русские очень горды по характеру и чрезвычайно чувствительны ко всяким проявлениям неуважения. В то же время многие из них склонны к самым различным приключениям, стремятся вырваться из существующих ограничений, жаждут понимания и оправдания с нашей стороны. Акт предательства, будь то шпионаж или побег на Запад, почти во всех случаях объясняется тем, что его совершают неустойчивые в моральном и психологическом отношении люди».

О'Брайн отодвинул брошюру, откинулся на спинку кресла и вслух произнес: «Ну и что, мы это без американцев не знаем?» Он посидел, заложив руки за голову несколько минут, о чем-то размышляя. Потом вновь принялся за чтение: «Предательство по самой своей сути нетипично для советских граждан». Тир дважды жирно подчеркнул красным фломастером эту фразу. «Это видно хотя бы из сотен тысяч людей, побывавших за границей. Только несколько десятков из них оказались предателями, и из этого числа только несколько работали на нас в качестве агентов.

Такие действия в мирное время, несомненно, свидетельствуют о ненормальностях в психическом состоянии тех или других лиц. Нормальные, психически устойчивые лица, связанные со своей страной пубокими этническими, национальными, культурными, социальными и семейными

узами, не могут пойти на такой шаг. Этот простой принцип хорошо подтверждается нашим опытом в отношении советских перебежчиков. Все они были одиноки. Во всех случаях, с которыми нам приходилось сталкиваться, они располагали тем или иным серьезным недостатком в поведении: алкоголизмом, глубокой депрессией, психопатией того или иного вида. Подобные проявления в большинстве случаев явились решающими факторами, приведшими их к предательству.

Из этого вытекает следующий вывод: наши оперативные усилия должны быть направлены главным образом против слабых, неустойчивых объектов из числа членов советской колонии».

Английский резидент закрыл брошюру и отметил про себя, что янки кое в чем правы в своих выводах относительно русских. Ему особенно понравилось высказывание, что вербуемые, как правило, являются ущербными людьми с ненормальной психикой. Эта мысль подходила к объекту его будущей вербовки, к Резуну. Основная ставка делалась именно на его ущербность.

Резидент принялся за изучение своих записей. Первая запись о русском была датирована в его оперативной тетради декабрем 1974 года. Отмечалось, что на должность атташе постоянного представительства СССР при Европейском отделении ООН в Женеве на Авеню де Лапе, 15 прибыл новый работник — Резун Владимир Богданович 1947 года рождения, с женой Татьяной и двухлетней дочерью Оксаной. Семья Резунов поселилась в доме на Рю де Лозанн, где размещалась американская миссия. В следующей записи говорилось, что оперативному офицеру резидентуры Джону Тейлору, второму секретарю посольства Великобритании, поручалось начать предварительное изучение вновь прибывшего русского и при удобном случае войти с ним в личный контакт, установить знакомство с целью дальнейшего изучения. О'Брайн помнил, как ставил задачу Тейлору и советовал обратить внимание на возраст Резуна и его связи в советской колонии в Швейцарии. По опыту работы с русскими резидент знал, что таких молодых работников, да еще в Швейцарию, русские, как правило, направляли по большому благу. Джон Тейлор работал под «крышей» ООН и проживал недалеко от Резуна, владел русским языком, был молод и энергичен. Ему, по мнению резидента, было удобно заняться изучением новичка. Резидент советовал своему работнику чаще посещать кафе, где находилась английская миссия. По данным резидента, это кафе иногда посещал и вновь прибывший в страну русский.

В нейтральной Швейцарии СИС располагала очень сильным составом оперативных работников. Непосвященному человеку показалось бы совершенно непонятным, зачем в этой далекой от большой политики стране держать квалифицированные кадры разведчиков. И какой интерес может представлять Швейцария для могущественной разведслужбы Великобритании? Конечно, сама Швейцария не могла быть объектом разведки СИС. Но в этой маленькой стране, не видевшей войн со времен знаменитых походов генералиссимуса Суворова, были сосредоточены сотни международных организаций и различных иностранных представительств и миссий. Здесь постоянно встречались крупные политики, ученые, военные, бизнесмены, которые обладали государственными секретами. Сюда приезжали крупные политики и государственные деятели СССР и стран социализма. В Женеве работала комиссия по разоружению СНВ-2. В Швейцарии традиционно были сосредоточены спецслужбы многих стран мира.

Даже во время Второй мировой войны здесь активно работали разведки противоборствующих держав. В Швейцарии встречался с агентурой, вел за спиной союзников сепаратные переговоры с нацистами матерый американский разведчик, будущий директор ЦРУ Аллен Даллес. Конечно, работа «Секрет интеллидженс сервис» была направлена в основном против СССР и его союзников. В Швейцарии у СИС еще со времен войны осталась многочисленная агентура.

О'Брайн продолжал изучать досье на Резуна. Вот ответ Центра на запрос резидентуры в начале 1975 года о русском.

«На ваш вопрос сообщаем. Капитан Резун Владимир Богданович является офицером ГРУ. Другими данными о нем не располагаем».

Вероятно, Центр имеет свои источники в Москве. «Негусто, однако. Могли бы и побольше дать установочных данных», — подумал О'Брайн и продолжал листать досье.

За три года в резидентуре на Резуна накопилась довольно обширная информация, полученная из самых различных источников. Вырисовывался портрет человека с его недостатками и положительными чертами.

На основании наблюдений Джона Тейлора и его коротких контактов с Резуном на различных приемах и той информации, которую он предоставил, складывалось впечатление, что русский не является кадровым миловским работником. По мнению Тейлора, Резун слабо владел иностранными языками, что не характерно для международных чиновников, был скован в общении, чрезвычайно услужлив и вежлив. Тейлор утверждал, что международные чиновники, напротив, вели себя раскованно и свободно, а порой нахально и высокомерно. Возраст Резуна свидетельствовал о неопытности, подчеркивал его недостаточную компетентность и профессионализм. По всей вероятности, заключил Тейлор в своих отчетах о Резуне, начинающий работник спецслужб впервые находился в заграничной командировке и, судя по всему, приехал сюда на стажировку. Тейлор выяснил, что семья Резунов проживала отдельно от других семей советских работников. Сам Резун сторонился контактов с иностранцами, особого рвения на службе не проявлял, но к служебным обязанностям относился добросовестно. Например, без разрешения начальника со службы не уходил. Попытка Тейлора сблизиться с русским к успеху не привела.

Информация Тейлора совпадала с информацией, полученной по другим каналам. По решению Центра Тейлор был отозван в 1977 году и направлен на работу в Москву. Дальнейшую работу с Резуном резидент поручил Гордону Баррасу, работавшему под «крышей» первого секретаря посольства Великобритании в Швейцарии. Гордон Баррас быстро разобрался в ситуации вокруг русского и обратил внимание на то, что Резун на официальных дипломатических приемах держится очень скованно и напряженно. Баррас отметил, что Резун довольно часто посещает кафе, расположенное в здании, где находилась английская миссия. Гордон делал однозначный вывод из своих наблюдений, что Резун офицер ГРУ.

О'Брайн быстро пробежал материалы, относящиеся к работе Фурлонга с русским.

У резидента были и свои источники информации по Наполеону. Наиболее ценным и заслуживающим доверия агентом был высокопоставленный сотрудник контрразведки Швейцарии Фриц Шварцбергер. Он начинал свою службу в КРО Швейцарии еще во время Второй мировой войны «топтуном». Участвовал в слежках за членами нелегальной советской разведывательной организации в Швейцарии «Красная капелла». Сотрудничал с разведкой Шелленберга, потом, после краха фашистской Германии, был передан англичанам и стал их агентом. Благодаря своим незаурядным способностям сыщика и помощи новых друзей из СИС он быстро сделал карьеру в КРО Швейцарии. Его агентурные возможности значительно расширились. Он стал добывать действительно ценную информацию. Но за помощь пришлось платить. И Шварцбергер всю старался услужить новым хозяевам. Когда он стал высокопоставленным начальником контрразведки Швейцарии, его отдача СИС многократно возросла. Англичане ценили его работу, хорошо платили за информацию о том, что происходило в стране, особенно в иностранной колонии.

Шварцбергер был типичный немец не только по своему происхождению, но и по складу характера; любил пропустить в какой-нибудь пивной несколько кружек добротного баварского пива, закусить хрустящими поджаренными свиными ножками. К деньгам относился с величайшим почтением, всю жизнь копил, экономил во всем, считал каждый пфенниг. Как многие немцы, был антисемитом. Изрядно подвыпив в кругу своих закадычных друзей на встречах немецких землячеств, иногда высказывал сожаление, что Гитлер не уничтожил все иудейское племя. С годами

Шварцбергер стал заметным полнеть. По советам врачей ежедневно проходил специальный курс, на десять дней ложился в какую-нибудь частную клинику, сидел на специальной диете. Выходил из клиники похудевшим килограммов на десять-пятнадцать и помолодевшим. По комплекции он был солидный мужчина, высокий, широкоплечий, с крупной головой мыслителя, правильными чертами лица. Несколько месяцев после выхода из клиники он строго следовал советам врачей, ограничивал себя во всем, воздерживался от употребления алкоголя и пива, играл в теннис. Проходило два-три месяца, и он снова возвращался на круги своя: пил свое любимое баварское пиво, закусывая жареными свиными ножками.

Шварцбергер уже подумывал о выходе на пенсию и старался приумножить свои капиталы. Англичан он недолюбливал за их снобизм и жадность. Они, как и он, тоже умели считать деньги и не разбрасывались ими. Приходилось стараться, терпеть и унижаться.

О'Брайн периодически встречался со своим агентом на конспиративной основе, потому что он был платным ценным агентом СИС. Швейцарец был хорошо осведомлен о проживающих в стране иностранцах и передавал английскому резиденту интересующую его информацию.

Именно от Шварцбергера о Резуне была получена информация чрезвычайной важности, которая послужила основой для принятия решения о вербовке русского разведчика. Из сводок наружного наблюдения за русским, которые регулярно передавались английскому резиденту, следовало, что Резун не имел каких-либо серьезных оперативных связей, все его немногочисленные знакомства носили чисто официальный характер. В агентурных операциях Резун, по данным КРО Швейцарии, участия не принимал, а если и принимал, то в качестве вспомогательного лица. Из записей, сделанных при помощи установленной по совету О'Брайна на квартире Резуна подслушивающей аппаратуры, следовало, что супруги довольно активно обсуждали между собой материальные житейские вопросы: приобретение видео- и аудиотехники, одежды, копили деньги на автомашину. Производственные и служебные вопросы на квартире не обсуждались, гостей супруги принимали крайне редко. Иногда к ним заходила одинокая американка, проживавшая этажом ниже. Ее машина находилась с машиной Резуна в одном боксе, расположенном в подвальном помещении дома. Резуны практически ни с кем из семей советской колонии не поддерживали тесных дружеских отношений, иностранцев к себе на квартиру не приглашали, в гости к иностранцам не ходили. Супруги, особенно муж, очень увлекались просмотром фильмов ужасов, напичканных сценами насилия. При этом во время просмотров и после Резун восторгался именно этими сценами. Часто делился своими восторгам с другими.

На одной из встреч Шварцбергер сообщил, что служба наружного наблюдения зафиксировала встречи русского с одним иностранцем — англичанином по фамилии Фурлонг. Шварцбергер не знал, что Фурлонг являлся офицером английской резидентуры СИС в Женеве. Агенты наружного наблюдения докладывали, что русский посещает англичанина на его квартире, и, по их предположению, мужчины занимаются там сексом. Информация Шварцбергера насторожила и очень заинтересовала английского резидента. Он попросил агента установить на квартире Фурлонга аппаратуру и получить достоверные вещественные доказательства. Через две недели на столе О'Брайна лежали видеозаписи, которые подтверждали информацию Шварцбергера.

Полученная тогда информация обрадовала Тира, но одновременно и огорчила. С одной стороны, было совершенно очевидно, что Резун с головой попал в расставленные сети СИС и для его вербовки было достаточно компрометирующих материалов. С другой стороны, вовлеченность в это дело работника его резидентуры Фурлонга создавала большую головную боль для резидента и всей службы, компрометируя её.

У резидента после получения информации от Шварцбергера возникло сразу несколько возможных вариантов дальнейших действий. Согласовав предварительно с Центром, можно было отозвать под каким-нибудь благовидным предлогом Фурлонга из страны и подойти к Резуну с вербовочным предложением. О'Брайн не сомневался в успехе, так как считал, что русскому в этой ситуации ничего не остается, кроме как пойти на сотрудничество с СИС. А можно было раскрыть карты перед Фурлонгом и, сообщив ему, что его сексуальная связь известна, предложить использовать ее для вербовки русского разведчика. О'Брайн считал вторую ситуацию слишком деликатной, а последствия таких действий — непредсказуемыми и потому счел такой вариант неприемлемым. Резидент нашел соломоново решение и обратился напрямую к генеральному директору СИС.

Служба наружного наблюдения Швейцарии в поведении Резуна в городе отмечала элементы угодничества по отношению к своему начальству. Он часто в резидентуре выполнял функции завхоза: возил по магазинам жен резидентов. Сначала жену Глотова, а затем после его отъезда в Союз жену Александрова и его самого. Эта черта русских резидентов и КГБ, и ГРУ использовать своих подчиненных в личных целях была хорошо известна иностранным разведкам. О'Брайн Тир иногда шутил, говоря, что времена, когда резидентами могли быть дворники посольств, давно канули в Лету. Современные резиденты не скрываются от КРО, их возят на персональных шикарных машинах с дипломатическими номерами, они занимают высокие дипломатические должности. С резидентом ГРУ в Женеве Гловым Иваном Сергеевичем Тир был знаком лично. Они довольно часто встречались на различных дипломатических приёмах. Резидент знал, что Глов в 1961 году завербовал сорокадвухлетнего сотрудника английской разведки, который передавал секретные материалы по американским системам наведения ракет. Центр в своей ориентировке характеризовал Глового как опытного разведчика и советовал обратить на это серьезное внимание в работе против русской резидентуры в Женеве. Резидент СИС имел из Центра сведения и на вновь прибывшего в 1978 году резидента ГРУ Александрова.

В 1976 году жена Резуна выехала на родину рожать второго ребенка. Резидентура СИС решила воспользоваться этим обстоятельством и предприняла попытку склонить русского к сожительству с молодой незамужней англичанкой, проживавшей на одной лестничной площадке с Резуном. Она работала в Международной организации здравоохранения. О'Брайн не любил вспоминать об этой истории. Потом он считал эту операцию разведкой боем. Резидент открыл записи, относящиеся к этой операции. Что-то похожее на улыбку промелькнуло на его лице. Он вспоминал, как сначала планировал использовать незамужнюю американку, которая была знакома с Резунами и часто ходила к ним на чай. Не раскрывая задуманного, переговорил как-то, играя в теннис с американским резидентом Козтом. Американец не советовал связываться с незамужней леди, охарактеризовав ее как сварливую болтливую бабу. О'Брайн долго думал, кому поручить это деликатное дело. Наконец остановил выбор на заместителе — Гордоне Баррасе. О'Брайн вспоминал, как вызвал Гордона и рассказал ему свою задумку о способе подхода к русскому. Гордон Баррас был опытный разведчик, весельчак, душа компании, общительный, любитель и знаток женского пола и виски, музыкант и донжуан. Именно поэтому резидент остановился на нем.

Гордон был знаком и с американкой, и с англичанкой. Он однозначно считал, что надо действовать через англичанку. «Американка — жирная корова, её не в постель к любовнику, а на бойню вести надо», — вынес свой вердикт Гордон.

Гордон блестяще выполнил задачу резидента. Ему удалось не только затащить свою соплеменницу в постель к себе, но и склонить ее к сотрудничеству во имя высших интересов нации, как он не без иронии выражался.

На квартире англичанки по указанию шефа установили записывающую аппаратуру. Гордон поручил хозяйке квартиры при удобном случае пригласить к себе своего соседа и попытаться с ним пофлиртовать. Англичанка и Резун иногда встречались в кафе. Однажды она пригласила его к себе посмотреть какой-то новый фильм ужасов. Он согласился. В конце концов просмотр фильма закончился постелью, хотя точно утверждать это было нельзя. К большому сожалению резидента, видеозапись оказалась плохого качества из-за небрежно и непродуманно установленной аппаратуры. Видеозапись не давала возможности с полным основанием утверждать, что в кадре был Резун. Но все же О'Брайн считал, что

полученные материалы могли служить достоянием компроматом против Резуна, учитывая его трусливый характер. Англичанка по совету Барраса что-то подсыпала русскому в вино, и он поплыл, хотя для настоящего любовника Резун был трусоват и нерешителен. Для роли ловеласа он явно не подходил. Однако дело было сделано, англичанка получила от СИС обещанную ей сумму и в июне 1977 года уехала из страны. Ее командировка закончилась, возможно, не без помощи СИС.

В апреле 1977 года резидентуре СИС в Швейцарии откровенно повезло. Говорят, в разведке везет только тем, кто упорно и настойчиво ищет и добивается поставленной цели. Может быть, с этим не всегда можно согласиться, но в своей основе это утверждение, безусловно, справедливо. Как говорил великий Гете, «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». С полным правом эти слова можно отнести и к разведке.

Резун сам шел в расставленные для него сети, а потому так легко в них попал. Его посещение редакции «Международное военное обозрение» и знакомство с Фурлонгом привели О'Брайна к окончательному выводу, что пора против русского разведчика проводить вербовочную операцию.

Сенсационное сообщение Шварцбергера о любовных отношениях между Фурлонгом и Резуном не изменило плана операции, а только скорректировало его. Теперь на русского компромата было более чем достаточно. Мотивация вербовочной операции оправданна. Оставалось только провести ее на высоком профессиональном уровне.

«Добро» от мистера Си было получено не только наличной встрече с ним в штаб-квартире СИС в Лондоне, но и подтверждалось шифровкой.

О'Брайн встал из-за стола и вновь принялся ходить по ковровой дорожке своего кабинета. Он думал о предстоящей операции: какие силы и средства придется привлечь, где и когда провести вербовочную беседу и как ее построить. Он решил в ближайшие дни провести совещание участников операции, распределить роли, обсудить детали. В голове вырисовывался конкретный план операции.

Фурлонгу, по замыслу резидента, отводилась вспомогательная роль: организовать приезд Резуна в Цюрих, в редакцию журнала «Армада», под предлогом получения материалов, а также сообщить Резуну, что ожидается приезд из Лондона хорошо информированного знакомого, работавшего в международном центре стратегических исследований «Сипри». Знакомый — доктор Браун — должен был якобы привезти новые интересные материалы по военной тематике. До этого Резун сам просил Фурлонга организовать такую встречу.

В качестве гостя журнала «Армада», прибывающего из Англии, резидент планировал использовать оперативного офицера резидентуры Дефмана Сервила, первого секретаря посольства Великобритании в Женеве, опытного разведчика, хорошо владевшего русским языком. Сервил приехал в Швейцарию в 1976 году, быстро освоился со своим «крышевым» прикрытием и энергично включился в работу.

Вербовочную беседу О'Брайн брал на себя. Прикрывать операцию и, если потребуется, помогать поручалось Гордону Баррасу.

Фурлонг не посвящался в детали операции, он должен был, по замыслу резидента, в случае удачной вербовки Резуна продолжать разыгрывать роль его агента, чтобы создать для него видимость успеха у своего начальства. В его обязанности входило обеспечение русского интересующими его материалами. О сексуальной связи Фурлонга и Резуна резидент решил под большим секретом сообщить только своему заместителю Гордону Баррасу. Видео- и аудиоматериалы, компрометиовавшие Резуна, шеф хранил в своем сейфе в одном экземпляре. Резидент позаботился, чтобы Шварцбергер уничтожил все копии, которые могли находиться в распоряжении работника КРО Швейцарии. Все было исполнено в соответствии с указаниями генерального директора СИС Мориса Олдфилда.

Совещание состоялось в начале апреля 1978 года в резидентуре СИС в Берне. На нем присутствовали заместитель резидента Гордон Баррас и оперативный офицер резидентуры Дефман Сервил.

Когда все расселись, резидент открыл свою оперативную тетрадь и начал:

— Господа, сегодня я собрал вас по делу чрезвычайной государственной важности.

Присутствующие офицеры насторожились, их лица посерьезнели. Между тем резидент продолжал:

— Мистер Си поручил нам провести вербовку разрабатываемого нашей резидентурой офицера ГРУ Владимира Резуна. К этой операции я решил привлечь вас, господа, поскольку вы оба принимали самое активное участие в изучении и разработке этого человека. Каждый из вас внес свой вклад в это дело. Теперь нам всем предстоит довести его до логического конца, то есть до вербовки. Резун изучался не только вами, использовались и другие каналы, привлекались различные силы и средства, что позволило создать предпосылки для постановки ему вербовочного предложения. Резидентура имеет достаточно компрометирующих материалов, чтобы рассчитывать на успех операции. Об этом доложу вам ниже. Итак, что мы на сегодня имеем, господа? — Резидент сделал небольшую паузу, окинул взглядом внимательно слушавших его офицеров, как бы желая убедиться, какое впечатление произвело на них его вступительное слово. — За три года работы на Резуна собрано достаточно материалов, чтобы утверждать с высокой степенью надежности, что мы его хорошо изучили и знаем. Перед нами молодой человек, разведчик ГРУ, делающий первые робкие шаги в этой профессии. По натуре трусоват, нерешителен, с небольшим жизненным опытом, неуверенный в себе. Не имеет устойчивых взглядов, подвержен влиянию западных ценностей, меркантилен. В его поведении просматриваются элементы угодничества перед начальством. Спиртными напитками не увлекается, дисциплинирован и исполнительен. Всего этого, господа, как вы видите, недостаточно, чтобы сделать ему вербовочное предложение и рассчитывать на успех. — Резидент вновь остановился, налил из графина воды, сделал плоток. Весь его вид говорил: «Вот сейчас, господа, вы услышите нечто, что сразит вас наповал». — Однако у этого молодого человека есть ахиллесова пята, которая дает нам надежду рассчитывать на успех. Думаю, Гордон, ты догадываешься, что я имею в виду. Ты хорошо поработал, и мы можем рассчитывать, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы должны сыграть решающую роль, особенно учитывая его трусливый характер и те суровые законы, которые применяются в России к таким отступникам от коммунистической морали. Он должен пойти на сотрудничество с СИС, просто обязан. Добавлю к этому, у нас есть неоспоримые доказательства, что Резун является бисексуалом. И еще об одном важном обстоятельстве я должен вам сообщить. Вот уже год, как Резун сам стремится попасть в наши сети и уже запутался в них основательно. По собственной инициативе он вошел в контакт нашим работником резидентуры Фурлонгом, в течение года пытается его разрабатывать, и довольно успешно, под нашим руководством. Так что мы работаем с ним на встречных курсах. Мы ему подыгрываем, хотя он очень осторожен и боязлив. У Фурлонга роль разрабатываемого.

Теперь несколько слов об операции по его вербовке. По просьбе Резуна мы организуем ему встречу в Цюрихе в редакции журнала «Армада» со знакомым Фурлонга, который должен прибыть из Лондона, из «Сипри». Этим знакомым будешь ты, Дефман. Сыграешь роль доктора Брауна, Центр прислал нам все необходимые для этого материалы. Ознакомишься с ними и приступай к репетициям. Об этом мы с тобой поговорим отдельно. Вербовочную беседу мистер Си поручил провести мне. Ты, Гордон, будешь присутствовать на беседе, поможешь мне с русским языком, если это потребуется. Резун владеет французским и немного знает немецкий. Думаю, основным языком во время беседы будет русский. Мы с тобой, Гордон, еще поговорим об этом и проведем несколько репетиций, распределим роли. Продумаем различные варианты на случай непредвиденных обстоятельств, которые могут возникнуть в ходе беседы. Итак, господа, подвожу итог. Хотя возможны и отступления от основного сценария, операция будет выглядеть следующим образом. Фурлонг сообщает Резуну, что получил телекс из Лондона о приезде его знакомого доктора Брауна и посещении им в Цюрихе журнала «Армада». Телекс мы организуем. В нем будет по дням и часам расписана программа

его пребывания в стране.

В неё войдут, кроме посещения журнала «Армада», чтение лекций по геополитике в университете и встречи с сотрудниками швейцарского отделения «Сипри». Этот телекс Фурлонг действительно получит из Лондона и покажет его Резуну, чтобы все выглядело убедительно и достоверно. Тебе, Дефман, следует хорошо подготовиться к этой роли, согласовать свои действия с Фурлонгом. Привлеченный сотрудник журнала «Армада» Лонг примет участие в официальных переговорах на первой стадии операции. А затем по нашему сигналу он покинет переговоры, сославшись на занятость. Фурлонг обеспечит приезд Резуна в Цюрих. Дату приезда доктора Брауна и дату приезда Резуна в Цюрих мы будем знать заблаговременно. По сценарию, наш разрабатываемый приезжает в Цюрих, посещает редакцию журнала «Армада». Его встречает Фурлонг и представляет сотрудникам журнала. Господин Лонг знакомит его с редакцией. Через некоторое время приезжает доктор Браун. Начинается официальная часть — переговоры. На переговорах ты, Дефман, должен заинтересовать русского привезенными из Лондона материалами. Русские, насколько я знаю, всегда проявляли интерес к публикациям «Сипри».

У него от этих материалов по военной тематике должны загореться глаза. Ведь Резун, по нашим наблюдениям, занимается сбором и обработкой информации, получаемой из легальных источников. Материалы «Сипри» будут для него хорошим подспорьем при написании различных информационных справок и телеграмм. Подбрось ему идею сотрудничества с «Сипри», скажем, пообещай публикации русских информационных материалов по военной тематике. Попроси изучить этот вопрос в посольстве СССР, предложи подписаться на ваше издание. Надо создать видимость реальных переговоров, чтобы Резун не почувствовал, что его заманивают в ловушку. После переговоров надо организовать ланч в городе в каком-нибудь небольшом ресторанчике, на нем должны быть Лонг, Фурлонг и ты, Дефман. Поболтаете там о разных пустяках. После ресторана возвращаетесь в редакцию. Фурлонг под предлогом большого количества неотложных дел в своей редакции отправляется в Женеву. В редакции за кофе Лонг представит меня и Гордона Резуну как специалистов по геополитике, сотрудничающих с журналом «Армада». Доктор Браун извинится и поспешит на лекцию в университет. Через некоторое время удалится и Лонг по служебным делам. Надо устроить так, чтобы секретарша вызвала его по какому-нибудь срочному делу. С Резуном останемся я и Гордон. После краткой беседы, обмена визитными карточками я предложу ему просмотреть интересную для него видеозапись.

С этого момента и начнется основная работа по вербовке Резуна. Вот, господа, вкратце план проведения ответственной операции с русским разведчиком ГРУ, которую поручено нам провести генеральным директором СИС. У кого есть вопросы, пожалуйста, задавайте.

— Скажи, О'Брайн, — начал Гордон. — Из твоего сообщения следует, да мы и сами знаем, что русский очень осторожен и труслив в общении с иностранцами, он, как пуганая ворона, каждого куста боится. Я хочу спросить, а если он приедет на встречу в Цюрих с доктором Брауном не один, а с коллегой по работе, прихватив его для страховки? Что в таком случае делать?

— Тогда вербовочная операция в этот день отменяется и переносится на другое время. В этом случае состоится только официальная часть, задействован будет доктор Браун. Мы с тобой, Гордон, останемся на скамейке запасных. Но я думаю, этого не произойдет. И вот почему. Инициатором встречи является сам Резун, он планирует завербовать Фурлонга, зачем ему кого-то тащить с собой на очень важную для него встречу. Но мы должны быть готовы к такому развитию событий, о которых говорит Гордон. Если так случится, будем планировать встречу с Резуном в Женеве. Надо продумать как запасной вариант проведение вербовочной операции в редакции журнала у Фурлонга. Я попрошу тебя, Гордон, переговорить с ним на эту тему и изучить вопрос, не вдаваясь в детали. Мы должны помнить об одном — времени у нас остается мало, так как скоро заканчивается срок пребывания русского в Швейцарии. Резун и его начальство тоже испытывают недостаток во времени. Наши интересы здесь сходятся.

— Из твоего доклада я понял, что резидентура располагает убедительным компроматом на нашего подопечного, — начал Дефман. — Ну а если предположить, что русский пошлет нас ко всем чертям, как только увидит первые кадры видеозаписи, разоблачающей его, и поймет, что мы от него хотим. Ведь такие случаи нам хорошо известны, особенно с русскими. Дело доходило и до драк.

— Хороший вопрос, Дефман. Но если так случится, тогда, наверное, мы плохие разведчики, и нас надо отправлять на пенсию. Значит, мы просчитались в чем-то. Могу только сказать, что в случае неудачи нас в Сенчури-Хаус не поймут. Но я надеюсь, что все будет хорошо. Мы учитываем не только нетрадиционную сексуальную ориентацию русского, но и последствия для него в случае, если об этом узнает его руководство. Пожалуй, это самое главное во всей нашей операции. Полагаю, русский разведчик ГРУ не осмелился пойти к своему резиденту и обо всем ему честно доложить. Он прекрасно знает, чем ему и его семье грозит такой поступок.

— Хорошо, — продолжал Дефман. — Предположим, русский не решится докладывать резиденту, надеясь, что и мы оставим его в покое. Такой вариант вполне можно допустить в поведении нашего объекта.

— Ты прав. Подобное поведение вербуемого вполне логично на той стадии, когда он еще не стал нашим агентом, не передал нам каких-либо материалов, компрометирующих его, и не дал подписки о сотрудничестве с нами, — ответил О'Брайн. — Я согласен, Дефман, с тобой в этом пункте. Реакция Резуна, если он решится так поступить и прекратить с нами контакты, будет нам известна очень скоро. Если после проведения вербовочной беседы русского быстро откомандируют на родину, значит, действительно он доложил своему руководству о нашем предложении. Советы в таких случаях действуют именно так отправляют разведчика от греха подальше домой. Так надежней. Нам известны случаи, когда они отправляли в двадцать четыре часа своих согрешивших коллег на родину даже тогда, когда они грешили со своими согражданами. Перестраховываясь, отправляли «чистых» разведчиков. Как бы чего не вышло. Такова коммунистическая мораль, правда, в советском прочтении. Ведь ни для кого не секрет, что основатель коммунистической морали Карл Маркс, заявляя, что ничто человеческое ему не чуждо, сам сожительствовал со своей служанкой Еленой Демут и имел от неё незаконнорожденного ребенка, которого его друг Фридрих Энгельс пристроил в какой-то частный пансион под другой фамилией.

Что касается нашего Резуна. Если он останется в стране после нашей беседы с ним, это будет означать, что он не решился пойти к своему начальству и честно ему обо всем доложить. Придется с ним еще раз встретиться и поговорить под угрозой отправки компромата на него в адрес посольства СССР. До этого, надеюсь, не дойдет.

— Каковы будут наши дальнейшие действия в случае согласия Резуна на сотрудничество с нами? — спросил Гордон.

— Во-первых, это будет наш несомненный успех, — отвечал резидент. — Во-вторых, с Резуном в этом случае не следует торопиться и форсировать события, стараясь получить от него максимум агентурных материалов. Как там русские говорят: тише едешь, дальше будешь. В-третьих, надо учитывать, что срок его командировки в стране подходит к концу и необходимо помочь ему создать видимость успеха в его разведывательной деятельности против нас. И наконец, последнее, не обходимо разработать надежные условия связи с ним на будущее. Но об этом пока рано говорить. Об этом позаботится Центр.

Советание закончилось. Резидентура приступила к практической подготовке вербовочной операции.

Стоял солнечный весенний день. В апреле весна в Швейцарии вступает уже в свои права. В этот день в Цюрихе в парках и скверах было много народа. Люди, радуясь наступившему теплу, грелись на солнышке, беззаботно прогуливались, сидели на скамейках в парках, открытых кафе на улицах и пили пиво.

В редакции журнала «Армада» все было готово к встрече важного гостя. За несколько дней до этого Фурлонг по указанию своего резидента встречался с Резуном, показал ему телекс из Лондона о прибытии доктора Брауна. В телексе была расписана программа пребывания в Швейцарии представителя «Сипри». Резун прочитал телекс и попросил снять с него копию. Фурлонг и Резун договорились о времени и дне посещения Цюриха для встречи с доктором Брауном. Встречу назначили на 13.00.

О'Брайн и Дефман сидели в баре в десяти минутах ходьбы от «Армады», пили безалкогольное пиво, мирно беседуя о каких-то пустяках. Дела они по профессиональной привычке никогда в подобных местах не обсуждали. У них была договоренность с Фурлонгом. Он должен был позвонить им в бар и условной фразой сообщить, когда следует прибыть в редакцию.

Всё началось так, как планировалось. Резун прибыл в редакцию точно в назначенное время. Лонг провёл гостя по редакции, познакомил с сотрудниками, показал рабочие места, ознакомил в общих чертах с тематикой журнала.

Вскоре появился и гость из Великобритании — доктор Браун. Он подъехал к редакции на такси. Начались переговоры. Присутствующие обменялись визитками, между ними завязалась оживленная дискуссия. Резун принимал активное участие в переговорах, интересовался тематикой издания, задавал вопросы. Ему охотно отвечали. Доктор Браун, отрекомендовавшись представителем международного института стратегических исследований «Сипри» со штаб-квартирой в Лондоне, выложил на стол целую кучу материалов для редакции журнала «Армада», рассказал об институте и характере выполняемых им работ. Он подчеркнул, что «Сипри» выполняет работы по заказам для самых различных организаций многих стран за денежное вознаграждение.

Когда Резун увидел на столе толстый справочник «Сипри», глаза его загорелись, и он не мог скрыть любопытства. Такие издания он видел, когда работал в Информации, и хорошо знал, что они пользовались большим спросом у работников в качестве добротных справочников по вооруженным силам капиталистических государств. Доктор Браун перехватил взгляд Резуна и сказал, что привез совершенно новый справочник, который еще не вышел в свет, и намерен подарить его русскому дипломату. Резун очень обрадовался подарку, потому что хорошо знал ему цену.

— Мы, — рассказывал доктор Браун, — получаем заказы со всего мира: от министерств обороны стран НАТО, от гражданских организаций и ведомств, частных фирм, от правительственных учреждений, даже от некоторых соцстран. От вас, господин Резун, я имею в виду СССР, заказов пока не поступало. Надеюсь, после этой встречи они поступят. Я вам передам копии некоторых выполненных нами работ, чтобы ваши специалисты могли ознакомиться с ними и оценить. Кроме того, позвольте вам предложить наш референс-лист с планируемыми докладами нашего института на следующий год. Эти материалы я вручаю вам бесплатно. — Доктор Браун пошутил: — В Англии мои русские знакомые расплачиваются со мной русской водкой и икрой.

— За этим дело не станет, я в долгу не останусь, — нашёл Резун.

— Я привёз для редакции «Армада» заказанные материалы, — продолжил англичанин, — но у них, я имею в виду швейцарцев, нет ни икры ни водки, зато много золота хранится в сейфах их банков, — рассмеялся он.

Доктор Браун все больше нравился Резуну. «Заполучить такой источник информации, и больше ничего не надо», — думал он. Доктор Браун как истинный англичанин оказался большим любителем и знатоком футбола и часто отвлекался во время беседы на футбольные темы. Он рассказывал, что мальчишкой после войны в 1947 году был с отцом на «Уэмбли», когда московское «Динамо» играло с ведущим английским клубом «Арсенал». Браун называл фамилии русских футболистов: Бесков, Трофимов, Хомич, Бобров, и восхищался их игрой. Он вспоминал, что публика сначала встретила советских футболистов хохотом и свистом. Уж очень необычно выглядели они в своих длинных, до колен, трусах. Однако русские показали блестящий футбол. После окончания матча английские болельщики провожали советских футболистов громом аплодисментов. Англичане знают толк в футболе и умеют по достоинству оценить игру.

Резун чувствовал себя непринужденно, никто никаких каверзных вопросов ему не задавал. Беседа проходила спокойно, в деловой обстановке. После переговоров Лонг пригласил всех на ланч в ресторан. Доктор Браун заспешил на лекцию в университет, извинился, вызвал такси и уехал. Резун, как обещал, не остался в долгу: секретное оружие русских разведчиков — водка — у него было при себе. Он вручил Брауну бутылку отменной «Посольской» и две банки икры. Договорились поддерживать контакт через Фурлонга. Чувство, которое испытывал Резун, пожалуй, знакомо всем разведчикам, особенно молодым. Получив представляющие интерес материалы или образцы техники, несешься сломя голову домой в резидентуру. Нет, не потому, чтобы скорее доложить резиденту и похвастаться своим успехом перед товарищами. Это чувство охватывает разведчика потому, что он удовлетворен сделанной работой, выполненным долгом. Оно знакомо только тем, кто сам лично испытал, прошел через это. У молодых начинающих разведчиков это чувство зачастую перехлестывает через край, застилает разум, мешая объективно оценить обстановку и принять правильное решение. К сожалению, Резун в эти минуты испытывал и чувство, похожее на злорадство. Ему очень хотелось утереть нос одному зазнайке из резидентуры, который при любом удобном случае старался его уколоть, унижить, даже назвал однажды трусом.

«Вот пусть подавится от зависти, когда узнает от резидента, что я добыл кучу ценных материалов. Тогда посмотрим, кто из нас трус», — вертелось в голове Резуна. Самое большое впечатление на русского разведчика произвел, конечно, доктор Браун. В своих мечтах именно таким видел Резун своего потенциального агента. «И как все удачно складывалось. Удобно установить связь через Фурлонга, договориться о посещении доктором Брауном один раз в два-три месяца Швейцарии. Англичанин охотно идет на контакт, обладает информацией, представляющей для нас интерес». Мечта Резуна обгоняла время и превращала нового знакомого в ценный источник научно-технической информации. «А вообще-то, — думал разведчик, — за такие дела и ордена дают».

В ресторан Резун, Лонг и Фурлонг отправились пешком. Столик был уже заказан. В полуподвальном помещении царил полумрак. На стенах между узкими окнами висели средневековые рыцарские доспехи, гербы, ордена, под ними горели тусклые свечи.

За ланчем болтали о всякой всячине, рассказывали анекдоты, шутили, пили пиво. Резун торопил время, ему не терпелось успеть приехать домой к концу рабочего дня, чтобы застать резидента и доложить о поездке. Он уже успел мельком взглянуть на материалы и как опытный информатор дал им предварительную оценку. «Минимум, — размышлял Резун, — потянут на пять-шесть добротных информационных телеграмм, состряпаю и хорошую справку на доктора Брауна. Пусть проверят по учетам Центра и КГБ. Б.М., — так он для краткости называл шефа, — будет наверняка доволен моей работой».

Резун к этому времени уже нашел себя в информационной работе по вопросам военной техники и вооружения стран НАТО. Отслеживал материалы в открытых изданиях, покупал соответствующую литературу в книжных магазинах. Его уже хорошо знало руководство 9-го Управления

информации и сватало после командировки к себе. Новый резидент Александров не только не владел иностранными языками, но и русский ограничивался для него командно-административной лексикой, употребляемой на Старой площади.

Он быстро сообразил, что без Резуна он как без рук. Кто будет писать информационные телеграммы? И Резуну, пользуясь старыми связями Александрова на Старой площади, быстро продлили командировку еще на один год. Молодой разведчик не без удовольствия вспоминал, как, находясь в отпуске, слышал рассказанную кем-то историю о себе. Однажды начальнику 9-го Управления информации понадобились дополнительные технические данные по какой-то системе натовского вооружения. Генерал вызвал к себе направленного и приказал: «Подготовьте шифровку нашему „Шгирилицу“ в Женеву». Каждый раз, вспоминая эти слова, Резун испытывал удовольствие, они приятно щекотали его тщеславие и самолюбие.

Фурлонг после ланча распроцался и поехал в Женеву, Лонг и Резун отправились в редакцию журнала. Когда пришли, Лонг, обращаясь к Резуну, сказал, что два местных политолога, сотрудничающих с журналом «Армада», узнав о приезде русского, просили уделить им несколько минут. Делать было нечего. Неудобно отказывать иностранным политологам. Особенно когда тебя просят об этом.

Через короткое время Лонг представил Резуну О'Брайна Тира и Гордона Барраса, а сам удалился, сославшись на неотложные дела в редакции. Тир представился Резуну как доктор Фишер. На его визитной карточке значилось: «Доктор наук. Институт геополитики, Цюрих».

Мужчины сели у журнального столика. Принесли кофе. О'Брайн обратился к Резуну:

— Извините, господин Резун, я вижу, вы уже собрались уезжать. Но мы вас не слишком задержим. Хотим показать одну интересную видеозапись.

С этими словами он взял пульт и нажал на кнопку. Резун вдруг почувствовал предательскую слабость во всем теле, словно что-то тяжелое и огромное навалилось на него и придавило. То, что он увидел на экране, могло присниться ему только в самом кошмарном сне. Резун закрыл ладонями глаза и прошептал упавшим безжизненным голосом: «Выключите, пожалуйста». Что-то подобное он испытал, когда на третьем курсе в академии ему по его любимому предмету преподаватель, на разобравшись, поставил четверку. Тогда у него тоже все поплыло перед глазами, и на какой-то миг он потерял сознание.

Экран погас, сидящий рядом мужчина подал ему стакан воды и сказал:

— Господин Резун, успокойтесь. Ничего страшного не случилось. Давайте лучше все спокойно обсудим. Всё будет хорошо.

Резун сделал глоток, сердце стучало, как молот, щеки горели огнем, пот выступил на его высоком с залысинами лбу. «Пропал, погиб, меня растопчут теперь, превратят в лагерную пыль. Нет спасения, и не будет мне пощады. Только в петлю, — вихрем пронеслось у него в голове. — А что будет с женой, с детьми?»

Немного успокоившись, Резун наконец как следует разглядел своего собеседника, представившегося политологом. Рядом с ним сидел серьезный мужчина средних лет с жесткими чертами лица типичного англичанина. И куда только пропала улыбка, казавшаяся такой радушной и придававшая ему очарование несколько минут тому назад.

— Надеюсь, вы успокоились, Владимир Богданович? — услышал он голос незнакомца.

— Да, я слушаю вас, — выдал из себя Резун, морщась, как от головной боли, и вдруг испугался своего голоса.

— Я — представитель английской разведки МИ-6, — начал О'Брайн. — Мы знаем вас, Владимир Богданович, давно и даже помогаем вам в вашей разведывательной работе. Кстати, вам продлили срок вашей командировки благодаря нашей помощи. Ведь вам по решению Центра предстоит завершить работу с разрабатываемым вами господином Фурлонгом. Согласитесь, это правда, и вы не будете это оспаривать. Нам известно, что вы капитан, офицер ГРУ, работаете под «крышей» международной организации. Ваш резидент генерал Александров Борис Михайлович нам тоже хорошо известен. До него вашим руководителем был генерал Глотов Иван Сергеевич. Сразу хочу вас предупредить, что мы не собираемся причинять зло вам или кому-нибудь из ваших близких. Мы только хотим помочь и полюбовно договориться о взаимном сотрудничестве. Как у вас говорят, ты мне — я тебе. В вашем положении у вас нет другого, более разумного выхода. Вы — разведчик и, думаю, хорошо понимаете это. Как вы считаете?

Резун слушал англичанина, в голове у него была какая-то каша, совершенное безразличие ко всему случившемуся и происходящему вокруг него. Он просто не знал, что ответить. Несколько минут тому назад ему казалось, что он стоит на пороге большого успеха. И вдруг перед ним разверзлась пропасть.

— Собственно, у меня нет сейчас ответа, — после продолжительного молчания проговорил Владимир.

— Я вас очень хорошо понимаю, — торопливо проговорил Тир. — Мы не требуем от вас, господин Резун, немедленного согласия. Успокойтесь, обмозжьте все хорошенько, оцените ситуацию и свое положение. Вы ведь разведчик. Если хотите, давайте возьмем тайм-аут на какое-то время. Центр ведь положительно оценил те материалы, которые вы получили от Фурлонга. Уверен, и доктор Браун передал вам полезную информацию. В случае вашего согласия мы поможем вам успешно завершить командировку и вернуться на родину на коне. Устроитесь в Центре, обживетесь. Вас как перспективного работника через некоторое время вновь направят в заграничную командировку. Мы вас до этого, — соврал О'Брайн, — тревожить не будем. Вы ничем не рискуете.

Эти слова несколько успокоили Резуна. «А действительно, что я теряю в таком случае? — подумал он. — Через полгода уеду в Союз, а там ищи-свищи ветра в поле. Может быть, меня никогда больше ни в какую заграничную командировку и не пошлют. Не стоит загадывать».

— Может быть, вы и правы, — неуверенно проговорил Резун. — Я подумаю и сообщу вам мое решение через Фурлонга.

— Нет-нет, — поспешно возразил англичанин, — не стоит вмешивать сюда Фурлонга. Он ни о чем не знает. Вообще, чем меньше людей знают о нашем разговоре, тем лучше. Бережёного бог бережет. Просто в случае вашего положительного решения позвоните господину Лонгу в редакцию журнала «Армада» и попросите его передать благодарность доктору Брауну за приятную беседу. После этого я найду способ и случай с вами встретиться и обсудить наши проблемы перед отъездом из Швейцарии по окончании срока вашей командировки. О нашей беседе господину Фурлонгу ничего не говорите. Он будет продолжать снабжать вас интересующей информацией.

Резун встал. О'Брайн протянул ему руку и, улыбаясь, сказал:

— Я уверен, у вас все будет о'кей. Только не делайте необдуманных шагов. До встречи. Кстати, перед отъездом на родину вам, вероятно, потребуются деньги на какие-нибудь покупки. За границей всегда на что-то не хватает. Пожалуйста, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне. Я вам помогу.

Резун вышел из здания редакции и направился к припаркованной неподалеку машине. Сел за руль и медленно поехал к центру города. До поездки в Цюрих он звонил в советское торгпредство и обещал одному своему товарищу заехать к нему в гости. Но сейчас, после такого потрясения, у него отпало всякое желание встречаться с кем-либо. Он поехал прямо домой, в Женеву. Цюрих нравился Резуну, он бывал здесь не раз. Город утопал в зелени парков и скверов, чистый, по-немецки аккуратный, ухоженный и благоустроенный, он был коммерческим и деловым центром страны. Здесь часто проходили международные выставки, научные симпозиумы, конференции. Попетляв по городу и по

профессиональной прививке несколько раз посмотрев в зеркало заднего вида на предмет выявления за собой слежки, Владимир выехал на автостраду Цюрих — Женева. Настроение у него было прескверное. Прежнее желание — до конца рабочего дня застать резидента на рабочем месте — пропало. Проехав километров двадцать, Резун остановился у заправочной станции, поставил машину на парковку и зашел в бар. Хотелось выпить и забыть обо всем на свете. Но этого он себе позволить не мог. Его почему-то мучила жажда, которую он не мог утолить. Он взял кофе и бутылку минеральной воды, сел за свободный столик в углу бара. Только теперь, немного успокоившись, он смог все как следует обдумать и проанализировать без паники и спешки, хотя ноги еще были ватные и тряслись мелкой дрожью.

Нечто подобное он испытал однажды, когда не по своей вине сбил собаку. Он выехал тогда из дома утром и на малой скорости направился в посольство на работу. На спидометре было километров пятьдесят, не больше. Вдруг из подворотни выскочила собака и бросилась наперерез машине. Резун резко нажал на тормоза, он увидел, как собака вытянулась стружкой в прыжке перед капотом машины, вероятно, сама почувствовав, что не успевает избежать столкновения с машиной. Левой фарой Резун ударил собаку в бок у задних ног. Она упала на асфальт. Владимир выскочил из машины, подбежал к лежащей без движения псине. Он не знал, что предпринять, как ей помочь, и растерянно оглядывался по сторонам. Слезы струились из полузакрытых глаз собаки. Сзади остановилось такси. Водитель был свидетелем случившегося, он все хорошо видел. Подошел к Резуну и сказал: «Парень, ты ни в чем не виноват. Во всем виноват хозяин, выпустивший за бордюр собаку. Поезжай спокойно по своим делам. Возьми на всякий случай мою визитную карточку». Когда Резун приехал в посольство, сел за свой рабочий стол, почувствовал, как дрожат ноги. Он не решился тогда обо всем доложить шефу и промолчал. Все обошлось, но случай с собакой запомнился на всю жизнь.

«Конечно, — рассуждал Резун, отхлебнув поток кофе, — вляпался я в дерьмо по самые уши. Сволочные англичане переиграли меня по всем статьям, свив на „Армаде“ шпионское гнездо и втащив меня туда, и я, дурак, клонул на их удочку. Приперли к стенке с ножом у горла. Надо думать, как выбраться из этого вонючего болота, если есть еще хотя бы какой-то, пусть самый маленький шанс это сделать. Я сам виноват в том, что попал в эту историю. Что же теперь делать? Прежде нужно постараться не паниковать, взять себя в руки. Татьяне ни слова. Этот хлыщ, английский резидент, как он представился, вроде стелет мягко, неизвестно, как будет спать. Верить им опасно. Разжуют и выплюнут. Их принцип ясен: использовал — выбросил. Все началось, по всей видимости, с Фурлонга, этого толстого выродка с вечно потными руками. Как он, черт, смахивает на фадеевского унтера Фенбон-га из „Молодой гвардии“. Как он мне надоел. Через полгода уедем, — успокаивал себя Резун. — В Москве с ними никаких контактов. А там посмотрим. Пожалуй, это самый лучший вариант. Вряд ли они сообщат в посольство, это только скомпрометирует их». Эта мысль его почти успокоила.

«А может быть, лучше, — лезла в голову другая, — завтра утром пойти к Б.М. и всё как на духу рассказать. Ведь я никого не предал, никаких секретов им не передавал, меня нельзя обвинить в шпионаже. Просто поскользнулся на самом склизком, как говорят разведчики, месте. Конечно, об отношениях с Фурлонгом умолчать, а с соседкой покаяться. Да я и сам не знаю, было там что или нет. Эта чертовка, наверное, подсыпала мне что-нибудь в шампанское, я и вырубился. Все было как во сне, ни черта не помню. А вообще-то они могли эту пленку смонтировать, сфабриковать, техника вполне позволяет это сделать. Ну хорошо, признаюсь, дескать, молодо-зелено, жена была в Союзе, рожала. Ведь я не первый в разведке, кто попадает на этот крючок».

Ему пришел на ум случай, рассказанный кем-то. Наш военный атташе в довоенной Германии остался на месяц без жены. Она по каким-то делам уехала на родину. Немцы воспользовались этим обстоятельством и подсунили ему молодую красивую немку-уборщицу, которая его соблазнила. Получив фотографии, немцы решили завербовать русского, предъявив ему, как им казалось, железный компромат. Наш разведчик попросил неделю на размышление. После этого дал в Центр шифровку с просьбой срочно вызвать его в Москву по чрезвычайно важному делу. Центр дал согласие. Прибыв в Союз, военный атташе обо всем честно доложил руководству ГРУ. То, в свою очередь, доложило Сталину, который распорядился полковника не трогать, дисциплинарных мер к нему не применять, оставить работать в Союзе.

Этот вспомнившийся случай со счастливым концом не прибавил оптимизма Резуну. «Да, — с горечью подумал Владимир, — таких людей, как Сталин, у нас давно нет. На Старой площади сидят проходимцы, прожженные карьеристы и перестраховщики, такие, как наш любимый шеф. Они все словно из одного теста сделаны, похожи друг на друга как две капли воды, близнецы-братья. У них там, на Старой площади, вынимают душу и совесть и заменяют чем-то другим».

Резуну вдруг отчетливо представилось, как Александров позеленеет от злости, когда услышит исповедь своего подчиненного. Ведь за свои десять или больше лет работы на Старой площади он прослушал не одну подобную историю, и его бездушное сердце не дрогнуло ни от одной. Он искалечил не одну молодую жизнь, прикрываясь лозунгами коммунистической нравственности. «Нет, нет, ни за что на свете к нему с покаянием я не пойду. Скажет, сам влип, сам и выкручивайся. К прежнему резиденту, наверное, пошел бы. Иван Сергеевич нашел бы какой-нибудь выход. Не стал бы рубить сплеча. Успокоил бы, что-то придумал. А этот даже слушать не станет. Не моргнув глазом, отправит на растерзание шакалам. Настроит в Центр такую телегу, что меня в двадцать четыре часа вышвырнут из Швейцарии, а потом пошлют, куда Макар телят не гонял».

Резун почти за четыре года работы за рубежом был свидетелем подобных примеров. Его основная «крышевая» задача — встреча различных высокопоставленных делегаций из Союза, их устройство и размещение. Приезжая за рубеж, они сразу забывали о морали. Искали клубничку, бежали в ночные рестораны посмотреть стриптиз.

Однажды Б.М. поручил Резуну повозить по городу двух прибывших из Москвы партийных боссов. Оба были друзьями Александра на Старой площади. Резун диву давался, наблюдая за поведением высоких гостей. Никакие достопримечательности города их не интересовали. Они только хотели знать: где, что, почем. У них были длинные списки того, что требовалось приобрести из шмоток. Один из них никак не мог понять, почему ему не давали скидку в одном из крупных универмагов. У него не хватало денег, и он требовал предоставить ему скидку на какой-то товар. Объяснения Резуна, что в крупных фирменных магазинах скидки не даются, на него не действовали.

«Нет, это не выход, — пришел в конце концов к твердому выводу Резун. — Явиться с повинной к Б.М. смерти подобно. Это все равно, что положить добровольно голову на плаху. Нет, я еще жить хочу». Резун допил кофе. Сел в машину, поехал по направлению к Женеве. Он твердо решил довериться судьбе.

В этот же день поздно вечером О'Брайн собрал в резидентуре участников операции по вербовке русского разведчика ГРУ.

Резидент коротко, не вдаваясь в подробности, сообщил собравшимся, что операция прошла успешно, поблагодарил офицеров и поздравил всех с успехом.

Фурлонгу была поставлена задача продолжать разыгрывать роль вербуемого, снабжая русского материалами.

После того как Фурлонг покинул резидентуру, Тир включил видеозапись вербовочной беседы и попросил собравшихся офицеров внимательно ее прослушать и высказать свое мнение и соображения.

И Баррас, и Сервил, просмотрев запись, высказали единодушное мнение: операция прошла успешно. По их мнению, поведение Резуна во время беседы и его высказывания свидетельствовали о том, что он был подавлен и практически согласился на сотрудничество с СИС. Когда это сотрудничество получит свое официальное завершение, было вопросом времени, считали они. Резидент поручил офицерам продолжить негласное

наблюдение за русским через свои связи и обо всем ему немедленно докладывать. До этого он дал своему агенту Шварцбергеру задание вести постоянную запись всех разговоров на квартире Резуна и немедленно докладывать ему, если информация будет заслуживать внимания.

Отпустив офицеров, Тир устало откинулся в кресле, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать. Но это было нелегко. Он снова и снова в мыслях возвращался к беседе в Цюрихе, анализировал свои действия, пытался найти ошибки. Просидев минут пять без движения, он позвонил шифровальщику и попросил принести ему шифроблокнот. Тир долго сидел над текстом шифровки директору СИС. Писал и перечеркивал, вновь писал, исправлял, уничтожал написанное. Ничего не получалось. Не хватало уверенности в успешном завершении операции, но в то же время очень хотелось доложить начальству о достигнутом успехе. Он не решился четко и ясно доложить, что вербуемый русский дал согласие сотрудничать с СИС. В конце концов, изрядно промучившись над текстом, резидент решил не искушать судьбу и написал короткий текст.

Совершенно секретно

Директору

Докладываю. В соответствии с Вашими указаниями номер... от ... вербовочная операция, по нашему мнению, прошла успешно. Подробный отчет об операции и все материалы по ее проведению направляю очередной почтой.

Резидент

Через неделю после встречи в Цюрихе в редакции журнала «Армада» Резун позвонил по телефону Лонгу и поблагодарил его за организацию встречи с доктором Брауном.

О'Брайн, получив радостное сообщение, в дополнение к предыдущей шифровке поспешил доложить в Центр о полученном согласии Резуна сотрудничать с английской разведкой. Дело было сделано.

Через две недели из Лондона пришла сдержанная, но положительная оценка проделанной резидентурой работы по вербовке ценного агента, офицера советской военной разведки. Рекомендовалось продолжить работу по подготовке агента к дальнейшему сотрудничеству на территории СССР — сообщались подробные условия связи с агентом в Москве.

После согласия Резуна на сотрудничество с СИС события развивались для английской резидентуры успешно. Резун активно встречался с Фурлонгом, получал от него информационные материалы. Доктор Браун периодически присылал из Лондона через Фурлонга новые материалы из «Сипри». ГРУ положительно оценивало работу Резуна, и 9-е Управление информации было готово с распростертыми руками принять толкового офицера к себе на работу.

Совершенно неожиданно открылись новые интересные перспективы в работе с военным атташе ФРГ в Швейцарии Вольфгангом фон Крюге.

Фурлонг выплатил ему впервые деньги под расписку за материалы по военной технике ФРГ. Это был несомненный успех. Резидент похвалил Фурлонга за работу с немцем и решил сам продолжить дальнейшую его разработку. Все складывалось в соответствии с советами мистера Си.

Как часто бывает в разведке, начальство любит снять сливки, завершить начатую подчиненными перспективную работу. Особенно когда на крючок попадает крупная рыба. Ценнейший советский агент — швед, полковник Стиг Веннерстрем в своих воспоминаниях «От начала до конца» по этому поводу писал: «Как только начальство почувствовало, что я из себя представляю для Советов в агентурном отношении, майорский уровень руководства мной сразу был заменен генеральским».

О'Брайн Тир почувствовал, что фон Крюге может стать ценным агентом и послужить короне Ее Величества. Он решил познакомиться с ним лично, хотя на официальных приемах иногда мимоходом с ним встречался и здоровался. Фурлонгу резидент объяснил, что, поскольку срок его командировки заканчивается, необходимо сохранить преемственность и ближе узнать немца.

Тир и Фурлонг встретились с Крюге в загородном ресторане за обедом. Хорошо выпили, закусили. За кофе с французским коньяком завязалась оживленная откровенная беседа. От политики перешли к житейским делам. Немец жаловался на материальные трудности. Ругал свое правительство, допустившее приезд в страну иностранных рабочих: югославов, турок, албанцев и других, которые сели на немецкие плечи. Приходится выплачивать социальную помощь из немецкого кармана. Иностранцы, особенно турки, плодятся как кошки, обзавелись большими семьями, ведут себя нахально, из-за них возникают конфликты на национальной почве. Англичане соглашались с немцем, говорили, что и у них подобные проблемы с выходцами из Пакистана, Индии.

Подвыпив, немец проболтался, что проигрался в карты, залез в долги и не знает, как выбраться из этой долговой ямы.

Прощаясь, Тир шепнул немцу, что есть некоторые идеи, как помочь ему выбраться из финансовых затруднений. Сейчас он не готов обсуждать этот вопрос, но через недельку, по всей видимости, они могли бы вернуться к этой теме. Полковник очень обрадовался, благодарил и заверял, что будет рад любой помощи.

Через неделю такая встреча состоялась без Фурлонга. На встрече английский резидент обговорил весь круг вопросов, которые наметил с Олдфилдом в Лондоне. Яблоко созрело и упало на землю.

8 июня 1978 года поздно вечером швейцарский агент Шварцбергер вызвал резидента СИС О'Брайна Тира условным сигналом на экстренную встречу.

Когда О'Брайн услышал по телефону голос своего агента, он интуитивно почувствовал, что произошло что-то важное и неординарное. К экстренной встрече агент и резидент прибегали крайне редко. Просто за период их сотрудничества не возникало такой необходимости. Обычно они встречались один раз в месяц в каком-нибудь загородном ресторане как хорошие знакомые. Собственно, их отношения трудно было назвать агентурными, хотя Шварцбергер с большим удовольствием брал за свои услуги деньги и даже расписки. Тайники и прочие агентурные конспиративные шутки не использовались. Они просто были не нужны.

Условная фраза в телефонном разговоре свидетельствовала о том, что надо срочно ехать на встречу и что агент ждет его в загородном ресторане.

О'Брайн поспешил в гараж. Через тридцать минут он подъезжал к загородному ресторану, расположенному в лесу у небольшого озера. Ресторан назывался «Три медведя». Три огромных бурых медведя, искусно вырезанные из какой-то ценной породы дерева, стояли на задних лапах у входа в ресторан. Самый большой держал в лапах огромный щит со словами: «Добро пожаловать». У двух других медведей, поменьше, в лапах

были внушительные по размеру кружки с пивом и надписью на них: «На здоровье».

Шварцбергер сидел за отдельным столиком в углу ресторана и ожидал О'Брайна. Поздоровавшись, англичанин сел за стол. Сразу подошёл учтивый официант, подал меню и удалился. По всей вероятности, Шварцбергер был частым посетителем этого заведения, и официант его хорошо знал.

— Выбери, — сказал О'Брайн, мельком пробежав глазами меню и передавая его своему собеседнику.

— Я думаю, как обычно, — едва взглянув, проговорил швейцарец. — Стейк по-испански.

— О'кей, — англичанин поднял руку вверх.

Мгновенно подошел официант. О'Брайн сделал заказ. Через пару минут на столе появились два больших бокала темного пива. Завязалась неспешная беседа старых товарищей о погоде, о колебаниях на бирже, о строительстве туннеля под Ла-Маншем. Вновь подошел официант. Осведомился, можно ли подавать стейк. О'Брайн кивнул. Официант исчез, но вскоре вновь появился, неся на массивной деревянной отполированной плите солидный, граммов на триста-четыреста, кусок толстого поджаренного мяса. На стейке плавился крупный, с большую монету кружок чесночного масла, образуя концентрические окружности. К горячему подавался необычный столовый прибор, состоящий из вилки и огромного пиратского ножа.

Мясо таяло во рту, его не надо было жевать, чесночное масло создавало удивительный вкусовой аромат. После такой большой порции в животе не ощущалось никакой тяжести. Казалось, что можно было повторить.

Выпили по чашке кофе. О'Брайн расплатился, взял счет и предложил Шварцбергеру прогуляться к озеру. В общественных местах они никогда о деле не разговаривали.

Подойдя к озеру, О'Брайн спросил:

— Что случилось, Фриц? Что-то срочное?

— Моя служба, — начал Шварцбергер, — сняла вчера на квартире русского такую информацию, что я принял решение вызвать тебя на экстренную встречу. Вот записи, возьми, они в пакете. Думаю, это очень тебя заинтересует.

— Если твоя информация так важна, — проговорил резидент, посмотрев на часы, — то нам придется расстаться. Горю желанием посмотреть, что ты там добыл. Извини, Фриц, большое тебе спасибо, я поехал.

Ещё через пару минут О'Брайн мчался на машине в сторону города. Прибыв в резидентуру, срочно вызвал к себе Гордона Барраса. Тир коротко сообщил ему о случившемся и поставил магнитофонную запись. Он сам уже до приезда Гордона успел прочитать перевод записи разговора на квартире Резуна. Резидент попросил своего зама внимательно слушать и сверять правильность сделанного перевода. Из разговора супругов складывалась следующая картина. Резун пришел вчера с работы в подавленном состоянии. Отказался ужинать, на вопросы жены не отвечал, отмалчивался. Потом с ним случилась истерика. Он кричал, ругался. Успокоившись, рассказал жене, что у него был неприятный разговор с Александровым.

«Борису Михайловичу, вероятно, накапали соседи на меня, они суют свой нос во все дыры. Они ему шепнули, что я якобы завел пашни с иностранками. Видели меня пару раз в кафе с нашей соседкой-англичанкой. Шеф вызвал меня и, не дав мне сказать в свою защиту и пару слов, отmaterил и выгнал из кабинета. Никакие пашни с иностранками я не крутил, — срываясь на крик, говорил жене Резун. — Все это клевета. Но разве можно в чем-нибудь убедить нашего... После разговора с шефом, — продолжал Резун, слегка успокоившись, — я остался в резидентуре. К Александрову зашел офицер по безопасности. Дверь в кабинет осталась приоткрытой, и я слышал, как шеф звонил нашему аэрофлотчику и интересовался ближайшим рейсом самолета на Москву. Уверен, они хотят меня отправить в Союз. Так что, дорогая, пакуй шмотки. А в Москве тоже не будут ни в чем разбираться. Кому я нужен? Руки мохнатой, чтобы защитить, у меня нет. Отправят у черту на кулички — это в лучшем случае».

Татьяна пыталась успокоить мужа, но он не унимался, а расходился все больше: «Все это брехня, я не виноват и не хочу уезжать!»

Он то ложился на диван, запрокидывая голову назад, то вновь вскакивал и нервно ходил по квартире. Жена давала ему успокоительное, но ничего не помогало.

«Володя, — взмолилась Татьяна, — может быть, тебе следует ещё раз пойти к шефу и попытаться с ним поговорить, объяснить?»

«Да ты что? — кричал Резун на всю квартиру. — С этим самодуром разве можно по-человечески говорить? Он просто выгонит меня! У нас нет никакого шанса на спасение. Все рухнуло, все пропало!»

Прослушав эту запись, О'Брайн ощутил, как холодок пробежал по его спине. «Ведь если Резуна отправят в Москву, — рассуждал про себя О'Брайн, — это будет концом его карьеры разведчика. По всей вероятности, его просто уволят из армии, и он для нас превратится в ничто, в нуль. А что будет ожидать меня в этом случае?»

— Ну что ты скажешь, Гордон? — обратился резидент к своему заму.

— Дело — труба, О'Брайн, — прямо ответил Баррас. — Я просто не могу все это себе представить и осмыслить. Как неожиданно круто повернулось дело. Нам что-то надо срочно предпринять, если есть ещё хоть малейший шанс спасти ситуацию.

— Понимаешь, Гордон, — задумчиво проговорил резидент, — насмарку почти четыре года работы резидентуры. Как бы мы ни объясняли ситуацию в случае внезапного отъезда русского, нас в Сенчури-Хаус просто не поймут. Надо срочно информировать Центр. Но что мы напишем, кроме констатации факта, не знаю. Центру нужно наше решение. Он никогда не возьмет ответственность на себя. Что делать?

— Подожди, О'Брайн. У меня идея. Может быть, встретимся прямо сейчас с Резуном? Поедем к нему на квартиру и переговорим с ним.

— Ну что это даст? Без наших конкретных предложений, как выйти из этой патовой позиции? — шеф устало махнул рукой. — Это только еще сильнее его напугает. И он может наделать ещё больше глупостей. Нет, это не выход из положения, хотя сама идея встречи мне нравится. Ее надо подкрепить нашими конкретными предложениями. А что мы можем предложить в этой ситуации? Сколько сейчас времени? — Резидент посмотрел на часы. — Уже двенадцать часов ночи. Поздно.

— Думаю, — медленно начал Гордон, — в этом положении может быть только один выход: склонить Резуна и его семью к невозвращению на родину, сделать его политическим диссидентом, невозвращенцем-перебежчиком по идейным мотивам. Он должен попросить у Ее Величества королевы Великобритании политическое убежище.

— А что?! Гордон, ты — гений. Здесь есть рациональное зерно, — оживился резидент. — Ведь Резуну ничего не остается, кроме этого. А если он ошибается в оценке ситуации? Услышал звон, да не знает, где он? Что, если никто его не собирался никуда отправлять и все это — плоды его большого воображения. У страха глаза велики. Вот он и психанул, устроил дома истерику. Что тогда?

— Тогда надо ему помочь, — ответил Гордон решительно.

— Как помочь? — не понял О'Брайн. — Успокоить? Посоветовать не паниковать?

— Нет, я имею в виду нечто совершенно другое, — решительным голосом проговорил Гордон, — мы должны помочь поверить, что Москва

действительно не шутит и намерена предпринять против него самые суровые меры. Надо напугать его ещё больше. Явиться к нему, показать якобы перехваченную нами шифровку из Москвы о его отправке в Россию. Мы явимся к нему как настоящие друзья, желающие его спасти от неминуемой беды, которая нависла над ним и грозит ему и его семье. Покажем ему шифровку. Наша информация подтвердит и усилит стократ его опасения, и у него не останется никаких сомнений в том, что Александров с работниками КГБ действительно обсуждал вопрос его отправки на родину.

Да, Гордон, я восхищаюсь тобой, ловко ты придумал. Мне нравится такой сценарий, — проговорил резидент, закуривая сигарету. — Одно только смущает. Как ко всему этому отнесется Лондон? Ведь здесь разведка переходит в плоскость межгосударственных отношений. И решение должно приниматься на самом высоком уровне. Правда, у нас наверху принимали решения и покруче, когда вышибли с острова, объявив персонами нон фата, более сотни русских парней, работавших в Англии. Давай прямо сейчас доложим мистеру Си сложившуюся ситуацию вокруг Резуна и выйдем с нашими предложениями. Кстати, я выяснил, что ближайший рейс самолета «Аэрофлота» в Москву только 10 июля в 14.00. На иностранном самолете русские не решатся отправить его в Москву. Значит, если Центр согласится с нашими предложениями, мы можем завтра вечером явиться к Резуну на квартиру с «перехваченной» шифровкой из Москвы и предложить ему наши услуги. Сообщим ему, что наша техническая служба перехватила шифровку советского МИДа к послу СССР в Швейцарии Лаврову.

— Я согласен с тобой, О'Брайн, — поддержал шефа заместитель резидента. — У Резуна нет другого выхода, как только согласиться с нашим предложением. На родине его ожидает увольнение из армии, а может быть, и Сибирь. Кстати, судя по записи, он и сам правильно оценивает свое положение и перспективы в Москве. Их просто нет. Все пути для него будут закрыты. А парень, по всей видимости, с большими амбициями. На Западе всё у него может сложиться по-другому. Мы пообещаем ему золотые горы, наши демократические свободы и гарантии безопасности. Ведь мы никогда не бросаем друзей в беде, — криво усмехнувшись, закончил свою мысль Гордон.

— Итак, — подытожил резидент, — садимся за телеграмму. Всё зависит от политического решения нашего руководства.

Ночью шифровка с пометкой «срочно» ушла в Лондон.

Ответ пришёл на следующий день в полдень. Центр соглашался с планом резидентуры склонить Резуна и его семью остаться на Западе и попросить политическое убежище в Великобритании. Ему и его семье от имени Короны Великобритании гарантировалось предоставление политического убежища. Центр предупреждал резидента о строжайшем соблюдении мер по конспирации и безопасности и всю ответственность за проведение операции возлагал лично на резидента СИС Швейцарии.

Получив положительный ответ из штаб-квартиры СИС, О'Брайн Тир задействовал все имевшиеся в его распоряжении силы и средства. Гордон Баррас, Дефман Сервил и несколько сотрудников из технического персонала были привлечены к этой операции.

9 июня 1978 года в 22.00 в квартиру Резуна на Рю де Лозанн позвонили. Открыв дверь, Резун увидел двух знакомых англичан. Перед ним стояли резидент английской разведки МИ-6 в Швейцарии О'Брайн Тир и его заместитель Гордон Баррас.

Извинившись, О'Брайн сказал, что чрезвычайно важные обстоятельства привели их в столь поздний час. Им надо срочно переговорить, потому что речь идет о безопасности его семьи. Резун пригласил неожиданных гостей пройти в квартиру. Дети уже спали.

Когда трое мужчин устроились в гостиной в креслах у журнального столика, Резун вынул из бара бутылку шотландского виски «Джони Уокер» и предложил гостям. Он был взволнован, руки слегка дрожали, когда он наполнил бокалы.

— Господин Резун, — начал разговор О'Брайн, сделав небольшой глоток, — мы еще раз просим извинения за столь поздний визит без предварительного предупреждения. Но нас к этому вынудили непредвиденные обстоятельства и нависшая, по нашему мнению, над вами серьезная угроза. Вчера нам стало достоверно известно, что ваше руководство приняло решение завтра в 14.00 самолетом «Аэрофлота» отправить вас с семьей в Россию. Вот, пожалуйста, прочитайте перехваченную нами телеграмму МИД СССР вашему послу. — С этими словами О'Брайн вынул из внутреннего кармана пиджака лист с напечатанным на нем текстом и передал его Владимиру. Резун взял телеграмму и начал читать. Руки дрожали, буквы прыгали перед глазами, мешая уловить содержание шифровки. Наконец, справившись с волнением, прочитал:

Совершенно секретно

Послу СССР в Швейцарии тов. Лаврову

В связи с решением инстанции организуйте отправку ближайшим рейсом Аэрофлота номер 236 10.06.78 года третьего секретаря посольства постоянного представительства СССР при ООН в Женеве Резуна В. Б. с семьей в Москву. Согласуйте мероприятия по отправке Резуна с резидентами КГБ и ГРУ. Примите меры по соблюдению безопасности. О решении инстанции информируйте посла СССР при ООН Миронову. Об исполнении доложите шифром.

Громыко

— Кроме того, — продолжал англичанин, убедившись, что Резун до конца прочитал телеграмму, — нам стало известно, что сегодня ваш посол вызывал к себе резидентов КГБ и ГРУ. На совещании обсуждался вопрос об организации отправки вашей семьи в Москву. По нашим данным, завтра утром вас вызовет к себе Александров и объявит о решении Центра. Нам известно, как он мотивирует причины вашего отъезда. Вас, по всей видимости, прямо из посольства отправят на аэродром. Жену и детей подвезут сотрудники посольства к самолету. Вам уже сообщили о принятом решении?

— Нет, мне пока ничего не сообщили. Но я догадываюсь, что против меня что-то затевается, — ответил побелевший как полотно хозяин квартиры.

— Нам неизвестны причины вашего выдворения из страны, — продолжал О'Брайн. — Но мы считаем, что вас на родине ждут серьезные неприятности. Получив телеграмму вашего МИДа, мы доложили о ситуации в Лондон. Её Величество королева Великобритании готова взять вас и вашу семью под защиту Короны и предоставить политическое убежище и гарантии безопасности, о чем имею письменные полномочия вас информировать. Вам грозит серьезная опасность, и решать надо немедленно. Завтра будет поздно. Вас уже отправят в Москву, где вам, по нашей оценке, могут быть предъявлены самые серьезные обвинения. У нас все готово, чтобы спасти вас, вашу жену и детей. Требуется только ваше согласие. Через пару дней вы уже будете в Англии под защитой Её Величества королевы Великобритании. Мы гарантируем вам работу и безопасность. К сожалению, пока мы не знаем истинных причин решения вашего руководства. Но мы должны исходить из наихудшего. Нельзя исключать, что КГБ каким-то образом стало известно о ваших контактах с нами. Вы прекрасно понимаете, что вам грозит в этом случае. Мы не можем бросить вас на произвол судьбы, поэтому мы протягиваем вам руку помощи.

Резун, выслушав англичанина, налил себе виски, бросил в бокал несколько кусочков льда, выпил. Было заметно, что он напряженно думает, что у него рождается решение. Казалось, он успокоился, руки перестали дрожать, на щеках появился румянец, голос окреп.

— У меня была мысль, — начал он, — самому обратиться к вам за помощью, попросить защитить меня и мою семью. Я почувствовал, что надо мной сгущаются тучи, хотя причины мне не ясны. Я пока ничего противозаконного не совершил и ничего не нарушил. Мое начальство знало, что я ездил в Цюрих. Полученная мною информация была хорошо оценена. Да, я встречался с иностранцами. Но моя работа и состоит из встреч с ними. Однако у нас трудно оправдаться, когда тебя в чем-либо обвиняют. Я готов принять ваше предложение. У меня нет иного выхода, но не знаю, как к этому отнесется моя жена.

— Надо ей это все объяснить, — вступил в разговор до этого молчавший Гордон, — речь идет не только о вас, но и о будущем вашей семьи. Если власти предъявят вам обвинения, то это коснется и ее, и ваших детей. Вам следует ей все это спокойно объяснить. Машины ждут вас у дома, надо быстрее принимать решение. Дело идет о жизни и смерти, если хотите. Я лично так понимаю сложившуюся вокруг вас ситуацию. Власти вас не пощадят, вы сами хорошо это знаете, и не следует на этот счет питать каких-либо иллюзий. Нельзя терять время, надо немедленно действовать, пока не поздно. У нас есть официальная бумага английского правительства о предоставлении вам в случае вашего согласия защиты. Этот документ и телеграмму вашему послу вы можете показать жене. Думаю, она поймет и согласится с вашим решением.

Резун слушал англичанина, а на память пришел недавний случай в советской колонии с одним нашим ученым, работавшим в Женеве в какой-то международной организации. Несколько месяцев тому назад совершенно неожиданно для нашего специалиста работники КГБ отвезли его под каким-то предлогом в аэропорт и отправили в Союз. Ходили слухи, что к парню подходила западная разведка. КГБ в целях безопасности, чтобы не искушать судьбу, отправил ученого подальше от соблазнов западного мира.

— Хорошо, — твердо сказал Резун, вставая с кресла, — я принял для себя решение. Пойду поговорю с женой. — Он взял бумагу у англичанина и вышел из комнаты.

Гордон налил в пустой бокал минеральной воды и бросил туда какую-то таблетку.

Татьяна сидела на диване в другой комнате в напряженном ожидании. Когда раздался звонок, она почувствовала приближающуюся опасность. Услышанные в передней голоса иностранцев еще больше усилили ее волнение. Кроме соседок-женщин, никто из иностранцев не посещал их квартиру. Поведение мужа в последнее время, особенно после поездки в Цюрих, вызывало у нее тревогу: он замкнулся в себе, стал

неразговорчив, раздражителен по пустякам, задумчив, часто на вопросы отвечал невпопад.

Сердце Татьяны сжалось, когда она увидела входящего в комнату мужа. В ее глазах застыл страх. Она почувствовала, что сейчас свершится что-то важное, непоправимое, бесповоротное.

Резун подошёл к жене. Она поднялась с дивана. Он положил ей на плечи руки и почувствовал, как она сжалась. Отведя в сторону глаза, тихо сказал:

— Татьяна, нас завтра хотят выдворить из страны и отправить в Союз. А меня, — голос у мужа дрогнул и словно споткнулся обо что-то, — а меня запереть за решетку или расстрелять.

— За что? — выкрикнула жена. — Что ты натворил?

— Ничего я не натворил. Кто-то настучал на меня начальнику. Может быть, хотят сделать меня шпионом, козлом отпущения. Но я, клянусь тебе, Родину никому не продавал.

— Но откуда тебе все это известно? — допытывалась жена. Слезы навернулись у нее на глаза.

— Я тебе уже вчера говорил о моих подозрениях и догадках. А вот сейчас все это подтвердилось. Мои знакомые англичане принесли весомые доказательства. На, почитай сама перехваченную ими телефамму нашему послу от Громыко, убедись, — проговорил Резун и протянул жене тонкий лист бумаги.

— Татьяна начала читать, слезы застилали ей глаза, лицо покраснело, покрылось пятнами, бумага прыгала в ее руках.

— Не понимаю, за что? В чем наша вина? — проговорила она тихим голосом, прижимаясь к плечу мужа, словно ища в нём поддержки. — Что же нам делать? — беспомощно прошептала она. — Может быть, ты продался им, стал их шпионом? — вдруг, прямо смотря мужу в глаза, проговорила она.

— Нет, что ты, — ответил Резун не совсем твердо, словно сомневаясь в своих словах. — Я не шпион и никому не продавался, но у меня есть знакомые англичане. Вот и сейчас мои друзья, — запнувшись на слове «друзья», продолжал он после небольшой паузы, — пришли сюда, чтобы помочь. Они предлагают нам уехать в Англию.

— Нет, ни за что на свете! — вскрикнула громко Татьяна, отпрянув от мужа, и медленно опустилась на диван, закрыв лицо ладонями. Слезы брызнули из ее глаз, из груди вырвался стон.

— Успокойся, Таня, у нас нет другого выхода, подумай о детях. Почему они должны за нас страдать? Ведь мне могут пришить дело, от которого не отмоешься всю жизнь, — заговорил Резун, стараясь убедить и успокоить жену. Он сам, казалось, уже не сомневался в правильности принятого решения. — Вот, смотри, сама королева Англии гарантирует нам безопасность.

— А что будет с нашими родителями? Ты об этом подумал? — прокричала жена. — Что скажет мой отец? Как он будет смотреть в глаза своим сослуживцам? Это сведет его в могилу. А что скажет твой отец-фронтовик, а наши матери, а наши братья, родня, друзья? Нет, я не могу, я не вынесу этого всего. — Она бросилась вдруг к шкафу и начала выбрасывать из него вещи мужа. — Забирай и уходи со своими англичанами! — кричала она. — Я никуда отсюда не пойду. Я остаюсь с детьми. Мне английская королева не указ. Не хочу, не хочу! — кричала Таня на всю квартиру, заливаясь слезами.

В соседней комнате проснулась дочь. Стала плакать, звать мать. Резун принес из другой комнаты воды. Она выпила, бокал прыгал у нее в руке, зубы стучали о стекло. Через некоторое время жена успокоилась, перестала рыдать. Вероятно, таблетка, предусмотрительно опущенная Гордоном в бокал с минеральной водой, сделала свое дело: Татьяна как-то обмякла, стала безразлична к словам, которые ей говорил муж. Она вдруг начала со всем соплащаться, торопить мужа собираться, засуетилась, в ее глазах появился страх. Ей казалось, что сейчас вот-вот постучатся в дверь и явятся крепкие соседские ребята, стребуют их в охапку, посадят в машину, отвезут в посольство, а потом отправят в Москву.

Резуны быстро собрали спящих детей, на скорую руку взяли с собой самое необходимое, оставив личные документы, паспорта, водительские права.

Уже на выходе Татьяна вдруг снова очнулась. Нервное напряжение, сопротивление насилию, вероятно, оказалось сильнее таблетки. Молодая женщина, прижав ребенка к груди, повернула и со стоном устремила назад в квартиру. Казалось, что ее уже ничто не остановит. Она приняла окончательное решение.

Мгновенно оценив ситуацию, решительный Гордон бросился к Татьяне и прижал какую-то белую салфетку к ее лицу. Татьяна стала медленно опускаться на пол.

Салфетка с хлороформом потом будет обнаружена советскими сотрудниками в квартире Резуна, брошенная в спешке на полу ночными посетителями.

В 23.30 две машины отъехали от дома на Рю де Лозанн в неизвестном направлении.

Глава 8 НА АЛЬБИОНЕ

Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Ответ А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву

Тот, кто теряет связи со своею землей, тот теряет и богов своих, то есть все свои цели.

Ф. М. Достоевский. «Бесы»

Машина шла на большой скорости по ночному городу. Улицы были безлюдны и слабо освещены. Ярко горели разноцветными огнями только витрины дорогих магазинов и рекламы. Редко попадались идущие навстречу автомашины. Город спал. В Швейцарии рано ложатся спать, но рано и встают.

Владимир и Татьяна сидели на заднем сиденье со спящими на руках детьми.

Машину вел, как показалось Резуну, довольно молодой мужчина в кепке. Владимир видел только его бритый затылок и крепкую борцовскую шею, потому что сидел сзади него. Рядом с шофером сидел Тир.

Татьяна, казалось, спала, низко опустив голову с растрепанными волосами, прижав к груди спящего сына.

Резун по привычке пытался определить, куда они едут. В зеркало заднего вида он иногда улавливал отражение фар идущей за ними следом машины сопровождения. Через некоторое время Владимир определил, что они едут в южном направлении. Он хорошо знал город. Мелькнула, казалось, совершенно не к месту пришедшая мысль-воспоминание, как однажды в Центре его знание города проверял новый начальник направления, ортодокс, капитан первого ранга Калинин Валерий Петрович. Он называл ему какие-нибудь известные места в Женеве и требовал ответить, как без плана города проехать к этим пунктам от советского посольства. Все подчиненные знали, что в Союзе их ждет подобный экзамен, и тщательно готовились к такому испытанию. Начальник направления был красивым, стройным, высоким мужчиной лет пятидесяти, строгим и суровым на вид. Он хорошо поработал в свое время за рубежом, в том числе в Швейцарии, и не понаслышке знал регион, которым руководил в Центре. В нем был виден службист, чувствовалось, что человек был высокого мнения о себе. Но при этом всего себя отдающий делу, своей карьере. В его ранце, по словам Наполеона, всегда находился жезл маршала. С другой стороны, опытный физиономист наверняка бы отметил в его внешности черточки крутого норова, готового иногда проявить себя и пойти против общепринятых норм.

Он мог возразить начальству, отстаивать упорно свои взгляды, даже если они и не соответствовали действительности. Про таких людей говорят: втемяшится в башку какая блажь, колом ее не выбьешь. Он всегда, казалось, был чем-то озабочен и недоволен. Проходя по коридору управления, он не замечал младших по званию, не отвечал на их приветствия.

Где-то в стороне мелькнула освещенная огнями рекламы и дорожными знаками американской фирмы «ЗМ» автострада Женева — Цюрих, и машина, сбавив скорость, свернула и, нырнув под виадук, пошла по узкой, но очень освещенной односторонней дороге, поднимаясь в гору на перевал. На крутых поворотах стояли большие щиты, покрытые тонкой флюоресцирующей пленкой, которые вспыхивали ярким пламенем, отражая свет фар машины и предупреждая водителя об опасности на повороте. Город скоро остался где-то позади внизу. Впереди были горы, покрытые хвойными деревьями.

Резун сидел молча и почти ни о чем не думал. Волнение прошло. Теперь он знал наверняка, сидя в машине с английскими дипломатическими номерами: он вне опасности. «Как бы там ни было, а шкуру свою я спас и унес ноги от КГБ!» — думал Владимир. Татьяна, которая после сильного нервного срыва впала в какое-то безвольное, безразличное состояние, больше всего его беспокоила. Он боялся новых срывов, не зная, как она поведет себя в дальнейшем. Ему казалось, что она не осознала, что с ними случилось и что им предстоит еще испытать.

Проехав километров шестьдесят по гористой лесистой местности, машина свернула на грунтовую дорогу и вскоре остановилась у отдельно стоящей виллы с большим участком, огороженным глухим забором.

Ворота открылись, и две машины одна за другой въехали на участок и остановились на асфальтированной площадке у парадного подъезда, освещенного небольшими тусклыми фонарями. Гостей ждали. В холле горел слабый свет.

Резунов разместили на втором этаже. Дети после поездки в машине даже не проснулись. Татьяна, едва прикоснувшись к подушке, сразу уснула мертвым сном. А вот Владимир долго не мог заснуть. Ворочался с боку на бок. Лежал с открытыми глазами и думал, думал, думал. На душе было беспокойно. А что, если всю эту историю с отправкой его в Союз придумали англичане? И никакая опасность ему не грозила, а он поверил, струсил? Он старался отогнать прочь эту мысль, но она, как змея подколотная, возвращалась и раздражала.

На следующее утро, проснувшись и придя в себя от действия психотропных таблеток, которыми ее усиленно пичкали «заботливые» англичане, Татьяна начала плакать, впала в истерику. Она просила мужа позвонить в советское посольство, узнать что-нибудь. Ей не хотелось верить, что советское руководство приняло несправедливое и суровое решение об отправке их в Союз. Ей казалось, что произошла какая-то нелепая, дикая ошибка и что еще можно все исправить. Когда она думала о том, что никогда больше в жизни не увидит свою мать, отца, брата, ей становилось дурно, сердце обливалось кровью. Женская интуиция подсказывала ей, что здесь что-то не так.

Резун по ее просьбе три раза звонил с виллы в советское посольство. Англичане не препятствовали этому. Дежурный по посольству, узнав, кто с ним говорит, совершенно не удивился звонку и не выразил какой-либо озабоченности. Владимиру показалось, что исчезновение его и его семьи никого не взволновало и не тронуло. Никому не было никакого дела до него. Похоже, дежурный по посольству даже не знал о случившемся ЧП в советской колонии.

В конце концов Татьяну, не без помощи таблеток, удалось успокоить. Она снова впала в какое-то меланхолическое, безразличное ко всему состояние.

А еще через пару дней семью Резунов самолетом переправили в Англию. Эта операция для СИС не представила какой-либо трудности. В Швейцарии они чувствовали себя хозяевами, препятствий для их спецслужб там не было. Было только взаимопонимание и помощь со стороны

официальных властей нейтральной Швейцарии.

В Англии семью Резунов разместили в отдельном доме, километрах в тридцати-сорока от Лондона. Дом был расположен среди тенистых деревьев и напоминал небольшую частную двухэтажную гостиницу на несколько постояльцев. Никаких других построек и жилья вблизи дома не было. Внизу, на первом этаже, был небольшой холл, крохотная столовая на три-четыре стола, стойка бара, кухня. Широкая деревянная лестница с резными старинными перилами вела на второй этаж, где располагалось четыре или пять комнат. Каждая комната соединялась с другой причудливым коридором, образуя своеобразный лабиринт. Коридоры, комнаты, переходы — вся архитектура дома дышала стариной и напоминала таинственную атмосферу детективных рассказов Агаты Кристи.

Хозяйка, худенькая, незаметная женщина средних лет, с акцентом говорившая по-русски, выполняла в доме также и роль кухарки.

У большинства англичанок совершенно отсутствует так привлекающая мужчин женственность, та неповторимая прелесть, которую трудно выразить и объяснить, а французы называют емким словом «шарм». У англичанок какая-то лошадиная порода, никаких женских прелестей, волнительных линий, томных взглядов. Всё на виду. Никакой тайны. Конечно, случаются и приятные исключения. Но исключения лишь подтверждают правило.

Один товарищ, много лет проживший на Альбионе, как-то заметил: «За все время только один раз встретил красивую женщину, да и та оказалась полячкой».

На первом этаже в отдельной комнате у входной двери всегда стояла машина. В доме постоянно находился дежурный офицер, мистер Смит, к нему Резуну рекомендовали обращаться по всем вопросам. Он вполне сносно говорил по-русски.

Несколько дней Резуны жили в этом доме-гостинице. Их никто не беспокоил и не тревожил. Утром часов в девять они спускались в столовую на первый этаж, где их уже ожидала молчаливая хозяйка. Здоровались. В столовой никого не было. Они садились за стол. На плетеной деревянной подставке в виде глубокой тарелки лежали теплые тосты, накрытые салфеткой. На отдельной тарелке лежали кубики масла, обернутые в блестящую бумагу; сок в графине; маленькие пластмассовые упаковки джема. Хозяйка приносила, как потом узнал Резун, так называемый английский традиционный завтрак: яичницу из двух яиц с кусочком слегка поджаренного бекона и фасолью. Пожелав приятного аппетита, она исчезала за дверью кухни. Появлялась вновь, когда с яичницей было покончено, и вежливо предлагала чай или кофе.

В холле на втором этаже был телевизор, но Владимир и Татьяна редко включали его.

Надо было помыться с дороги, искупать детей. Возникли проблемы. Сначала надо было нагреть горячую воду в титане. Когда кончилась горячая вода, пришлось сидеть в холодной ванной комнате, дожидаясь новой порции воды. Требовалась определенная сноровка, чтобы приспособиться к английской бережливости во всем и отучиться от русской расточительности. Правда, кое-какой опыт они уже приобрели, прожив в Швейцарии более трех лет.

На третий день их пребывания в Англии к дому подъехала машина, из нее вышли мужчина и женщина. Дежурный офицер объяснил Резуну, что приехавшие господа хотели бы с ним переговорить. Офицер познакомил Резуна с прибывшими. Дама оказалась переводчицей, мужчина, не называя своей фамилии, сказал, что ему поручено доставить Резуна в офис для беседы с официальными должностными чиновниками Министерства иностранных дел Великобритании.

Резун не понял толком, где состоялась его первая встреча с сотрудниками СИС: то ли в Лондоне, то ли в каком-то небольшом городишке в пригороде столицы. Англия ему показалась вначале одним большим городом.

В первой беседе принимали участие три гражданских чиновника и женщина-переводчик. Никто из англичан не называл своих фамилий, ограничиваясь на американский манер именами. Среди участников был один знакомый Резуна по Швейцарии, резидент СИС, мистер Тир, который в Цюрихе представился ему как мистер Фишер. По тому, как вели себя англичане, Владимир сообразил, что главный среди них — сухопарый седовласый джентльмен с короткой стрижкой в очках. Он и вел беседу, задавал основные вопросы, отвечал Резуну. Остальные почти не принимали участия в беседе.

Разговор начался с того, что сухопарый англичанин коротко поздравил Резуна с благополучным прибытием в Англию и предоставлением ему и его семье королевой Великобритании статуса беженцев.

— Не по нашей вине вам пришлось стать беженцем, — начал англичанин. — Вам известно, что КГБ шел по вашему следу и готов был вас арестовать и насильно отправить в Россию. Там вам грозила неминуемая смерть. Мы вырвали вас из лап КГБ благодаря умелым и решительным действиям наших сотрудников в Швейцарии. — При этих словах он слегка повернул голову в сторону Тира и продолжил: — Здесь вы можете себя чувствовать в полной безопасности. Она гарантирована вам и вашей семье Ее Величеством королевой Великобритании. В свое время вы дали согласие сотрудничать с нами. Мы это ценим, это похвально. Но ситуация резко изменилась, и нам пришлось вас спасать, вырывать из рук КГБ. Вам будет предоставлена полная свобода выбора. Надеюсь, вы скоро оцените наши демократические свободы. Я вижу, вы что-то хотите сказать?

— Да, я хочу кое-что спросить, — начал несмело Резун, преодолевая волнение, нахлынувшее на него. — Что меня ждет здесь у вас, в Англии? Мне обещали, насколько я понял, предоставить жилье, работу, установить твердую зарплату. И что означает статус беженца?

Когда женщина-переводчица перевела до конца вопрос Резуна, тонкие губы сухопарого джентльмена слегка дрогнули и растянулись в едва заметную, если можно так назвать, улыбку.

— После обязательной процедуры опроса, — сказал англичанин, — которая займет довольно много времени, вам и вашей семье будет предоставлен вид на жительство, оказана помощь в устройстве на работу, подыскано жилье, изменена внешность, если это потребует. Вы знаете, у КГБ длинные руки, и мы должны обезопасить вас от любых неожиданностей и случайностей. Что вам обещали, — продолжал сухопарый, переходя на жесткий тон, — я право, не знаю. Но мы ни кому деньги просто так не платим. Их надо заработать. Такую возможность мы вам предоставим. В нашем демократическом государстве, кстати, как и у коммунистов, существует лозунг: «Кто не работает, тот не ест». Этот лозунг коммунисты взяли у немца Лессинга, был такой писатель, если помните.

— А если я откажусь от опроса? — нерешительно выдал из себя Резун.

— Вас никто принуждать не будет, — резко парировал англичанин. — Но в таком случае наша помощь ограничится предоставлением вам и вашей семье статуса беженцев. В остальном вы будете предоставлены сами себе. Вы в этом случае, если пожелаете, можете вернуться к себе на родину, в Россию. Ведь никаких подписок о сотрудничестве с нами вы не давали. Правда, устно вы согласились продолжать с нами работу. КГБ, конечно, в случае вашего возвращения обрадуется, но не поверит ни одному вашему слову и в лучшем случае отправит вас в Сибирь.

Резуну при этих словах показалось, что серые бесцветные глаза англичанина потухли, словно в них погас свет, и они превратились в черные холодные плазницы мертвеца, взирающие безучастно на него. Когда старик упомянул о возможном изменении внешности и длинных руках КГБ, холодок пробежал по спине Резуна, и ему почему-то вспомнился случай с убийством Степана Бандеры советским нелегалом в Германии. Он читал где-то об этом.

На улице стояла жара, было душно, в комнате, где проходила беседа, чуть слышно работал кондиционер. Резуну стало холодно, озноб охватил

его, он вот-вот мог потерять сознание.

— Я должен подумать, — отпив воды из бокала, проговорил Владимир.

— Да, да, подумайте, господин Резун. Когда будете готовы с ответом, дайте нам знать через мистера Смита. Мы продолжим нашу беседу, — сказал англичанин и добавил: — Кстати, по нашим сведениям, КГБ и русские официальные лица начали усиленно вас искать. До свидания, господин Резун.

На этом первая беседа с Резуном закончилась. Возвратившись, он ничего не стал рассказывать жене, просто коротко бросил, что все в порядке. Уже в машине по дороге к гостинице он решил пойти на все условия англичан, считая, что все мосты он за собой сжёт.

Несмотря на принятие перед сном двойной порции снотворного, Резун и в эту ночь долго не мог заснуть. В голове крутился вчерашний разговор с сухопарым англичанином. Сердце тревожно билось, несколько раз он вставал, выходил на кухню, пил воду. Промучавшись без сна несколько часов, под утро наконец заснул тяжелым беспокойным сном. Уже светало, когда Резун открыл глаза, разбуженный Татьяной, тормошившей его за плечо. Супруг непонимающими глазами смотрел на жену, силясь понять, что случилось.

— Что с тобой? Ты так громко кричал во сне. Детей разбудишь, — с тревогой в голосе спрашивала жена.

— Ничего не помню, — отвечал Резун. — Что-то страшное приснилось, но что, не помню.

На следующий день он попросил дежурного офицера передать, что готов встретиться с официальными лицами и сообщить о своём решении.

За ним пришла машина и доставила его в тот же офис, где состоялась первая беседа.

И в этот раз беседу вел уже знакомый Резуну сухопарый англичанин. Присутствовали и другие лица, незнакомые ему, переводила все та же женщина.

После обмена приветствиями англичанин через переводчицу начал:

— Господин Резун, мы надеемся, что вы все хорошо обдумали и готовы сообщить нам свое решение.

— Да, — ответил уверенно Владимир. — Я принял решение согласиться с опросом и готов ответить вам на любые вопросы.

— Хорошо, думаю, вы приняли правильное решение, — ответил англичанин, не скрывая улыбки.

Резуну показалось, что лица других присутствующих на беседе как-то просветлели. До этой минуты они сидели мрачные, как воды в рот набрали. Даже переводчица заметно оживилась, спеша перевести на английский ответ русского. Радостным светом вспыхнули глаза Тира. И это, пожалуй, можно было понять: ответственность за успех этой операции лежала на его плечах. И опытный бывалый разведчик не смог скрыть радости.

Говорят, глаза — зеркало души. Опытный психолог по ним может, как по книге, прочесть мысли и чувства человека. Увидеть в них страх, радость, злость, решительность, настороженность, ум, глупость. У людей, привыкших скрывать свои чувства от других, глаза всегда нейтральны, холодны, как бездонная пропасть. Одна только неизвестность.

— При нашей первой встрече я уже обратил ваше внимание на то, — продолжал англичанин, — что опрос займет довольно продолжительное время. Так что придется эти дни усиленно поработать с нашими экспертами. Думаю, начнем завтра, не откладывая дела в долгий ящик. А сейчас мы должны исполнить некоторые формальности и закрепить наши отношения письменно. Вам следует написать сейчас прошение на имя Её Величества королевы Великобритании, где следует указать, что, избегая преследования со стороны советских властей, вы добровольно попросили убежище в Великобритании и готовы честно ответить на все поставленные вам вопросы. Возьмите вот эти листы и дома напишите подробную автобиографию, придерживаясь схемы, которая там указана.

Резун написал прошение о предоставлении ему и его семье политического убежища. На этом вторая беседа закончилась.

Начался интенсивный опрос Резуна. В течение нескольких недель его каждый день доставляли на конспиративную квартиру СИС и несколько сотрудников задавали ему самые различные вопросы. Особенно их интересовала служба Резуна в Советской армии и ГРУ. Все беседы записывались на видео- и аудиоаппаратуру. Во время бесед с сотрудниками СИС ему демонстрировались различные отрывки из фильмов, предъявлялись фотографии советских граждан для опознания. Его просили назвать работников резидентур КГБ и ГРУ в Швейцарии, работников ГРУ в Центре, дать характеристики на знакомых офицеров разведки.

Резун подробно отвечал на все поставленные вопросы, назвал англичанам сотни фамилий, вспомнил и перечислил даже всех своих товарищей по суворовскому училищу, на многих дал подробные характеристики, называл адреса учреждений, воинских частей, где ему приходилось бывать и служить. Память у него была отменная. Иногда ему задавали одни и те же вопросы, просили повторить. Все что помнил, Резун сообщил англичанам. Умолчал только об одном: о своей бисексуальности. Англичане и не спрашивали его об этом, будучи хорошо осведомленными в этом вопросе.

После того как опрос закончился, Резуну сообщили, что официальные власти СССР предпринимают интенсивные попытки установить местонахождение его семьи.

27 июня 1978 года швейцарские власти с подачи СИС сообщили, что Резун с семьей благополучно прибыл в Англию, где попросил политическое убежище. Эта просьба была удовлетворена властями Великобритании, о чем 28 июня в газете «Дейли телеграф» было опубликовано соответствующее заявление.

Эту информацию Резуну сообщил все тот же сухопарый англичанин. Он добавил, что с советской стороны предпринимаются энергичные попытки через посольство СССР в Лондоне организовать встречу с бывшими советскими дипломатами.

— Ни нам, ни вам, господин Резун, такая встреча, как вы, надеюсь, понимаете, нежелательна, — сказал англичанин и добавил: — Кроме того, советская сторона запросила в нашем консульстве визу на вашего отца в Англию для встречи с вами. Я думаю, что это совершенно ни к чему. Вам следует письменно подтвердить свое нежелание встречаться как с советскими официальными лицами, так с отцом, а также возвращаться в СССР.

Резун письменно подтвердил свое нежелание встречаться с кем-либо из советских сотрудников и одновременно пригрозил выступить перед западными журналистами с рядом заявлений политического характера, направленных на причинение ущерба военной безопасности СССР.

Выступление Резуна было записано на видеокассету для демонстрации советским официальным лицам.

Когда Резун по ночам думал об отце и о его приезде в Англию, кошки скребли у него на сердце. Он представлял себе сцену встречи с отцом, и его охватывал панический страх. По ночам ему снились его любимый дед Василий и отец. Иногда он просыпался ночью, и ему слышался голос отца: «Я тебя породил, я тебя и убью».

После опроса его все чаще стали посещать страшные сны. Однажды приснилось, как в квартиру ночью со страшным шумом вломились три молодых здоровых парня. Одного он сразу узнал — Юрка из резидентуры КГБ в Швейцарии, высокий блондин из посольства, любитель выпить. Другой здоровяк, Эдик из консульского отдела, сосед, нахальный и самоуверенный, спортсмен-волейболист. Третьего он не разглядел. (Англичане очень интересовались Юркой при опросе и особенно его женой Светланой, дочкой какого-то высокого начальства из КГБ.)

Блондин подошёл к кровати, сдернул одеяло и приказал суровым голосом: «Вставай, подонок, одевайся. Мы пришли с тобой поговорить,

продажная тварь. Нам известно, что ты наговорил англичанам. Сейчас покажем тебе, сука поганая, как Родину продавать».

При этих словах Резун проснулся, открыл глаза и несколько минут лежал неподвижно, не понимая, что происходит и где он находится. Наконец пришло ощущение реальности, он сел на кровати, утер лицо пододеяльником, потряс головой, встал и отправился на кухню. За окном уже брезжил серый рассвет. Где-то там, далеко, на его бывшей Родине уже вставало солнце.

14 августа 1978 года работникам советского посольства в Великобритании была продемонстрирована видеозапись заявлений Резуна, где он выдал совершенно секретные сведения о принадлежности ряда сотрудников представительства СССР при ООН в Женеве к советским спецслужбам.

Отцу Резуна, который дважды приезжал в Англию, чтобы встретиться с сыном, было отказано в свидании и заявлено, что с ним не желают встречаться. Богдану Васильевичу показали даже видеозапись, где Резун подтвердил свой отказ от встречи с отцом. Письма от родственников мужа и жены из СССР не были переданы семье Резунов английскими властями. Побаивались, вдруг русский дрогнет, не устоит перед отцовскими укоряющими глазами, упадет на колени и начнет просить прощения.

После того как разбитый горем отец возвратился домой, не встретившись с сыном, деду Василию стало известно о предательстве внука. Слухи об этом быстро поползли и распространились по Черкассам. Знакомые отворачивались при встрече, старались не замечать, перестали здороваться.

Старик не смог пережить такого удара и вскоре повесился в туалете, оставив после себя ключок бумаги, на котором дрожащей старческой рукой были нацарапаны слова: «Иуда, проклинаю».

А в это время семья Резунов в Англии переехала в отдельный дом. Предателю был назначен твердый оклад и подписано с ним соглашение о сотрудничестве с СИС. Теперь уже надо было отрабатывать похлебку из корыта для предателей.

Перед этим сухопарый англичанин, который, по всей видимости, отвечал в СИС за дело Резуна, настойчиво внушал ему, что надо отрабатывать те услуги, которые любезно предоставлены ему и его семье правительством Англии. Он рекомендовал ему прочитать «Записки Пеньковского», снабжал его книгами известных английских авторов, сотрудничавших с английскими спецслужбами. Предлагал прочитать книги Джорджа Оруэлла «Скотный двор», «1984», Артура Кестлера «Слепящая мгла». Старик очень интересовался информационными возможностями Резуна, предлагал иногда что-нибудь обобщить и написать на заданную тему, чаще всего о ГРУ или КГБ.

— Вы в своей биографии отмечали, — скрипучим голосом спрашивал он, — что в ГРУ у вас были успехи в информационной работе, это так?

— Да, мои информационные телеграммы пользовались успехом у начальства.

— Это очень хорошо, — говорил англичанин. — Вам, может быть, следует попробовать себя в журналистике, напишите что-нибудь о вашей прежней службе в ГРУ.

— В Военно-дипломатической академии Советской армии меня интересовала тема масонства и сионизма в разведке. Я даже написал в свое время реферат на эту тему. Может быть, попробовать её развить?

— Нет-нет, — почему-то испуганно замахал руками сухопарый. — Это тема нас совершенно не интересует. И вам советую никогда не возвращаться к ней, она взрывоопасна.

Через некоторое время Резуна, на правах человека свободной профессии, сделали нештатным сотрудником департамента внешнеполитической информации. Здесь разрабатывалось множество программ, нацеленных на борьбу с Советским Союзом. В департаменте работали главным образом сотрудники «Сикрет интеллидженс сервис», но также эмигранты и перебежчики из восточноевропейских стран, диссиденты всех мастей.

Деятельность информационно-исследовательского департамента охватывала широкие сферы публикации в СМ И через доверенных журналистов материалов СИС, рассылку в страны противника подпольных изданий самиздата, распространение различной антисоветской литературы, направление в СССР и социалистические страны специально обученных агентов и эмиссаров с заданиями выискивать потенциальные объекты для идеологической обработки и т. д. В области «черной» пропаганды действовали удачливые по-своему люди с рыночной и коммерческой жилкой. Часто это были специалисты в области торговой рекламы, сведущие в человеческой психологии.

Потеряв возможность сделать завербованного Резуна «кротом» в ГРУ, «Сикрет интеллидженс сервис» не отказалась от мысли использовать его против СССР. В СИС всегда существовал незыблемый принцип: с паршивой овны хоть шерсти клок. Прагматичные американцы в таких случаях поступают по-другому: использовал — выбросил. Так называемый принцип Тоффлера. Согласно английским принципам разведки, шпион и после своего провала или потери агентурных возможностей должен послужить разведке.

Несостоявшегося «крота» СИС решила сделать писателем и превратить в пропагандистский товар, который можно сбыть доверчивым, но падким на дешевые сенсации читателям.

Оружие дискретитации противника ковалось в Великобритании на протяжении всей ее истории. В спецслужбах всегда были великие мастера психологической войны, способной влиять на сознание населения, подрывать морально-нравственные устои общества. «Сикрет интеллидженс сервис» весьма преуспела в этой сфере деятельности. Ее роль определяется тем, что именно в обязанности разведки входит проведение особых подрывных пропагандистских акций, которые принято называть «черной» пропагандой. Бывший работник ЦРУ Филипп Эйджи, который разоблачил подрывные действия ЦРУ, дал емкое определение: «„Черная пропаганда“ — это анонимный материал, приписываемый несуществующему источнику, или сфабрикованная информация, приписываемая источнику реальному». Всем этим прекрасно владеет СИС. Главным инструментом является ложь. Сбить с толку, ввести в заблуждение, создать искаженное представление о противной стороне, возбудить неприязнь к жизни и помыслам народа противной стороны. Возбудить страх к противнику у своего народа: «Красный у тебя под кроватью». Это не просто метафора, это гиперболизированная установка на поиск шпионов.

Перед Резуном как перед бывшим военным разведчиком была поставлена задача написать о ГРУ книгу, а в дальнейшем поработать над темой о причинах развязывания Второй мировой войны.

Англичане предварительно очень хорошо и умело их использовали. В помощь Резуну дали нескольких советологов, поднаторевших в «черной» пропаганде против Советского Союза.

Книга «Советская военная разведка» стала его пробой пера. Она вышла в 1984 году на английском языке и была посвящена ГРУ. Книга не вызвала никакого интереса у читателя. Она была написана казенным языком и не могла быть отнесена к литературным шедеврам. Книга явно не удовлетворила заказчиков. Они хотели получить сенсацию, а ее-то как раз и не получилось. Компания советологов, выступавших под псевдонимом Виктора Суворова, пыталась изобразить ГРУ в виде гигантского монстра, раскинувшего свои щупальца во всем мире. Не получилось.

Уже в своем первом опусе, содержащем довольно много развесистой клюквы, Резун доходит до анекдотических утверждений, например, что вся советская космическая программа (включая первый спутник и первый пилотируемый полет Гагарина) была скопирована с американской. Эту

книгу англичане не решились опубликовать на русском языке. Слишком откровенной оказалась ложь даже для таких мастеров её изготовления, как англичане. Всем известно, что большинство основополагающих идей было заимствовано американцами у русских. Достаточно напомнить, что успешный полет американцев к Луне осуществлялся по расчетам, предложенным русским ученым Кондратьевым.

Резун с компанией приступил к написанию «Аквариума».

Он писал, но получалось криво. Вспоминал, и не раз, во время своего словоблудства преподавателя русского языка и литературы в суворовском училище Колясинскую, своего помкомвзвода Анатолия Ворончука. «Эх, вот бы мне перо Анатолия, — мечтательно думал троечник Резун. — Дело бы тогда быстро пошло на лад».

Однако сама идея — сочинить пасквиль на ГРУ — очень понравилась начальству. В группе поддержки Резуна нашлись мастера, которые умели делать из мухи слона. Работа закипела. Резун рассказывал разные байки о своей службе в Прикарпатском военном округе, об участии в маневрах и учениях. Советологи придумывали фон, сочинили историю об участии Резуна во вводе советских войск в Чехословакию в 1968 году, в которой он никогда в жизни не был. И так пошло-поехало, чем дальше, тем больше вранья. Резун рассказывал о спецназе, в котором он никогда не служил. Фабрика лжи набирала обороты. Резун вошел во вкус, почувствовав себя настоящим писателем-диссидентом, он вспоминал армейские афоризмы, солдатские шутки, командирскую ругань во время учений.

Через некоторое время коллективный труд был закончен и представлен начальству на просмотр.

Автора и его команду поблагодарили, прибавили несколько сребреников к зарплате, добавили лишний черпак похлебки в корыто, приказали перевести книгу на несколько иностранных языков. Переводчиков в СИС было пруд пруди.

Но начальство медлило с выходом книги, видимо, считая, что не пришло время запускать «Аквариум». Надо было подождать, когда их ставленник, меченный сатаной, станет у руля правления СССР.

И такое время скоро настало.

— Запускайте «Аквариум»! — скомандовали из Сенчури-Хаус.

Через свою агентуру в средствах массовой информации многих стран мира СИС запустила подготовленную к печати фальшивку в продажу.

На свет родился новый писатель, несостоявшийся разведчик.

Книга «Аквариум» стала издаваться на средства спецслужб Запада массовыми тиражами, дурача наивных читателей и принося автору немалые барыши.

А время шло. СССР развалился, превратился из некогда великой державы во второразрядный раздираемый противоречиями сырьевой придаток Запада. В развале СССР большую роль сыграла пятая колонна, которую просмотрело 5-е Управление КГБ СССР, а скорее всего, видело ту колонну, но не смело тронуть.

Чтобы добить окончательно все здоровое, что осталось от СССР, надо было сочинить более солидную утку. Как пишет в своей книге «КГБ против Ми-6. Охотники за шпионами» генерал КГБ Рэм Сергеевич Красильников: «В 50-е годы в СИС уже существовало подразделение СПА — Специальных политических акций, которое располагало собственной агентурой, тайными радиостанциями, а также определенными позициями в средствах массовой информации, имело контакты в университетах и других учебных заведениях, в исследовательских центрах и частных фондах. Так, по заданиям СИС Среднеазиатский исследовательский центр в Лондоне вел интенсивную работу по компрометации национальной политики Советского Союза. „Исследования“ центра использовались в британских средствах массовой информации, рассылались по каналам научных связей в Среднеазиатские республики СССР, в адреса отдельных советских граждан. СПА осуществляло пропагандистские кампании, направленные на подрыв влияния Советского Союза за рубежом, на организацию антисоветских провокаций на международных форумах».

Излюбленными сюжетами СПА были: «культ личности Сталина», «политические заключенные в СССР», «преследование евреев в Советском Союзе» и другие.

Когда Германия была разгромлена и схлынул страх перед угрозой фашистского нашествия, Запад принялся раздувать тему ответственности за развязывание Второй мировой войны. Советологи, связанные с разведкой, немало потрудились, чтобы вину за это возложить на нашу страну. Они лезли из кожи вон, стараясь доказать, что Советский Союз, дескать, способствовал наращиванию немцами военных мускулов, превратно истолковывая смысл договора о ненападении между СССР и Германией.

И вот горе-перестройщики во главе с идеологом партии, агентом влияния по совместительству А.Н. Яковлевым вытащили на божий свет этот пакт и стали его мусолить, стараясь уличить Советский Союз и Сталина в тайном сговоре с фашистской Германией и Гитлером.

В этой обстановке как нельзя кстати оказался выращенный СИС «писатель» Виктор-Владимир Суворов-Резун.

Такой шанс нельзя было упустить, надо было нанести удар по самому святому для советских людей, по памяти о Великой Отечественной войне. Надо было вырвать у русских самое дорогое — победу над фашизмом, обвинив нас в развязывании войны с фашистской Германией.

И вот за дело взялся Резун, но уже с другой зондеркомандой, сформированной из лжеисториков. Появилось на свет коллективное творчество, обвинявшее Советский Союз в готовящейся агрессии против Германии, под авторством Виктора Суворова в роли «военного историка».

Российские средства массовой информации превратились в трибуну иностранных спецслужб, предоставили широкие возможности «писателю» для публикации его «трудов». По каналу НТВ был показан восемнадцатисерийный фильм «Последний миф» Владимира Синельникова по мотивам «Ледокола», который ставил под сомнение нашу победу в Великой Отечественной войне и протаскивал бредовые идеи Резуна о готовившейся агрессии СССР против фашистской Германии.

Английские спецслужбы могут быть довольны: операция с Резуном удалась на славу. Многие работники, принимавшие участие в ней, заслуженно получили повышения по службе. Один из руководителей операции по вербовке Резуна в Швейцарии стал даже заместителем генерального директора СИС, таинственного мистера Си.

Казалось бы, и главный исполнитель заказов СИС, предатель Родины, бывший разведчик Владимир Резун должен быть удовлетворен своей работой, приборетя «мировую» славу писателя. Ведь может случиться и так, что по ходатайству СИС Нобелевский комитет сделает его лауреатом в номинации «Борьба за мир».

Как с гордостью говорит Резун в интервью с Михаилом Гохманом «Московским новостям» в номере 14 от 3–9 апреля 2001 года: «У меня хороший дом, хорошая семья». Нет, лукавит «писатель». Иудин грех не прощается, его ничем не смоешь, даже кровью, он останется в веках. Ни один предатель Родины не избежал возмездия.

— У вас есть традиционный английский дом? — спрашивает его Гохман.

— Ещё какой! — с гордостью отвечает предатель. — Дом с садом, как положено — два этажа, верхний — спальня, там пять комнат. В нижнем — мраморный камин, это тоже — как положено... Гараж на две машины, два кота — Мишка и Гришка.

Почему не назвал одного из котов Васькой, в честь деда, который повесился от счастливой жизни внука? Помалкивает предатель и о том, что перед смертью отец сказал Синельникову, что сын принес семье горя больше, чем Гитлер. Вот вам и хорошая семья.

Резун в интервью умалчивает о детях, которых он лишил Родины. Дочь Оксана имела большие проблемы: воровала в школе, била стекла, сколотила какую-то пайку. Жена Татьяна неоднократно обращалась к психиатрам, лежала в психбольнице.

Есть прекрасный дом с садом, две машины, деньги в банке. Нет самого малого — Родины. А так всё есть, как в Греции.

Глава 9

У ХВОСТА КОНЯ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

Сам погибай, а товарища выручай.

А. В Суворов

9 мая 1995 года я спешил на традиционную встречу суворовцев — выпускников Воронежского суворовского военного училища.

Друзья пообещали познакомить меня с ребятами, которые учились в течение семи лет с Резуном. Мне было интересно встретиться с бывшими однокашниками Резуна и узнать их мнение о нем.

Вот уже около пятидесяти лет существует эта традиция. Эту встречу суворовцы между собой окрестили по-разному: кто называет ее «У копыта», а кто — «У хвоста лошади князя Юрия Долгорукого».

Выпускник Воронежского суворовского военного училища А. Жигулин написал такие вдохновенные строки о своей альма-матер:

Воронеж! Родина! Любовь!
Все это здесь соединилось
В мой краткий век, что так суров,
Я принимаю, словно милость,
Твоей листвы звенящий кров.
И что ты там судьба, городишь?!
Тебе вовек не сдамся я,
Пока на свете есть Воронеж —
Любовь и Родина моя!

Каждое суворовское училище имеет свое место встреч. Большинство встречаются у памятника генералиссимусу А. В. Суворову на площади Коммуны, некоторые в Парке культуры и отдыха имени Горького, у Большого театра, в других местах. Такие встречи проводятся и в других городах бывшего Советского Союза, где когда-то были или продолжают существовать суворовские училища, — в Ленинграде, Киеве, Минске.

Около 12 часов дня я вышел из метро у станции «Белорусская» и направился по Тверской к месту встречи.

Был солнечный весенний день. На улице много народа. Еще в метро я ощутил атмосферу праздника: встречались нарядно, по-праздничному одетые люди в военном и штатском, мужчины и женщины с орденами и медалями. В основном люди пожилого возраста. Встречалась и молодежь: участники войны в Афганистане, в других горячих точках. Все спешили на встречи с друзьями-однополчанами.

На улице гремела музыка. Исполнялись песни военных лет, ведь отмечалась 50-я годовщина Победы советского народа над фашистской Германией. От Белорусского вокзала к Манежу двигались праздничные колонны демонстрантов. На тротуарах стояло много народа, люди приветствовали их. Как в прежние советские времена — море красных полотнищ. Демонстранты несли транспаранты с лозунгами, карикатурами, клеймящими ельцинский преступный режим. Я подошел к одному милиционеру, стоящему на тротуаре. Разговорились. Конечно, коснулись политики, положения в стране. В конце беседы милиционер говорит мне: «Против своего народа никогда не пойду, какие бы приказы ни отдавали. Хватит. Сыты по горло демагогией демократов».

Чем ближе подхожу к месту встречи, тем сильнее бьется сердце, тем становится волнительнее и радостнее. Сейчас увижу многих знакомых, близких мне по духу людей.

Издаലെка около памятника замечаю кучки людей в военном и штатском. Подхожу ближе. Вижу небольшого роста, энергичного полковника. Это мой старый знакомый Гоша Лешин, суворовец второго выпуска 1949 года. Он — хранитель традиций ВжСВУ. Он летописец нашего родного училища.

Полковник Лешин ведет активную переписку с бывшими выпускниками, преподавателями, офицерами-воспитателями училища. У него имеется база данных практически на весь личный состав момента возникновения училища — 1943 года до расформирования — 1963 года.

В тот день мне по-настоящему повезло не без помощи того же Лешина. Я познакомился с тремя великолепными парнями из 2-й суворовской роты, в которой учился Резун. Одного из них, Алексея, я знал до этой встречи. Мы с ним вместе работали когда-то за рубежом, потом сотрудничали в бизнесе.

Алексей пригласил меня и своих товарищей Сергея и Владимира в ресторан «Арагви».

— Давненько мы здесь не бывали! — потирая ладони, проговорил Сергей.

Алексей — красивый мужчина под пятьдесят, внешне удивительно похожий на последнего царя Николая II. Седая борода, усы, манеры настоящего русского интеллигента чеховского времени. Медленная взвешенная речь. Судьба так распорядилась, что после окончания Воронежского суворовского училища в 1965 году ему пришлось расстаться с детской мечтой стать военным, как его отец и мать, прошедшие дорогами войны. Окончил МГИМО, работал журналистом-международником во многих странах мира. Его друзья под стать ему. Сергей — сын потомственного военного, полковника. Вот уже больше двадцати лет живет на чужбине. Он не диссидент, наоборот, русофил, почвенник. Любовь забросила его в Германию. Он писатель, драматург, режиссер. Его пьесы с успехом идут на сценах многих театров мира. Он больше всех говорит. Его можно понять. Изголодался человек по русской речи, по общению с друзьями.

Владимир, генерал-майор в отставке, как и я, бывший офицер ГРУ. Ему пришлось раньше времени стать невыездным. Заложил Резун. Стал неперспективным для выезда и работы за рубежом. Вместе с Алексеем занимается коммерцией. Этим трех товарищей крепкая дружба связывает много-много лет, с 1958-го — года поступления в Воронежское суворовское военное училище. Их дружба прошла испытание жизнью.

После выпитых нескольких рюмок разговор за столом оживился. Пошли воспоминания. Конечно, о самом дорогом и родном, о годах в суворовском училище. Вспоминали преподавателей, офицеров-воспитателей, друзей-товарищей суворовцев. Рассказывали, кто и где служит, работает, кто с кем и когда встречался. Вспоминали различные курьезные случаи. Рассказывали анекдоты, шутили, смеялись.

— Ребята, — начал Сергей, — наш-то Иудушка расписался за бутром. В Мюнхене в книжном магазине на витрине видел его «Ледокол». Помните, как его сочинения наша русичка разбирала на уроках. Цитировала афоризмы, от которых пупки от смеха развязывались.

— Я прочитал его «Аквариум», — вмешался в разговор Владимир. — Другие его книги меня после прочтения «Аквариума» просто не

интересуют. Какой-то идиот в одном из интервью сравнил Резуна с Хейли. Как специалист могу сказать, что всё, что он пишет о ГРУ, — это чушь собачья. Процедура приема и обучения в Военно-дипломатической академии Советской армии описана так, что просто не хочется ничего опровергать и доказывать. Думаю, что читатель сам усомнится. Такая система, как он описал, может воспитать и готовить только идиотов, а не разведчиков, а в ГРУ, слава богу, несмотря на вакханалию власти в нашем государстве, удалось сохранить преданные Отечеству кадры разведчиков-профессионалов, о чем хорошо знают на Западе те, кто ведет борьбу с нашей разведкой. Кстати, Резуном в книге и не пахнет. Уверен, кто-то водил его рукой. Военные байки, может быть, и его, обработанные литературно пиаровцами.

— Но я как гражданский человек, — продолжал неугомонный Сергей, — не могу понять, как этот подонок мог попасть в такую серьезную секретную организацию, как ГРУ, в святая святых. Вот вы оба из ГРУ, — обратился он ко мне и Владимиру, — можете объяснить мне, простому обывателю, далёкому от разведки человеку? Ведь он в нашей второй гвардейской, как мы себя называли, роте был самый заурядный по всем показателям суворовец. Сколько было у нас настоящих классных парней: смелых, умных, сильных. А вот этого кретина взяли. Как такое могло случиться? Не пойму. Он и в армии-то не служил. Наверняка кто-то его протащил туда, не иначе. У него было одно отличие от всех, вы знаете. Алферыч, наш незабвенный и любимый каптенармус, любил шутить над ним, когда говорил: ты, малый, в «суку» пошел, наверное.

Помните, какие сцены он закатывал в Калинин в бане. Такие вещи мог позволить себе только дегенерат. Я как сейчас помню, как он иногда расхотелся. Эта сцена стоит перед моими глазами. В бане пар столбом поднимается к потолку, голые мускулистые ребята столпились вокруг Резуна. Он стоит маленький, толстенький и держит речь: «Вот вы, умники-отличники, спортсмены-разрядники, силачи. А кто из вас может потягаться со мной вот в этом? — при этих словах Резун демонстрировал свои мощные гениталии. — Не стесняйтесь, — расхотелся он, — покажите ваши жалкие пиписки. И вы убедитесь, кто из нас настоящий мужчина».

— Эти представления мы все хорошо помним, конечно, — не дал закончить Владимир Сергею свой монолог. — Нечто подобное встречается и в его опусе. Пытаясь скрыть свой страх и трусость за бравадой, он выдает: «Эх, был бы у меня в руках автомат Калашникова. Бросил бы я сектор предохранителя вниз на автоматический огонь. Затвор рывком назад и жутким грохотом залил бы привокзальную площадь полусонного Базеля». Ведь это похоже на сцены в бане. Ты спрашиваешь, Сережа, как он попал в ГРУ? Знаешь, для меня это тоже загадка, уравнение с несколькими неизвестными. Если бы у нас были такие тесты при приеме, как он описал в своей брехне, ему бы как своих ушей не видать разведки. Думаю, во многом попасть в нашу систему ему помогло суворовское училище. Да, да, как это ни парадоксально. Великолепная общеобразовательная подготовка, знание иностранного языка во многом сыграли свою положительную роль при приеме. Не исключаю, что кто-то и помог ему.

— Уверен, — снова заговорил Сергей, — что уже в училище у него были психические отклонения. Мы-то об этом знали ещё в Калинин. Только помалкивали. Считали детскими шалостями, и сами не соображали, и не имели понятия об этих шутках, о которых сейчас знает уже каждый школьник. Нас воспитывали совершенно по-другому. Кстати, это и привело его в конце концов, по моему мнению, к предательству.

— Скажи, Сергей, — обратился я к нему. — А в чем, собственно, выражались вот эти его детские шалости?

— И Алексей, и Володя, — ответил Сергей, — да и некоторые другие ребята из нашего взвода знают. У нас было два выродка, не хочу называть их фамилии. Их выгнали из училища, и они, насколько я знаю, плохо кончили. Вероятно, они от природы были дегенератами, сексуальными маньяками, раз проделывали с Резуном все эти шутки. Это не могло остаться незамеченным. Он опозорил наше училище, все наше суворовское братство. Его, ублюдка, убить мало. Вот Алексей с Владимиром были в Лондоне. Почему вы его там не разыскали и не придушили где-нибудь в темном углу?

— Да, действительно, мы с Володей были в Лондоне. Хотели встретиться с ним, поговорить по душам. Убивать мы его, конечно, не собирались. Стоит ли руки пачкать? Он и так уже убит, предав Родину. Существует только его оболочка, душа давно покинула его. Мы хотели через русский отдел радио Би-би-си найти его, позвонить, договориться о встрече. Но, видно, Господь Бог не хотел этой встречи.

Алексей давно стал верующим, помогал Русской православной церкви. Его речь, всегда спокойная и умная, походила на проповедь священника.

— Может быть, это и так и ты прав, не знаю, Алексей. Но его поступки продолжают наносить существенные удары по нашей Родине и зовут к отмщению, — возразил Владимир.

— Думаю, его грехи ему зачтутся. Они не останутся незамеченными. Он уже наказан, — отвечал Алексей.

— Всё-таки неплохо было бы с ним встретиться и по-нашему, по-кадетски, поговорить, — сказал я, обращаясь ко всей компании. — Интересно было бы узнать из первых рук, что его привело к предательству?

— Да что с ним встречаться? — снова возмутился Сергей. — Что у него узнавать, когда и так все ясно как белый день. Он — подонок и предатель. Говорят, раньше в КГБ было специальное подразделение, которое расправлялось с предателями, где бы они ни находились. А сейчас предатели преспокойненько разгуливают на свободе, раздают интервью направо и налево, жируют, становятся героями. Не удивлюсь, если нашему выкорымышу дадут Нобелевскую премию за мир.

Нет, избавьте, я бы с ним встречаться не хотел. Если бы судьба все-таки свела с ним, то набил бы ему при всех морду. А вообще-то это сегодня не проблема. Я слышал, что с ним кто-то из вашей конторы уже встречался. Мне рассказывали, где-то в Лондоне нажрались как свиньи, распустили нюни и но пьянке отпустили ему все грехи. Он уже свободно разъезжает по разным странам, дает интервью, даже снял парик со своей лысой башки, уже не боится, что его где-нибудь уколют. Российские СМИ активно ему помогают, создают имидж борца за демократию. А вот его книга «Ледокол», наделавшая столько шума в России и оправдывающая фашистскую Германию, не вызвала у немцев восторга. Они прекрасно знают, кто начал Вторую мировую войну.

Мы долго сидели в ресторане, беседовали на разные темы и не могли наговориться. Расстались поздно, но и приехав домой, я еще продолжал думать об этой встрече. Мои догадки приобретали конкретные очертания. Многие сомнения отпадали. Версия все больше обростала неоспоримыми доказательствами.

Глава 10

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Разведка — грязное дело, но делать его надо чистыми руками.

Из беседы с одним из руководителей разведки ГРУ

Горбачевская перестройка открыла настежь широкие ворота для свободного выезда советских граждан за границу. За рубеж ринулись тысячи людей на отдых — мир посмотреть и себя показать, в поисках работы или лучшей жизни, с целью воссоединения с родственниками или смены Родины на землю обетованную. Ранее существовавшие ограничения и запреты рухнули в одночасье. За курдон покатали ученые, военные, бывшие разведчики, авантюристы всех мастей. Ни в одной стране мира не было таких свобод и такой «демократии» для граждан, как у нас. Страна превратилась в проходной двор для всех, кому не лень было заглянуть к нам «в гости». Но это было совсем не пушкинское, когда «все флаги в гости будут к нам». А дикая свобода без границ. Вольница. Что хочешь, то и твори. И куда девалась классическая формула, что свобода — это осознанная необходимость граждан действовать, поступать в соответствии с законами общества и во благо общества?

Летом 1999 года, находясь уже в отставке, я решил тоже воспользоваться предоставленной мне свободой и прокатиться, но на этот раз приватно, за границу на отдых — имел такую материальную возможность.

Получил загранпаспорт, визу и отправился к Средиземному морю, купив в Москве двухнедельный тур. До этого мне не приходилось бывать, тем более отдыхать, в странах Средиземноморья, поэтому было любопытно посмотреть и ознакомиться с неизвестным мне регионом.

В этот период я работал над своей книгой. Лучше, пожалуй, сказать, вел свое расследование предательства Резуна, собирал материал, встречался с товарищами, которые могли мне помочь в работе.

Отдых за границей был как нельзя кстати. Можно было спокойно все обдумать. Должен сказать, что турагенты не обманули моих надежд на великолепный отдых. Все было организовано великолепно. В этом нам есть чему поучиться у иностранцев.

В четырёхзвёздной гостинице, где я остановился, проживало много иностранцев, особенно немцев. Русских тоже было немало. Многие, по всей видимости, с большими деньгами. Обслуживающий персонал очень тонко чувствовал это и сгибался вперегиб перед ними, стараясь угодить «новым русским». Мои земляки вели себя за границей вполне прилично и достойно. Дело в том, что, проработав много лет за рубежом в советское время, я привык видеть наших людей несколько иными: часто закомплексованными в поведении иностранными гражданами, отягощёнными безденежьем, а потому стремящимися побольше накопить денег, чтобы дома решить все свои материальные проблемы.

Здесь я увидел совершенно других людей, раскрепощенных, уверенных в себе. Многие вполне прилично владели иностранными языками.

Ещё одним приятным сюрпризом оказался тот факт, что беспощинная зона на спиртное не приводила моих земляков в раж. Я не видел ни одного пьяного русского. Хотя иностранцы напивались в дупель. Они вообще умеют брать все до конца, до последнего донца, когда за это заплатили. Наблюдая за этими людьми, я ещё раз убеждался, что деньги большая сила в человеческом обществе. На ум приходили слова великого провидца: «Деньги хоть не бог, а все же полбога — великое искушение, а тут и женский пол, а тут и самомнение и зависть. Вот дело-то великое и забудут, а займутся маленьким». В отличие от них, «новые русские» были щедры, сорили деньгами.

Мое пребывание в отеле подходило к концу. Уже тянуло домой. Однажды вечером я сидел в ресторане. К моему столу подошла парочка: мужчина лет семидесяти и с ним женщина лет на тридцать моложе его. Спросив разрешение, они сели за мой стол. По их разговору и манере поведения я быстро определил: англичане. Особенно это было заметно по мужчине. Невысокого роста, подвижный, чопорный лысый старикашка. На его лице были написаны надменность, уверенность в себе, чувство превосходства над другими. Почему-то, наблюдая за ним, я вспомнил слова английского гимна: «Правь, Британия, морями...» Женщина с неброской, незапоминающейся внешностью, как мне стало понятно в дальнейшем, была его подруга, а не дочь, как я подумал вначале. Она была неразговорчива, односложно отвечала старику на его вопросы и изредка застенчиво улыбалась.

Старик заказал пиво и какую-то скромную закуску. Официант, вероятно, не совсем понял его заказ и вместо тёмного пива принёс светлое.

Что тут началось! Англичанин негодовал, грозил пожаловаться на официанта директору ресторана. Перепуганный насмерть официант быстро заменил пиво. Англичанин успокоился, но продолжал что-то ворчать себе под нос и даже пытался найти поддержку и сочувствие у меня.

— Эти азиаты, — ворчал он, — никогда не научатся работать по-настоящему хорошо, как европейцы.

Я ответил что-то нейтральное — ни да, ни нет. Через некоторое время он спросил меня:

— Вы, наверное, немец, судя по вашему произношению.

— Нет, — ответил я. — Я русский.

Мой ответ, по всей видимости, был большой неожиданностью для старика и несколько его обескуражил, так как, вероятно, он и русских относил к азиатам.

— Когда была Берлинская стена, я работал против вас, — проговорил он не то с вызовом, не то с сожалением, прямо глядя мне в глаза.

— Как это понимать? — поинтересовался я.

— Я работал в СИС, — ответил англичанин не без гордости.

— В СИС? — переспросил я и состроил непонимающую мину. — Что это такое?

— Это «Сикрет интеллидженс сервис», английская разведка МИ-6, — ответил мой сосед по столу.

— А... а... Теперь мне понятно. Вы Джеймс Бонд, агент 007, — парировал я и улыбнулся, пытаясь настроиться на тонкий английский юмор. У меня с тонким юмором, пожалуй, не получилось, потому что англичанин энергично возразил:

— Нет, нет. Это выдумка киношников о суперменах. Я был простым рядовым сотрудником СИС. А вы где работаете? — задал он мне встречный вопрос.

— Я работаю на одной американской фирме в Москве. Я — коммерсант.

— Ах, вот как, — загорелся англичанин, — так вы, значит, агент ЦРУ?

— Ну что вы! Почему вы так решили?

— Я хорошо знаю эту публику из ЦРУ, этих нахальных выскочек. Они стараются всех купить и заставить работать на себя. Думают, что деньги — это все. Все эти посреднические американские фирмы во всех странах, в том числе и у вас, — это «крыши» для ЦРУ.

— Да нет, я так не думаю, — попытался возразить я старику, — на моей фирме работают несколько хороших американских парней. Непохоже, что они из ЦРУ. Они хорошо делают своё дело. Обычные коммерсанты.

— Вы, молодой человек, заблуждаетесь. Мне по работе приходилось сталкиваться много раз с этими парнями. Я окончил Кембридж. А эти недоучки всегда пытались нас учить.

Не знаю, почему он меня назвал молодым человеком. Он был не намного старше меня. Мне подумалось, что, видно, американцы когда-то здорово насолили ему. Стараясь перевести разговор на другую тему, вставил:

— Я был в Кембридже. Прекрасный тихий уютный город учёных и студентов. Очень мне понравился.

— Насчёт тихого вы напрасно, — ответил англичанин. — В этом тихом омуте такие черти водились, может, и сейчас водятся, не знаю. Вы, наверное, слышали о ваших суперагентах: Филби и компания?

— Да, я слышал о Филби. По телевидению была передача о нём. Его русская жена написала книгу. Я прочитал её. И мне очень она понравилась. У меня сложилось впечатление, что Филби был очень мужественный и порядочный человек.

— Все эти предатели, как и ваши Гордиевский, Резун и другие, — большие негодяи. Большинство из них психически ненормальные люди, извращенцы, гомосексуалисты или пьяницы. Кстати, Резун был гей. Мне приходилось сталкиваться с некоторыми вашими перебежчиками. Гнусные, подлые люди. Я ненавижу предателей. Вот ваш Резун. Вы, конечно, слышали о нем? Он пишет книги под псевдонимом Виктор Суворов. Гордиевский тоже пишет книги.

— Да, я слышал о Резуне, но не читал книг, — ответил я, стараясь казаться равнодушным к этому сообщению. А сам сгорал от нетерпения услышать, что он ещё скажет о наших предателях, особенно о Резуне. А англичанин между тем продолжал:

— Мне известно, что при допросах Резун вёл себя как самый последний подонок, противно было смотреть, как он ползал, унижался, рыдал, умолял и готов был продать родную мать за миску похлебки. Ну, а что касается Филби — это со всем другое дело. Филби работал с вами за коммунистическую идею. Он, конечно, ошибался, коммунизм рухнул. Но он работал не за деньги. Филби до конца остался верен своей фантастической идее. Хотя я ненавижу всех предателей, но Филби я уважаю. Скажу откровенно, даже в СИС его многие уважают. По крайней мере не осуждают, даже среди руководства разведки. Вы-то сами не мой коллега, не разведчик из КГБ? — вдруг совершенно неожиданно спросил англичанин.

— Нет, нет, — ответил я. — Я по специальности инженер-механик, много лет работал в Министерстве внешней торговли СССР. Бывал во многих странах.

Мне хотелось сказать правду, но я почему-то не сделал этого, о чем потом пожалел.

— А в каких странах вы работали? — продолжал допытываться англичанин.

Я назвал страны.

— Так, выходит, в Германии мы с вами работали вместе, только по разные стороны баррикад?

— Да, я работал в Советском торговом представительстве в Берлине на Унтер-ден-Линден.

— Это место мне хорошо известно. Приходилось не раз бывать на вашей стороне. Иногда и нелегально. Сядешь в метро в Западном Берлине, выйдешь по ошибке в Восточном Берлине.

— Вы, наверное, на пенсии сейчас, отдыхаете от праведных трудов? — поинтересовался я.

— Да, я уже давно на пенсии, отдыхаю, — он улыбнулся и кивнул на свою спутницу.

— У вас, конечно, хорошая пенсия? Вам неплохо живётся? — задаю я вопрос бывшему разведчику в надежде ещё больше разговорить старика.

Им ведь всегда приятно поговорить о днях минувших и о своих недостаточно оцененных начальством заслугах.

— Пенсия неплохая, не обижаюсь. Но в этом нестабильном мире с растущими ежедневно ценами ни в чем нельзя быть уверенным. Просто кошмар! А что творится у вас в стране, невозможно вообще понять. И представить себе. Как вы можете так жить? Вообще-то во всем виноваты американцы. Они хотят править всем миром. В них все зло. Не вы были империей зла, как болтал этот артист Рейган, а они. Америка — настоящее зло. Они и вас разрушили и продолжают рушить. Вы для них жирный кусок. Правда, и мы изрядно им помогли в ваших бедах.

Я с большим интересом слушал англичанина. В голову, не скрою, все настойчивее лезла мысль — тряхнуть стариной, разговорить старика, подыгрывать ему в чем-то, приоткрыть мой интерес к Резуну, может быть, даже...

«Нет, нет, зачем это надо? Да и старик, что он может сейчас? Вот относительно Резуна он смог бы дополнить картину. Но... Большое спасибо уже за то, что он подтвердил основную мысль о мотивах предательства».

Подошел официант. Мы стали расплачиваться. Англичанин внимательно изучил счет, при этом что-то бурчал себе под нос о дороговизне.

Когда мы вышли из ресторана, я решил пригласить старика в бар. Он охотно принял мое приглашение, сообразив, что ему не придется платить. Его подруга отправилась в гостиницу.

В баре мы уселись на высокие тумбы. Мгновенно подскочил бармен. Я заказал виски англичанину и водку себе.

Когда мой новый знакомый поднял бокал со словами «за здоровье», мы, посмотрев друг на друга, чокнулись и выпили по глотку, он протянул мне руку и сказал: «Питер». Я ответил: «Алекс». Этим рукопожатием как бы скреплялось наше знакомство и доверие друг к другу. Так принято на Западе.

Мы долго сидели в баре. Выпили ещё. Питер всюду ругал американцев. Видно было, что они ему где-то перешли дорогу и крепко насолили. Может быть, помешали карьере. Разговор часто возвращался к дороговизне жизни, к положению в России. Я старался не касаться вопросов разведки, хотя мне очень этого хотелось. Англичанин сам возвращался к Кембриджу, где учился, к знаменитой пятерке, особенно к Филби.

— Филби работал за идею, был великий ваш агент. А Резун — это дерьмо, выдающее себя за писателя. Вы-то не знаете. Он же пишет под диктовку СИС, — оглядываясь, произнес тихо англичанин. — Ему никто у нас не будет никогда по-настоящему доверять. Ему улыбаются при встречах, говорят вежливые слова, а в душе презирают как предателя.

В полночь мы расстались друзьями. Я знал, что англичанин уезжал утром на следующий день. Мне не хотелось спать. Южная ночь была чудесная. Я ходил по аллеям парка отеля и думал. Вспоминались случаи разведывательной практики работы с англичанами. Были удачи, но были и осечки. Старая закуска разведчика бродила во мне, ударяла в голову, не давала покоя. Рассудок подсказывал: остановись. Время прошло.

На следующее утро я спустился в холл гостиницы в надежде увидеть моего знакомого и пожелать ему счастливого пути. Обычно перед отъездом из гостиницы собирается много народа, носильщики снуют туда-сюда, суетятся отъезжающие и провожающие.

На этот раз в холле было пусто. За стойкой скучал администратор гостиницы. На мой вопрос о рейсе на Лондон он ответил, что автобус с отъезжающими пассажирами отправился в аэропорт полчаса назад.

Я опоздал. И не знал, сожалеть об этом или нет.

Мне отмщение, и Аз воздам.

Библия, гл. 32 «Послание к римлянам»

Однажды вечером мне позвонил Алексей. Несколько взволнованным голосом торопливо выпалил:

— Старик, хочешь встретиться с «известным писателем»?

— А что, есть такая возможность?

— Есть, есть, приезжай завтра утром часикам к десяти ко мне в офис, потолкуем. — И бросив коротко «пока», повесил трубку.

На следующий день ни свет ни заря полетел к Алексею.

— Как же ты все это устроил? — с порога выпалил я, здороваясь со своим другом.

— Ты знаешь, — ответил Алексей, — совершенно случайно. Мой знакомый журналист из одного издательства специализируется на различных сенсационных историях о разведке. Я с ним работал за рубежом. Парень шустрый, пробивной, не без способностей, владеет пером. Не так давно ему звонил Ре-зун по каким-то редакционным делам, вдрабадан пьяный, и приглашал в Варшаву на встречу. Журналист знал, что я семь лет учился с «писателем» в суворовском училище. Вот он и предложил мне присоединиться. Я, естественно, дал согласие, но решил сам позвонить Резуну и сообщить ему об этом. К телефону подошла его жена. Я представился, назвал свою фамилию и сказал, что мы знакомы по Воронежу. Она ответила, что муж в гараже, и попросила перезвонить через пару часов. Через два часа я перезвонил. К телефону подошел сам Ре-зун. Она, конечно, сказала ему о моем звонке, поэтому я не застал его врасплох. Судя по голосу, он искренне обрадовался. Я коротко сообщил ему о приглашении моего товарища-журналиста. Владимир охотно согласился встретиться. Я не удержался. Позвонил Сергею в Мюнхен. Пригласил присоединиться. В ответ услышал трехэтажный мат. Он мне прокричал в трубку, что если поедет, то не удержится, задушит гаденьша своими собственными руками. Советовал и нам оставить подонка в покое и не пачкаться. Ну, ты знаешь Сергея. Он — экстремист.

Через неделю поездом Москва — Берлин, следующим через Варшаву, мы отправились в Польшу. С Алексеем договорились, что легенду для встречи с предателем выдумывать не станем. Будем предельно откровенны. Мы оба кадеты, и вся эта история с предательством нашего бывшего собрата больно задевает нас за живое. Я, бывший работник ГРУ, интересуюсь этой историей и с профессиональных позиций. Хочу разобраться в ней окончательно и написать объективную книгу, для этого мне надо выяснить, что же заставило нашего суворовца предать Родину.

Лично я не знал Резуна, хотя мы оба работали в ГРУ, даже в одном оперативном управлении. Я был старше Резуна и до его первой заграничной командировки уже работал за рубежом. Когда Резун отправился в Швейцарию, я был в Центре.

Думая о нашей встрече, я решил не играть в кошки-мышки, говорить откровенно, постараться получить от него максимум информации. Мне очень хотелось сопоставить все, что я знал о нем, с тем, о чем он сам расскажет. Основная моя цель: найти подтверждение моей версии о мотивах его предательства.

Мы не строили каких-либо планов, просто рассчитывали вызвать его на откровенный разговор, рассчитывали на то, что наше общее суворовское прошлое должно тронуть его душу, если в ней сохранилась еще хоть капля совести.

Сначала я хотел взять с собой миниатюрный диктофон, чтобы записать беседу. Но потом оставил эту затею, посчитав, что это будет нечестно.

В Варшаву поезд прибыл точно по расписанию, в 12 часов дня. На перроне нас встречали, но Резуна среди встречающих не было. На такси мы направились в международную гостиницу «Виктория» в центре города. Номера для нас были заранее забронированы.

Встреча с «писателем» состоялась в конференц-зале гостиницы, где проходил брифинг издателями и журналистами.

Я наблюдал со стороны, как Резун растерянно искал глазами Алексея среди собравшихся, пожимая каждому руку и внимательно глядясь в лица гостей. С Алексеем он не виделся с 1965 года.

Когда очередь дошла до Алексея, Резун некоторое время напряженно глядялся в его лицо, обрамленное седой бородой. Потом, вероятно, узнав бывшего кадета, широко развел руки для объятий. Что-то дрогнуло в его лице, испуг и радость отразились в близоруких глазах за стеклами очков.

— Леша, — проговорил, скорее простонал, Резун и прильнул к его груди.

Алексей с едва заметным колебанием принял маленького, крупного, растолстевшего лысого человека в свои объятия как блудного сына. Резун беспомощно, по-детски уткнулся Алексею в плечо. Сложные чувства обуревали в эту минуту Алексея. С одной стороны, ему хотелось оттолкнуть от себя эту гадину. Ему показалось на мгновение, что он прикоснулся к чему-то липкому, скользкому и противному. С другой стороны, глупокая вера в заповеди Иисуса Христа не позволяла это сделать.

— Знакомься. Это мой товарищ, кадет, журналист, бывший твой коллега, — представил меня Алексей. Мы протянули друг другу руки. Я назвал себя по имени.

— Знаете что, ребята, — начал энергично Резун, — я закончу с этой братией дела и буду в вашем распоряжении. Давайте встретимся в холле в восемнадцать часов и что-нибудь сообразим.

— Договорились, — ответил Алексей, и мы расстались. Времени у нас было достаточно, решили побродить по Варшаве.

Город произвел на меня приятное впечатление. Чистота, оживленное движение на транспортных магистралях, большое количество западных иномарок, на улицах много народа. Люди хорошо одеты. Везде идет бойкая торговля. Без торговли трудно представить себе поляков. У них торговля в крови. Гуляя по городу, я не ставил перед собой задачу выявить слежку. Но иногда делал это автоматически, по старой профессиональной привычке, обращая внимание на окружающих больше, чем это требовалось. По всей видимости, «хвоста» за нами не было. Да и зачем кому-то надо было за нами следить? Слежка могла быть при контактах с Резуном. Она нас не пугала, потому что мы все делали официально, ничего не скрывали и никаких операций с Резуном проводить не собирались.

Как и договаривались, встретились в 18.00 в холле отеля. Резун нас уже ждал. Переговоры с издателями, судя по всему, у него прошли успешно. Он был в хорошем настроении, даже немного подшофе. Вероятно, на фуршете с журналистами и издателями пришлось «принять на грудь». Предстоящая встреча с кадетами, по всей вероятности, его радовала и возбуждала. Это было видно по его поведению, по глазам. Как потом мне стало известно, до нас он уже не раз встречался за границей с бывшими сослуживцами, в том числе и с некоторыми отставниками из ГРУ. Эти встречи проходили, как правило, с обильным принятием горячительных напитков, русским самобичеванием, раскаяниями и всепрощением подвыпивших. Известно, что когда русский сильно выпьет, начинает каяться и готов всем все простить в отличие от немцев, которые в таких

случаях любят хвастаться.

Резун пригласил нас на обед, сказав, что у него есть на примете укромное тихое местечко в загородном ресторане, где можно хорошо провести время.

Еще через несколько минут мы уже мчались по Варшаве на такси. В машине перебрасывались между собой незначительными фразами. Ни о чем серьезном не говорили.

Машина тем временем вышла за городскую черту, направилась, мягко покачиваясь и шурша шинами, по новому, недавно положенному асфальту вдоль Вислы. Верхушки деревьев, тронутые уже багрянцем осени, горели, словно костер, в лучах заходящего солнца. Дорога сначала проходила вдоль поймы реки, потом неожиданно круто свернула влево и пошла, петляя, среди могучих, еще не тронутых осенью зеленых кудрявых дубов.

Я посмотрел назад. Резун поймал мой взгляд и спросил:

— Проверяешь?

— Да нет, что ты, — ответил я, — это дела давно минувших дней, как сказал поэт. Да и Польша не Альбион.

— Не скажи, — заметил Резун. — Здесь уже другие порядки. «Моя милиция меня уже не бережет», как в прежние времена. К нам, — он почему-то употребил это местоимение, причислив себя к нам, — здесь кое-кто относится хуже, чем в Англии. Ведь эта страна теперь входит в НАТО, и ребята из нашей прежней конторы, находясь в городе, наверное, чувствуют на своих спинах «дружеские заботливые» взгляды. Уже были скандальные истории, связанные со шпиономанией, шумела пресса.

— Ну, тебе-то нечего бояться. За тобой, наверное, присматривают твои новые хозяева из СИС? — поинтересовался Алексей. — Ты уже, я смотрю, везде по миру ездил бед камуфляжа. Не прикрываешься париком.

— Ты знаешь, Алексей, вначале меня везде опекали, пасли. Да и сам я побаивался по старой привычке, помня о длинных руках КГБ. Но времена изменились. Сейчас за собой уже не вижу никакой слежки. Правда, приезжая к своим издателям в Польшу, ощущал иногда трогательную заботу о себе польских бывших товарищей.

— Англичанам ты, по всей видимости, изрядно поднадоел, больше не нужен. Мавр сделал свое дело.

— Может быть, ты и прав, — с грустью проговорил Резун.

Такси между тем углубилось в лес, вскоре выехав на открытую довольно большую поляну, и остановилось у одиноко стоящей рубленой избы, очень похожей на наши подмосковные русские избы-рестораны. У входа с двух сторон на высоких шестах были установлены чаши, наполненные маслом, в которых горел огонь. Так в некоторых странах Запада принято встречать долгожданных гостей.

По уверенному поведению Резуна было заметно, что он не раз бывал здесь. Мы устроились в отдельном кабинете на втором этаже. Посетителей, судя по почти пустующей парковке, в ресторане было мало.

Официанты засуетились, почувствовав в посетителях состоятельных клиентов. Еще мгновение — каждый из нас держал меню. На мелованной бумаге были указаны названия блюд на польском, русском, немецком, французском, английском языках.

Резун на правах хозяина взял дело в свои руки: уверенно распоряжался, задавал вопросы официанту, который волчком крутился около него с подобострастной улыбкой, быстро записывая заказ.

Через некоторое время забегали туда-сюда официанты, расставляя приборы, закуски, напитки. На столе появились осетрина, икра, овощи, грибы. Резун старался показать свою щедрость, состоятельность.

Обед начался по-русски, без аперитивов, с водки, как обычно начинают застолье в России.

Вылили по одной, по второй, по третьей. Закусили. Началась беседа. Сначала осторожная. Потом разговоры пошли за жизнь.

Резун вначале относился ко мне с некоторым подозрением. Черт его знает, кто я такой? Может быть, засланный казачок от КГБ? Я не стал темнить, рассказал, что работал с ним в одном управлении, какое и когда окончил училище. Нашлись и общие знакомые, особенно по службе в ГРУ. Рассказал, что уже 15 лет, как ушел со службы и занимаюсь с Алексеем бизнесом и журналистикой для души. Пишу о буднях суворовцев.

Разговор вначале шел между Алексеем и Резуном. Я помалкивал и не вмешивался.

Алексей привез на встречу фотографию семнадцатого выпуска Калининского суворовского военного училища 1965 года, на которой был и Резун.

Дрожащими руками он держал перед собой фотографию, смотрел на своих бывших товарищей, молодых, красивых, полных жизни. Слезы текли по его полным щекам. О чем он думал в эти минуты? Какие мысли терзали его душу?

Начались расспросы, воспоминания. «А где сейчас тот, а как дела у этого, а что делает другой. А помнишь, как на Придаче в парке дрались с гражданскими?»

— А где сейчас Толя Ворончук? — вдруг неожиданно спросил Резун.

— Толя два года тому назад умер, — ответил Алексей. — Он так хотел встретиться с тобой. Вы же были друзьями. Он до конца своих дней не верил, что ты мог предать. Всё говорил, что произошло какое-то недоразумение. В 1994 году он был в Лондоне, пытался найти тебя, но не сумел. Ушел из жизни в расцвете сил. Талантливый был человек.

— Давай помянем Толю, — предложил Резун. — Чтобы земля ему была пухом. Как он мне помогал в суворовском!

Выпили не чокаясь. Помолчали.

Разговор сначала не получался в том русле, в которое я хотел бы его направить. Резун продолжал расспрашивать Алексея о судьбах ребят. Чувствовалось, что он имел информацию о своих бывших сослуживцах и из других источников. Следил за событиями в России и, похоже, сопереживал.

Пропорционально выпитому оживлялся и наш застольный разговор. Алексей пил очень умеренно, пропускал. По-настоящему, без пропусков пили мы с Резуном.

Возвращая фотографии Алексею, Резун с горечью произнёс:

— Наверное, эти ребята презирают и проклинают меня?

— Да, ты прав. О тебе частенько вспоминают недобрым словом на традиционных встречах у хвоста коня князя и в Петровском парке в Воронеже. Ты же бывал, по-моему, иногда на наших встречах в Москве?

— Бывал, — с грустью подтвердил Резун и продолжил: — Знали бы вы, в какую передрыгу я попал и через какие муки прошел.

— Вот мы и хотели бы от тебя об этом услышать, — вставил я. — Кадеты при встрече расспрашивают меня о тебе. Знают, что мы с тобой были в одной упряжке. Я и решил провести журналистское расследование твоего дела, постараюсь выяснить истинные причины твоего падения. В книгах ты откровенно лжешь, особенно о ГРУ. Мне хотелось бы с тобой поговорить начистоту как кадет с кадетом. Твое право отвечать на мои вопросы или нет, говорить правду или продолжать лгать. Это дело твоей совести. Как ты вообще вляпался в это дерьмо? Чего тебе не хватало?

Ведь то, что ты наплел про Александрова, — это сказка про белого бычка для детей. А с этой трубой? Твоей фантазии можно только удивляться. Я тридцать лет проработал в ГРУ и, кроме печки для сжигания документов, ничего похожего на крематорий там не видел. А ты без году неделя был в «Аквариуме» и все разглядел. Уверен, тебе даже не приходилось сжигать документы. Стажеры, какты, этим не занимались.

— Что сейчас рассуждать об этом через много лет, сидя в ресторане? — начал Резун. — Плакать о волосах, когда моя голова давно уже валяется в кустах?

— Но у тебя наверняка был выбор, — вступил в разговор до этого молчавший Алексей. — Он есть у человека в любой ситуации.

— Есть-то есть. Но не каждый в таких случаях выбирает праведный путь, — опрокинув очередную рюмку водки залпом и не закусывая, проговорил Резун. — Ты говоришь, выбор. Да, он был. Но между чем было выбирать? Слишком велика была его цена. Не скрою. Я сам был во всем виноват. Струсил, смалодушничал, не смог поступить по-другому. Вспоминаю слова Петра Ивановича. — Резун посмотрел в мою сторону и продолжал: — Ты понимаешь, о ком я говорю. Петр Иванович Иващутин сказал, не помню, по какому случаю, что если человек попадет в лапы контрразведки, то его вывернут наизнанку и выпряхнут все. Петр Иванович знал толк в этом, прослужив много лет в СМЕРШЕ. Я не исключение. Это было и со мной.

— Но, согласитесь, в контрразведку просто так не попадают, — вставил Алексей.

— Конечно, не попадают, — согласился Резун.

На время разговор прекратился. Принесли горячее — осетрину на вертеле с жареной картошкой и грибами.

Наполнили уже в который раз рюмки. Выпили. Принялись за горячее.

— Осетрина-то поди нашенская, российская, с Волги-матушки, — заметил Алексей, отправляя нежный румяный кусок в рот. — Ты, наверное, скучаешь по украинскому салу?

— Сначала скучал, — проговорил Резун. — Ну а сейчас, после развала СССР, этой проблемы для меня не существует. Присылают сало с Украины.

Разговор прекратился. Осетрина заставила нас на время замолчать. Покончили с горячим. Принесли кофе. На столе появилась бутылка французского коньяка «Наполеон».

— Ты, Алексей, говорил о причинах, — начал прерванный разговор Резун, больше обращая ко мне. — Конечно. Ничего без причин не бывает. Так учит диалектика. Помните четвертую главу из Истории ВКП(б)? У моего ухода, предательства целый комплекс причин. Выбор, согласен, всегда есть, даже тогда, когда над человеком совершается насилие. Я ведь везде, во всех своих книгах пишу, что я предатель и мне нет прощения. Пытаюсь оградить других от совершения опрометчивых шагов.

— Но ты предательство толкуешь по-своему, как тебе выгодно, пытаешься найти ему оправдание, — перебил я его.

— Может быть, не уверен, — не то согласился, не то возразил Резун и продолжал: — Я испиваю свою чашу сполна, до последней капли, до дна, и никому не желаю этого. Вы, наверное, знаете, что отец и дед не перенесли моей измены и ушли из жизни раньше отведенного им срока. Они меня не простили. Вам могу сказать. Пишут, что меня переиграли. Чепуха. Я сам игрок. Сам играл и попадался на своей давнишней слабости. Струсил. Отступить было некуда, я сдался. Я писал, что ГРУ сделало огромную ошибку, приняв меня в свои ряды. Вы знаете, у нас в армии была медаль. — Он снова сказал «у нас», причислив себя к нашей армии. — Эта медаль называлась «За безупречную службу», она была трех степеней. Не знаю, существует ли такая медаль сейчас в Российской армии. В войсках ее тогда называли «за песок». Так вот, эту медаль скопировали с царской аналогичной награды. Только при царе она называлась «За беспорочную службу». Улавливаете разницу между словами «безупречная» и «беспорочная»? А ведь если задуматься — разница колоссальная, принципиальная. Можно спокойно служить без упреков со стороны начальства много лет. Так я и служил без упреков, с благодарностями за рвение, за службу. Но я никогда не был достоин царской медали «За беспорочную службу», потому что был порочен с суворовского детства, скорее, юношества.

С моими пороками вход в ГРУ для меня был строго-настроено запрещен. Вот где собака зарыта. Подробнее я эту тему муссировать не хочу. СИС умело воспользовалась моими пороками, и я проиграл, струсил. Проиграл бесповоротно и в этот крошечный ад уволок за собой много людей, в том числе семью, родителей, близких, друзей и товарищей. Был бы в то время со мной рядом Иван Сергеевич, все бы, может быть, обернулось иначе. Ему бы я во всем признался и доверился, к нему бы пришел с повинной. Он был настоящий мужик, «отец солдатам», уберег бы меня, не дал бы сделать последний шаг в пропасть. Где он сейчас? Жив ли? Не знаю. Виноват я перед ним безмерно.

Резун совсем захмелел от выпитого, положил голову на стол, всхлипывал, утирал лицо салфеткой. Мы молчали. На него в эти минуты было жалко и противно смотреть.

— Ну что мне делать, скажите? Я не знаю, — стонал он сквозь слезы. — Иногда, когда крепко поддам, хочется, как Ставрогин в «Бесах»: намылить веревку и в петлю.

— Не спеши, — стараясь утешить Резуна, проговорил Алексей. — Вспомни лучше Раскольников. Сонечка, его возлюбленная, советовала ему покаяться. Тебя судить по-справедливости могут только те, кого ты предал, твои товарищи.

— Да кто меня простит? — простонал совсем раскисший Резун. — Меня же дважды приговорили к высшей мере, к расстрелу. Вы что, не знаете?

— Никто тебя к высше не приговаривал, — возразил Алексей. — Это твои друзья из СИС тебя запугали расстрелом. Мы изучили твоё дело. Смертный приговор тебе никто не выносил. Это может сделать только суд, если ты предстанешь перед ним.

— Кто меня будет судить и слушать? Поставят к стенке, как многих до меня, и хлопнут, — твердил свое Резун.

— Чепуху ты несёшь. Сейчас другие времена, — продолжал убеждать его Алексей. — У нас в России вообще смертная казнь отменена, хоть, может быть, напрасно. Перед отъездом в Варшаву я встречался с одним кадетом, генералом юстиции в отставке. Он по моей просьбе просмотрел дело и подтвердил, что никакого смертного приговора тебе не выносили. Твой грех безмерен. Но и в Библии написано: «Мне отмщение, и аз воздам». Это надо понимать, что твою вину, твоё предательство будет судить божий суд. Он воздаст тебе по твоим делам. А здесь, на земле, грешников судят люди. Ты хорошо знаешь, как в России сейчас поступают с предателями на государственном уровне.

У тебя и сейчас есть выбор. И ты можешь его сделать...

Глава 12

В ДЕВЯТОМ КРУГУ АДА

Оставь надежду всяк сюда входящий.

Данте. «Божественная комедия»

Он не помнил, как очутился там. Ему показалось, что вошел в какой-то неземной дремучий лес, в котором деревья росли корневищами вверх. — Тебе сюда, — сказал сопровождавший его привратник и открыл перед ним ворота, приглашая жестом руки войти.

Арктическая стужа ударила в лицо.

— Что это? — испуганно спросил шошедший, съёжившись от холода.

— Тебе дальше. Вон туда, прямо. Видишь, впереди ледяное поле. Там тебя ждут твои единоверцы, — послышался Голос откуда-то сверху, не отвечая на его вопрос. Он оглянулся и ни кого не увидел. Привратник, открывший перед ним ворота, исчез, словно растворился в белом тумане.

Впереди на огромной ледяной зеркальной площадке виднелось нечто похожее на стволы голых деревьев, торчащих из-под льда. Струился какой-то неземной белый свет. Все предметы были размыты и не имели четких очертаний и границ. Ни солнца, ни луны, ни звезд не было видно. Над головой висела не похожая на земное небо перевернутая темно-серая бездна. Невозможно было определить, была это ночь или это был день.

— Иди, иди, — сказал Голос. И он двинулся вперед, не чувствуя никакой опоры под своими ногами. Какая-то неведомая сила влекла его тело.

Подойдя ближе, увидел, что ошибся. Это были не деревья, а человеческие обнаженные тела. Их искаженные, обезображенные гримасами лица, хорошо были видны сквозь зеркальный лед. Вмороженные в лед тела располагались, как на кладбище, рядами. Ряды шли концентрическими окружностями. Они сходились, по-видимому, где-то далеко в центре, напоминая по форме гигантскую улитку. У начала каждого ряда стояли таблички с надписями. Странно, но, взирая на это страшное зрелище, он совершенно не испытывал земного страха, преследовавшего его всю жизнь, когда он, как пугливая ворона, боялся каждого куста.

«Куда я попал?» — мелькнула в голове мысль. И сразу в это же мгновение из бездны раздался глухой Голос:

— Ты попал в ад, в круг девятый. Сюда определил тебя Всевышний за твои земные грехи. Иди к первому ряду.

Он подошел. На табличке стояло: «Первый пояс — Предатели родных».

— Ты, наверное, хочешь узнать, кто эти двое? — послышался все тот же Голос.

Он увидел перед собой скорчившееся, обезображенное, вмерзшее в ледяную гладь тело молодого человека. Его голова была погружена вниз, словно в прорубь, и вывернута на тонкой шее. Огромные глаза смотрели вверх. Из них капали крупные слезы. Над ним висел хрустальный гроб, в котором лежал красивый юноша в одежде пастуха. Из фоба струилась кровь.

Не дождаввшись ответа, Голос продолжал:

— Это родные братья. Ты Каина, братоубийцу, вероятно, узнал. А в гробу его брат Авель, его плоть. А душа его в раю. Иди дальше ко второму ряду.

Он послушно двинулся дальше по ледяному полю и остановился у таблички. На ней было написано: «Второй пояс — Предатели родины и единомышленников».

У входа стояли вниз головой тела и смотрели снизу вверх через прозрачную толщу льда. Около каждого была табличка. Он читал и не мог припомнить их имена: Бокка дельи Абати, Броне да Дуэра, граф Уголино, архиепископ Руджери...

Через некоторое время начали встречаться знакомые имена: гетман Мазепа, князь Курбский, генерал Власов. Одни лежали, другие вмерзли стоя. Кто вверх, кто вниз головой в самых немыслимых позах.

Пройдя еще несколько шагов, он вздрогнул и отпрянул назад. Перед ним торчали ноги человека, которого он несколько лет тому назад встречал где-то в «Аквариуме». Почему-то все его тело было облеплено американскими зелеными стоцолларовыми купюрами.

— За эти деньги он продал американцам своих единоверцев, — прогремел, как в репродукторе, Голос сверху.

Он шел вдоль ряда торчащих ног и голов и читал знакомые имена: Попов, Пеньковский, Поляков, Голицын, Дерябин, Лялин. И вдруг остановился, увидев таблички с именами: Калугин, Гордиевский, Левченко.

— Да, да, не удивляйся, ты не ошибся, — раздался вновь опережающий его мысли уже ему знакомый Голос. — Это действительно они, твои друзья-единоверцы.

«Но как? Не может быть? — мелькнуло в голове. — Они же еще живы. Я недавно встречался и разговаривал с Гордиевским. А Калугин звонил мне на днях из Америки и предлагал написать совместный сценарий на тему КГБ против ГРУ».

— Все это так, — послышался Голос. — Но знаешь:

Здесь так заведено, что души раньше,
Чем тела, уже летят на дно.
В них бес вселяется и в теле остается,
Доколе срок до плоти не угас.

Ты это должен знать, раз ты с земли.

— А что вон там, за лесом этих ног? У той горы?

— Пойдем, посмотришь, у тебя есть еще время, — отвечал Голос.

На табличке у входа стояло: «Круг девятый — Четвертый пояс — Предатели величества божеского и человеческого: Иуда, Брут, Кассий».

Он сразу увидел и узнал у подножия горы сидящего на высоком колу лысого человека. Его язык, как помело, болтался из широко открытого рта и был приморожен ко льду. Из его сатанинских меток на голом черепе капала черная как деготь кровь вниз на рельсы. На рельсах лежал примерзший к ним задом громадный, как глыба, мужик с поднятой вверх грозившей беспалой рукой и искаженным в страшной злобе ртом.

За этими двумя было много торчащих в разных позах фигур. Все они пытались вскарабкаться вверх на кругую ледяную гору. Некоторые добирались почти до вершины, но срывались и скатывались вниз, увлекая за собой ползущих за ними. Они когда-то плотной толпой окружали тех двоих, которые были у подножия горы. Теперь они, как черти от ладана, старались подальше убежать от своих кумиров.

На всю эту пляску смерти откуда-то сверху смотрел, улыбаясь, Сатана, чертовски похожий на Бориса Абрамовича Березовского.

— Ты снова хочешь меня спросить, — раздался Голос, — почему эти люди здесь? Они ещё живы и ходят по земле.

— И, не дождавшись ответа, Голос продолжал: — Там на земле смердят только их тела. А души их давно уже здесь, в аду, у нас. С тех пор как они продались Дьяволу, они уже не жильцы на белом свете.

Свет стал медленно гаснуть.

— Пора. Тебя зовут. Пошли.

Он повернулся и пошел назад. Ему никто не указывал дорогу. Какая-то сила влекла его к открытому ледяному полю, на котором были проделаны большие лунки.

— Ну, вот и пришли, — раздался Голос. Стало совсем темно. Он остановился у лунки с табличкой. На ней было написано по-латыни его имя.

Вспыхнул яркий ослепительный свет и мгновенно погас. Наступила кромешная тьма. Предатель очутился в лунке, вмерзший в лед вниз головой. Внизу он увидел голубую Землю, словно смотрел на нее из мертвого космоса. Земля ему показалась удивительно красивой. Тихо звучала музыка. Он узнал похоронный марш Шопена и увидел, как к нему приближался фоб. Его несли несколько молодых крепких офицеров в форме Советской армии. В гробу лежал его отец. За гробом, рыдая, шла его престарелая мать. Ее поддерживал под руку его брат в военной форме. За гробом офицеры несли подушки с орденами и медалями отца. Он узнал кладбище и город. Гроб опустили медленно в могилу. Взвод солдат, подняв карабины вверх, отдал последний салют ветерану войны. Как в кино, стали проходить лица людей. Он узнавал в них тех, кого называл англичанам на допросах. На последнем кадре стоял его дед и плакал. Сквозь слезы слышались слова: «Иуда, будь проклят».

Он хотел закрыть глаза. Но Голос сверху прогремел:

— Нет, ты во веки веков будешь видеть эти кадры. Иудин грех не прощается!

Приложение 1

КТО ВЫ, КАПИТАН РЕЗУН?

Попытка ответа на большой вопрос. Валерий Калинин, капитан 1 ранга в отставке. Память.

В последнее время средства массовой информации уделяют значительное внимание автору нашумевших на Западе книг «Аквариум» и «Ледокол» РЕЗУНУ, который, очевидно, по скромности, присвоил себе литературный псевдоним СУВОРОВ. Массовый тираж этих книг в России, статьи Резуна в самых престижных и солидных печатных органах, внимание телевидения, в частности передачи «Совершенно секретно», создают об этом человеке мнение как о герое нашего времени.

В 1973–1978 годах по роду работы мне пришлось неоднократно встречаться с Резуном, рассматривать все материалы, связанные с его автобиографическими данными и оперативными документами по его работе в Женеве. В то далекое время я был одним из немногих, кто не верил в добровольный уход Резуна на Запад, и я сделал многое для того, чтобы командование ГРУ приняло неординарные меры по его поиску и возвращению на родину.

Широкие публикации Резуна и о Резуне заставили меня вспомнить события далеких дней, далеко не самых лучших в моей карьере, и на основании своих воспоминаний, многократного анализа прошедших событий ответить для себя и для читателей на вопрос: «Кто вы, капитан Резун?»

В 1978 году в ГРУ произошло чрезвычайное происшествие. 10 июня в Женеве при неизвестных обстоятельствах исчез капитан Резун В.Б., который работал там в аппарате ГРУ с паспортом 3-го секретаря представительства СССР при ООН и других международных организациях. Вместе с ним исчезли его жена Резун Татьяна Степановна и двое детей, дочь 1972 года рождения и сын 1976 года рождения. Посещение его трехкомнатной квартиры показало, что там был произведен настоящий погром. Выброшенные из ящиков и разбросанные по всей квартире вещи, небурные кровати, битая посуда создавали впечатление насильственного вывоза квартирантов. Первое впечатление подтверждалось опросом соседей, которые слышали ночью заглушённые крики и детский плач. В отличие от аналогичных случаев исчезновения советских людей, которые впоследствии всплывали в западных странах и просили политического убежища, хозяева с собой практически ничего не взяли, включая ценные вещи жены и большую коллекцию монет (Резун увлекался нумизматикой). Исчезла также автомашина Резуна.

Произведенная тщательная проверка наличия документов в разведаппарате не выявила случаев хищения их или предметов оперативной техники.

Швейцарские власти как в Берне, так и в Женеве сразу же были поставлены в известность об исчезновении советского дипломата и его семьи, и была высказана просьба незамедлительно принять меры к их поиску и о результатах сообщить в представительство. Аналогичные меры предпринимались и по другим каналам.

В связи с тем, что швейцарские власти проявляли неоправданную медлительность с принятием эффективных мер по розыску Резуна и его семьи, МИД СССР поручил послу СССР в Швейцарии заявить политдепартаменту Швейцарии, что с 10 июня прошло более чем достаточно времени для того, чтобы выяснить, что же произошло с советскими гражданами, обладающими дипломатическим статусом, и что позиция швейцарских властей в этом вопросе является совершенно несовместимой как с существующей международной практикой, так и с характером отношений между СССР и Швейцарией.

Одновременно МИД СССР через советские посольства запросил возможную информацию о местонахождении Резуна в госдепартаменте США и МИД Великобритании.

И только 27 июня, через 17 дней, политдепартамент Швейцарии сообщил нам, что Резун с семьей находится в Англии, где попросил политическое убежище. Примерно в это же время полицией была обнаружена и автомашина Резуна, которая с дипломатическим номером две недели стояла в 20 км от Женевы около пожарной части.

Предпринимая такие активные действия, командование ГРУ исходило из того, что биография капитана Резуна была безупречной и в его работе и поведении не отмечалось каких-либостораживающих моментов. Резун во время обучения в Калининском суворовском училище и в Военно-дипломатической академии Советской армии имел только положительные характеристики, только с положительной стороны зарекомендовал себя на практической работе в штабе военного округа и в разведаппарате ГРУ в Женеве. Никаких сигналов по линии 3-го Управления КГБ СССР (вбеленная контрразведка) и управления «К» КГБ СССР (контрразведка ПГУ) не поступало.

Семейное положение: отец — подполковник запаса, старший брат — майор Советской армии. В общении с товарищами и в общественной жизни производил впечатление архипатриота своей Родины и вооруженных сил, готового грудью лечь на амбразуру, как это сделал в годы войны Александр Матросов. В партийной организации среди товарищей выделялся своей чрезмерной активностью в поддержке любых инициативных решений, за что получил прозвище Павлика Морозова, чем очень гордился. Служебные отношения складывались вполне благоприятно: незадолго до исчезновения был повышен в дипломатическом ранге с атташе до 3-го секретаря с соответствующим повышением оклада, в порядке исключения срок пребывания был продлен еще на один год. По окончании командировки Резун знал, что его использование планировалось в центральном аппарате ГРУ.

Характеристика Резуна, каким он представлялся в ГРУ, обязывала командование принять все возможные меры, чтобы прийти на помощь своему офицеру. Проведенный анализ обстоятельств исчезновения, его личные и деловые качества, взаимоотношения в семье, с товарищами, имевшиеся оперативные связи, медлительность швейцарских властей в поиске Резуна приводили к мнению, что Резун был насильно похищен одной из спецслужб блока НАТО и его пытаются склонить к измене. Таким образом, битва за возвращение Резуна с семьей на родину продолжалась.

28 июня английские газеты сообщили, что Резун с семьей находится в Англии. Через несколько дней нашему посольству в Лондоне ушло указание — потребовать в МИД Англии встречи с Резу ном. Учитывая неоднократный отказ английских властей на наши требования о личной встрече с консулом, через посольство в МИД Англии были переданы личные письма Резуну и его жене от родителей с просьбой об ответе. Ответа не последовало. Примерно в это же время было передано личное письмо от матери Резуна премьер-министру Англии Маргарет Тэтчер с просьбой от матери к матери вернуть ей сына или хотя бы встретиться с ним. Ответа не было.

В течение всего июля продолжалась переписка между МИД СССР и МИД Англии по поводу Резуна. Английские власти отказывали нашим сотрудникам во встрече, мотивируя это отказом самого Резуна как от встреч, так и от ответов на письма.

В начале августа была предпринята последняя попытка связаться с Резуном. В Англию выехал для встречи с сыном отец Резуна — Резун Богдан Васильевич. Несмотря на настойчивые просьбы нашего посольства, отца Резуна, англичане не дали ему встретиться ни с сыном, ни с его женой. Более того, ему отказали во встрече и со своими внуками. Перед отлётом из Лондона в советском посольстве была проведена пресс-

конференция, на которой выступил Б. В. Резун. Он справедливо задал вопрос: чего опасаются «опекуны» Резуна, отказывая его отцу во встрече с сыном, если решение сына, как они утверждают, является добровольным, чего опасаются английские власти, отказывая в предоставлении отцу номера телефона сына, если они уверены в том, что Резун и его жена действительно добровольно решили остаться в Англии?

Это вопросы 15-летней давности, на которые Резун и его покровители не ответили и сегодня.

В создавшихся условиях необходимо было принимать экстренные меры по обеспечению безопасности своих людей, находившихся за рубежом, которых знал Резун, и оперативных связей. В результате таких вынужденных мер десятки людей были отозваны в Москву, и все оперативные связи разведapparата в Женеве были законсервированы. Общий урон, который понесла наша служба, не поддается простому арифметическому учету, как и поломанные карьеры и судьбы многих офицеров ГРУ. Возможно, это не очень удачное сравнение, но мне представляется, что удар, нанесенный уходом Резуна нашей службе, можно было бы сравнить с временным прорывом линии наших боевых порядков, с поражением на отдельном участке фронта.

Каковы причины этого поражения? Почему Резун оказался по другую сторону линии фронта? Недовольство существующим политическим строем, господством Коммунистической партии? Не подходит для Павлика Морозова. Отсутствие патриотизма, любви к своей Родине? Нельзя согласиться. Неудовлетворенность служебным положением? Исключается. В свои 28 лет окончил два высших военных учебных заведения, и для него открывалась перспективная карьера в центральном аппарате ГРУ. Финансовые затруднения? В 30 лет уже 3-й секретарь, жена работает в представительстве, трехкомнатная квартира, автомашина. Отклонения в нормах поведения, психика, чрезмерные увлечения? Ничего подобного не отмечалось, внешне и внутренне выглядел как преданный партии и воинскому долгу офицер.

Опять тот же вопрос 15-летней давности: почему исчез и не вернулся? Нельзя же принять всерьез его версию о том, что он бежал на Запад по политическим причинам, из-за неприятия коммунистической системы.

Со своей стороны, как человек, хорошо знакомый со всеми обстоятельствами так называемого «Дела Резуна» и лично его знавший, полагаю, что в его исчезновении замешаны английские спецслужбы. Ведь не случайно он оказался в Англии, не случайно английские официальные лица отказывали консульским работникам, его отцу во встрече с ним, не случайно мы (я имею в виду советские официальные лица и родителей Резуна) не получили от него ответа ни на одно письмо. Хотели услышать от Резуна только два слова: «Остаюсь добровольно». Вот их-то мы и не услышали. В пользу этого утверждения говорит еще один факт. Резун был знаком с английским журналистом, редактором военно-технического журнала в Женеве. К этому человеку был проявлен с нашей стороны оперативный интерес. Думаю, что встречную разработку вели английские спецслужбы. Анализ этих встреч незадолго до исчезновения Резуна показал, что в этом поединке силы были неравные, Резун уступал по всем параметрам. Поэтому было принято решение запретить Резуну встречи с английским журналистом. События показали, что это решение было принято уже поздно, и дальнейшее развитие событий вышло из-под нашего контроля.

Прошло 15 лет, и вот новая встреча с Резуном, но уже по разные стороны линии фронта. Пришло время расставить все акценты и в нескольких словах ответить на вопрос: «Кто вы, капитан Резун?» Это важно не для его бывших соратников — они давно ответили на этот вопрос, это важно для миллионов читателей, которым наши средства массовой информации представляют Резуна героем нашего времени.

Для разведки нет мирного времени, разведка всегда находится в состоянии войны с разведкой и контрразведкой противника. В этой войне, носящий закрытый, тайный характер, есть герои, есть офицеры, честно и самоотверженно выполняющие свой профессиональный долг, есть жертвы, есть раненые, но есть и предатели. Во время Великой Отечественной войны некоторые советские военнослужащие, попавшие в плен, давали себя завербовать, чтобы иметь возможность вернуться на Родину, припасть к ее ногам и на коленях умолять, чтобы дали возможность своей кровью искупить вину. Но не этот путь избрал для себя Резун. Совершивший преступление перед Родиной, вооруженными силами, изменивший воинской присяге, предавший своих товарищей по службе, он пытается оклеветать, очернить, облить грязью и Родину, и вооруженные силы, и военную разведку, которые воспитали его, дали образование и доверили выполнять святой долг каждого патриота своей страны — защищать свое Отечество. Подтверждением этого могут служить злобные, полные клеветы на наш народ, вооруженные силы, военную разведку такие пасквили, как «Аквариум» и «Ледокол». Разговор об этих «грдах» Резуна требует отдельного рассмотрения, настолько это все лживо и тенденциозно. Хорошо знакомый с системой военной разведки, обстоятельствами внезапного нападения фашистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года, с полной уверенностью, опираясь на факты, могу ответить на поставленный в заголовке вопрос: «Кто вы, капитан Резун?»

Вы — предатель. Вы предали Родину, вы клеветаете на нее, вы нарушили воинскую присягу, предали вооруженные силы и высокое звание офицера военной разведки. Вы предали своих родителей. Вы предали своих детей. Вы робот, запрограммированный английскими спецслужбами. Вы писали и будете писать под их диктовку. Вы у них на службе. Жаль, что этого не понимают в наших средствах массовой информации, принимая Резуна за диссидента, независимого и объективного историка. Перефразируя слова Агаты Кристи, «Ледокол» — это провокация по-английски. Раньше в российской армии была традиция: офицеру, опозорившему офицерскую честь, давали пистолет с одним патроном.

Заканчивая свои заметки по поводу предательства одного человека, не могу не отметить определенную тенденцию в средствах массовой информации по героизации людей, которым честный и порядочный человек, по меркам высокой морали и нравственности, не должен подавать руки, Резун — на книжных полках, на телевидении, на страницах наших газет, там же и другие люди, раскрывающие тайны самых тайных операций, выступающие со своими отчетами перед иностранными законодательными комиссиями, некоторых даже выбирают в депутаты. Не они герои нашего времени и никогда ими не будут, и вряд ли следует их выставлять в положительном свете юпитеров на всю великую матушку Россию и на весь мир, демонстрируя свою ущербность. В нашей стране все есть, в том числе и настоящие герои, перед которыми наши средства массовой информации в большом долгу.

Валерий Калинин, капитан 1 ранга в отставке
«Независимая газета», 25.12.2003 г.

Приложение 2

ПРЕДАТЕЛЬ — НЕ ИСТОРИК ТЫ! (Поэма)

[Сюжет девятый из книги о бойце невидимого фронта «Через грань»]

Если бы то, что сказал В. Суворов сегодня, было сказано им во время войны, никто не сомневался бы, что он продался врагу.

Военный историк США Альберт Акселл

1. Кому он нужен?

Ах, какое лето за окошком! —
Льют грибные, летние дожди,
Словно говорят.
«Бери лукошко,
По грибы немедленно иди!»

Так случилось, в это время Васин
На недельку в отпуск прилетел
И сказал, что с радостью согласен,
Укатить за городской предел...

Снова ощутить красоты края,
Где сосновый корабельный бор
Встретит вас, неволью поражая,
Строем из красавиц на подбор.

Где березки, вытянувшись в небо,
Кронами прошепчут с высоты
Свой упрек за то, что долго не был
Пленником их русской красоты...

Вновь стучит по стыкам электричка,
Вновь кричат над гнёздами грачи,
И опять, как в детстве, по привычке
В лес идем тропой от каланчи.

А меня, хоть повод и прекрасен,
Вовсе не грибы тянули в лес,
Для меня мой друг Алеша Васин
Был важнее всех лесных чудес.

И когда у каждого в корзине
До краёв легли боровики,
Прихватили в сельском магазине,
Чем грешат в России мужики.

В ожиданье нужной электрички,
Под дымок волнистый папирос,
Под сырок и холодок «Столичной»
Я затронул мучивший вопрос:

«Не пойму: кому же лже-Суворов,
Как предатель, люб и почему,
Рвутся помогать они без споров
Клеветать на Родину ему?»

Зная, что продажный лжеписатель,
У британцев числясь в холуях,
Под диктовку тех, кто зря не платит,
Так Отчизну хаит — просто страх.

Передёрнув факты, как картёжник,
Обесчестив мертвых и живых,
Среди нас нашел, дивиться можно,
Тиражеров пасквилей своих».

2. Выбор лишь один

Васин хмыкнул: «Не гадай, не надо:

Здесь врагам России Грызуну,
Что нас утопить в помоях рады,
Как похмелье пьяницам, нужны.

Посмотри, чем потчуют с экранов:
Сплошь убийства, пьянство и разврат.
Щедро сыплют соль на наши раны,
Всё, что было свято, не щадят!

Им нужны для этого подонки,
По уши погрязшие в грехах,
Дьяволу продавшие душонки,
С ложью, как со жвачкой, на устах.

Позабывшие о том, что у любого,
Как нам все религии твердят,
Выбор лишь один, и нет иного:
Либо рай, или дорога в ад!

И о том, что путь в горнило ада
Или в царство рая — в небеса,
Связывать с судьбой, увы, не надо —
Каждый это выбирает сам.

И что шанс спасенья — покаянье —
Лишь тому доступен, кто прозрел
И с пути грехов и порицанья
На достойный путь сойти сумел.

Атому, кто зло и подлость множит,
Без чего уже не мыслит жить,
Вряд ли покаяние поможет —
Кары за грехи не избежит».

3. Упущенный шанс

Шанс: конспиративная квартира —
Кузница дляковки подлецов,
И кузнец от адского горнила —
Сатанист, но с ангельским лицом.

В арсенале для греховной цели
Деньги, пытки, козни шантажа...
Этим в ад здесь сманить сумели,
Если с червоточиной душа.

И Грызун не долго колебался
И не сильно совестью страдал —
На крючок серебряный попался,
Душу быстро Дьяволу продал.

Грех велик. Был шанс остановиться.
У страны прощенья попросить.
Предпочёл он клеветой отмыться:
Личный грех — на Родину свалить.

Думал, если будет лить помои,
Обвиняя Родину свою, —
Этим душу от греха отмоет.
Что сгубил по трусости в бою.

Мыслил как «историк» оправдаться,
Но, по воле прежнего врага,
Должен чем прикажут заниматься
И без меры под диктовку лгать.

4. Лже-«Аквариум»

И задача:
Опозорить Службу,

Ту, в которой Родине служил,
Ту, в которой крепко ценят дружбу,
И в беде не бросят с кем дружил.

Где на ветер не бросают слова,
Где своих, как трусы, не сдают,
И, как за себя, в ней за любого
Можно быть уверенным в бою.

То есть ГРУ — военную разведку.
Хоть её задачи чётко знал:
Лишь следить за супостатом цепко,
Чтобы тот внезапно не напал,

Не топтался по просторам нашим,
Не громил, что создано трудом,
Не врывался ураганом страшным
И бедою в каждый мирный дом.

Знал и то, что лучшие из лучших
Добровольно в эту Службу шли,
Ну а те, кто запятнали души,
В ней открыто места не нашли.

Но порой — в семье не без уроды,
В стаде зло — паршивая овца,
И для ГРУ — защитницы народа,
Как чума — двуличность подлеца.

И Грызун
Не в бой, как вышло, рвался —
Карьеристом за кордон попал,
Лишь в бою с угрозой повстречался —
Струсил: ГРУ и Родину предал.

Не отверг и грязного задания —
ГРУ представить службой подлецов!
Результат продажного старания —
Пасквиль — Лже-«Аквариум» — готов!

Трус, прислужник, карьерист и гомик —
Чем клеймо — ПРЕДАТЕЛЬ — заслужил
Все на сослуживцев лжеисторик,
Исключив себя, переложил.

Показав, что среди пьянчуг и трусов,
Стукачей, развратников, тупиц,
Он — святой Советского Союза —
Был одним из самых светлых лиц.

Только он, как истинный разведчик,
Вербовал, секреты добывал,
Проводил, не зная страха, встречи
И проблем со слежкой не знал.

И, томясь в среде «дурного сброда»,
Он спасенья лучше не нашел,
Чем стезя предателя народа,
И к врагу в подштанниках ушёл...

Васин улыбнулся: «Как шедеврчик?
Трудно без блевотины читать!
В этом весь наш правдолюб-изменник,
Раз начав — не прекращает врать.

Что не «эпос» — тем забавней сказки!
Цель — себя и шефов обелить.
Их архив — лишь дрожжи для закваски —
Тесто лжи — его удел месить...

От всего, что месит лжеписатель,
Прет спецслужб Британии душок,
Что прикрыть пытались, в результате

Выдает невольно их дружок».

5. Лже-«Ледокол»

Солнце в небе ласково сияло,
Плыли кучевые облака,
От «Столичной», что в тени стояла,
Мы лишь треть отмерили пока.

Рыжий кот, что грелся с нами рядом,
Съев кусок одесской колбасы,
Как звезда военного парада,
Хвост подняв и наострив усы,

Не спеша проследовал к перрону,
Разогнал проворных воробьёв
И в тупик прошествовал к вагону,
Где имел, как видно, стол и кров.

Осушив по стопке за удачу,
Под селедки редкостный посол,
Я, пробел в познаниях не пряча,
Стрелку перевел на «Ледокол».

В нём полки советские считая,
Пальцы рук и даже ног загнув,
Лжеисторик рьяно убеждает:
Мы втянули Гитлера в войну.

Жаль, ею наставник поскупился —
Дать ему считалку пожалел,
Без неё бедняга так трудился,
Что, чеша затылок, облысел.

Чтоб прозреть, тревожу Алексея:
«Разъясни: он прав или не прав?
Ведь не зря ж взбрела в башку идея,
Чтобы врать, все истины поправ!»

Алексей заметил: «Между прочим,
Лжец, погрязший в танках и полках,
Ими нам не зря мозги морочит —
Пыжится остаться в дураках.

Знает истину того, о чём долдонит
Всякому проверить не дано,
Ну а он за стерлинги хоронит,
Что известно всем давным-давно.

Пыжится освоить
Как «историк»!
Что на тех, кто платит, — нет вины!
Только СССР хулы достоин
Как зачинщик проклятой войны.

Нет уж тех,
Кто сдал фашистам чехов,
Кто одобрил Австрии аншлюс,
Предал Польшу, чтоб помочь с успехом
Взять фашистам под прицел Союз.

Этот бред в «республике последний»
Сам же лжеисторик развенчал:
Черчилль — это факт, уже не бредни —
Нас столкнуть с фашистами мечтал.

Находясь в тисках морской блокады,
Не имея средств спасти страну,
«Переплавив на мечи» огады,
Шёл на всё, чтоб нас втянуть в войну

В МИД наш зачастили дипломаты,

Верность в клятвах музыкой лилась,
Лишь решили, что сплотиться надо, —
Гитлер в курсе...
Заявление ТАСС

Наши планы, суть переговоров,
О войсках, что развернуть брались, —
Все с «лихвой» фашисты знали скоро,
Сдали те, кто в верности клялись.

ТАСС британцев уличило в этом,
Обвинен не кто-нибудь — посол!..
Та «лихва» и обернулась бредом —
Из которой выплыл «Ледокол».

Гитлер сам таил к нам волчий голод
И лишь повод проглотить искал,
И британцы дали этот повод,
Черчилль после радость не скрывал».

«Бьют друг друга, — подытожил тут же,
В роковой для новой жертвы час, —
Пусть, чем больше перебьют — тем лучи
Для него, конечно, не для нас...

В Мюнхене кровавый меч ковался,
Есть за что Британии краснеть,
Зря Грызун её отмыть пытался —
Вечно за брехню в Аду гореть!»

6. Лже-«Очищение»

Солнце в небе к западу клонилось,
Средь листвы резвился ветерок,
У избушки, что в лесу курилась,
Что-то ел из миски кобелек.

А с избушки две вороны дружно
Вглядывались в то, что пес жевал,
И решили, что проверить нужно,
Чем он так усердно пировал.

Вмиг одна ворона приземлилась
Прямо перед самым носом пса
И нахально так вблизи крутилась,
Что у пса озлобились глаза.

И нахалку пес в порыве гнева
Прочь погнал от трапезы своей,
Но, пока он рядом с миской не был,
Клюв второй долбил добычу в ней.

Пёс погнался за второй воровкой,
Первая, не тратя время зря,
Подлетев, глотала со сноровкой
Из собачьей миски все подряд.

Оценив, как видно, степень риска
Проворонить пищу сгоряча,
Пёс уже не отходил от миски,
Доедал остатки, зло рыча.

Алексей смеялся: «Ну и птицы!
Показали на примере пса,
Что нельзя напрасно горячиться,
Даже если зло слезит глаза.

Время, успокоив вспышку злобы,
Даст её причину оценить,
Не спеша найти решение, чтобы
Самому себе не навредить...

Но не зря судьбою жертв расправы
Лжеисторик головы кружил,
Цель все та же: увести от правды,
Грех виновных утопить во лжи!

Спрятать тех, кто их оклеветали.
Дали повод Сталину — убрать,
Обезглавив армию, мечтали
Нас, как Польшу, Гитлеру отдать.

Ну, а где пригрелся лжеисторик?
Чей холуй готов прикрыть грешок?
Там в архивах и порыться стоит,
Прёт оттуда клеветы душок!»

7. Автору «Последней республики»

Подкатила наша электричка.
Опустевший — позади перрон.
Рельсов и вагонов — переключка.
Без границ раздолье — с двух сторон.

За окном березок белизною
Отплясала роща, как пурга;
Речка серебристою змеею
Уползла в крутые берега.

Сквозь мостов стальную паутину
Зеркалом сверкнула моря гладь,
Наступило время, взяв корзину,
На прощанье руки лишь пожать.

Жаль, что день стремительно промчался,
И уже его не повторить,
Счастье в том — он в памяти остался,
Есть о чем, припомнив, погрустить!

Дома перед сном из интереса
Пролистал вновь пасквиль Грызуна,
В коем он, как тот кобель у леса,
Ради фунтов зло рычит на нас.

Отобрал у Сталина Победу,
«Злой марксизм» в свидетели призвав,
О своём уме, кичась, поведал,
Дураками всех вождей признав.

Пыжится казаться другом нашим,
Слово «наш» нередко применял,
Позабыв — для нас он враг со стажем
С той поры как шкуру поменял.

Кем он стал для проданной Отчизны,
С тем клеймом, которого не смыть,
Кем живет и будет — после жизни,
Я готов, чтоб помнил, повторить:

«Предатель — не историк ты!»

Резун, то бишь «Суворов», брось!
Не пыжься в бездне клеветы
Прикрыть с надеждой на авось,
Что не подлец — историк ты!

Когда начетчик и схоласт
Берётся что-то доказать —
Хорошего не жди, не даст:
Из дважды — два получит пять!

Когда предатель слезы льет,
Пытаясь тщетно доказать,
Что предал свой, любя, народ,

Не верь — привык уже не врать.

Ужасно плохо, если вдруг
Предатель он же и схоласт,
Не отделив котлет от мух,
Святое — клевете предаст.

Пример: творенье Резуна —
«Последняя республика»
Где автор, выжив из ума,
Грызег «очко» от бублика!

В нем, взвесив факты, а не бред.
Любой читающий поймёт,
Лишь «мух отделишь от котлет» —
Все понимай наоборот!

Коль совесть Дьяволу продал
Он грешным взором му...ка,
В любом святом, что в грязь топтал,
Мог видеть только «дурака»!

И оппоненты, и вожди
В его, предателя, строках —
Другого от лжеца не жди —
Все оказались в «дураках»!

Василий Ловчиков

Октябрь 2003 г.

Ищите мужчину?

Бывшие коллеги Владимира Резуна (писательский псевдоним Суворов) рассказали «Трибуне» сенсационные подробности его измены.

Вот уже более десятилетия полки книжных магазинов пестрят громкими названиями книг одного из самых скандально известных перебежчиков эпохи «холодной войны» — бывшего сотрудника женевской резидентуры ГРУ Владимира Резуна, взявшего себе литературный псевдоним Виктор Суворов. «Аквариум», «Ледокол», «День М», «Контроль», «Освободители» — вот далеко не полный перечень произведений, подписанных этим псевдонимом. В книгах Суворова зачинщиком Великой Отечественной войны предстает не Гитлер, а Сталин, а методы работы советской разведки внушают благоговейный ужас непосвященному читателю. Как выразился один из наших историков, Суворов и стоящие за ним английские спецслужбы — мастера черное представлять белым, а белое превращать в голубое. И вправду: книги перебежчика, особенно в начале девяностых, были нарасхват, а сам автор получил ореол мученика и чуть ли не героя. Достаточно вспомнить строчки из суворовского «Аквариума», где бойко повествуется о том, как «прозревший» разведчик уходит из паучьих объятий тоталитарной системы. Вот он мчит на машине по гладкому автобану, а в ушах — отчаянный рык Высоцкого: «Идет охота на волков, идет охота на серых хищников, матерых и щенков!» Однако как и почему па самом деле уходил Резун-Суворов, автор «Аквариума» и «Ледокола» предпочитал скрывать. Но тайное стало явным. И оказалось, что в побеге отступника не было никакой героики, а были позорное малодушие и еще одни очень пикантные обстоятельства. Какие именно, удалось выяснить бывшему сослуживцу Резуна по ГРУ полковнику в отставке Александру КАДЕТОВУ. Недавно в издательстве «ОЛМА-пресс» вышла книга Кадетова, которая так и называется: «Как Виктор Суворов предавал „Аквариум“».

— **Давайте вначале уточним: Александр Кадетов ваше настоящее имя или псевдоним, как и у Суворова?**

— Псевдоним. Как и Суворов, я когда-то учился в суворовском училище. Думаю, что и он взял себе такой псевдоним именно по той же причине. Однако мне не хотелось бы называть своё настоящее имя и фамилию. Конечно, многие бывшие разведчики, которым довелось ранее работать в зарубежных резидентурах КГБ и ГРУ, не скрывают свое! о лица и подписывают! книги и мемуары подлинными фамилиями. Но, на мой взгляд, это не совсем правильно. Существуют! элементарные понятия этики. Представьте себе, что книгу, пусть даже с отредактированными подробностями оперативной работы, издадут на языке той страны, где раньше под «крышей» какого-нибудь торгового ведомства или редакционного корпункта трудился автор-разведчик. Это может иметь самые серьезные последствия для тех подданных этой страны, которые входили в круг его контактов. Ведь на Западе очень большое значение имеет общественное мнение. И если станет известно, что какой-нибудь бизнесмен или политик водил дружбу с работником российского полпредства или журналистом, оказавшимся разведчиком, то двери для него во многих домах окажутся закрытыми. И неважно, состоял ли он на агентурной связи или был просто приятным собеседником будущего писателя. Поэтому давайте договоримся о некоторых условностях. Называйте меня просто Александр Кадетов, и я буду спокоен за свою агентуру в тех странах, где мне довелось служить.

— **Судя по тому, что сказано в вашей книге, вы работали бок о бок с Резуном.**

— Мы служили в одном оперативном управлении. Он — под прикрытием представительства ООН в женевской резидентуре ГРУ. А я — в одной из соседних европейских стран. Был заместителем резидента, потом какое-то время исполнял обязанности резидента советской военной разведки в этом государстве.

— **Что вас побудило взяться за журналистское расследование: это было задание руководства ГРУ или же ваша собственная инициатива?**

— Ещё несколько лет назад, когда только начиналось победное шествие суворовского «Аквариума», меня задело за живое те ложь и откровенный цинизм, которые беззастенчиво использовал автор, описывая службу в ГРУ. Я сначала написал рецензию на эту книгу, но ее не напечатали. Тогда обратился к своим бывшим руководителям с просьбой помочь в сборе материала для написания книги-ответа предателю. Но уважаемый мною генерал, который был прекрасно осведомлен о деле Суворова, покачал головой: «А стоит ли? Собака лает, ветер носит». Но дальнейшие события показали, что на феномен предательства нельзя закрывать глаза, он подлежит глубокому изучению и преданию гласности. А то ведь дожили до того, что виноватых в измене как бы уже и нет. Всю вину теперь модно сваливать на систему.

— **И вот вам все-таки удалось заполучить богатый и во многом уникальный фактический материал по истории предательства Резуна-Суворова. Так что стояло за его побегом: вызов системе или же нечто другое?**

— Да какой там вызов! Этот человек был хронически не способен ни на какой более или менее решительный поступок. Те, кто работал с ним с 1974 по 1978 год в советской дипломатической колонии в Швейцарии, с безразличностью вспоминают, как старший лейтенант, а впоследствии капитан Володя Резун раболепно угождал начальству — возил по магазинам жен сменявшихся резидентов, сочинял стихи к именинам их мужей. Единственное, в чем преуспел Резун, так это в составлении информационно-аналитических отчетов о военной технике противника, данные для которых он собирал преимущественно в открытых источниках, западных газетах и журналах. А когда пришлось выполнять оперативное задание «в поле» — по закладке тайника, у него сдали нервы. Струхнувшего Резуна тогда подстраховал оказавшийся рядом заместитель резидента по оперативной работе.

— **В «Аквариуме» Суворов не без гордости пишет о том, как успешно работал в «добывании» — вербовал носителей важных секретов, достаивался благодарностей Центра...**

— Единственным его ценным, как тогда казалось, контактом был редактор журнала «Международное обозрение» англичанин Рональд Фурлонг, с помощью которого Резун раздобыл описание нового наговского танка «Леопард-2» и технические характеристики некоторых других видов техники, состоявшей на вооружении в странах НАТО. Но позже выяснилось, что Фурлонг был на самом деле кадровым сотрудником английской разведки СИС («Сикрет интеллидженс сервис») и всего лишь ловко играл роль вербуемого. На самом же деле на связи с Фурлонгом англичане завербовали самого Резуна...

— **Вы утверждаете, что Резун попался на проявлении нетрадиционной сексуальной ориентации, что было засвидетельствовано скрытой видеочкамерой, установленной на квартире и в офисе Фурлонга. А где же были прямые начальники Резуна, которые посылали его в разведку и наверняка знали о нем все, вплоть до седьмого колена?**

— Во-первых, я это утверждаю на основе доподлинных фактов, которые стали мне известны. Вообще говоря, вербовка на гомосексуальной связи не приветствуется в спецслужбах Её Величества. Коллеги легендарного Джеймса Бонда очень дорожат своей репутацией. Но случай с Резуном — особый. Руководство швейцарской резидентуры СИС использовало своего сотрудника Фурлонга, что называется, втемную: он не подозревал, что о его любовной связи с русским уже известно ушлomu резиденту Тиру. Но англичане хотя бы заранее вычислили среди своих «голубую ворону». А вот наши — проморгали. Что тут сказать? Во-первых, за основу отбора в зарубежные резидентуры бралась прежде всего пресловутая верность идеалам коммунизма, а уж потом — все остальные качества, жизненно необходимые для разведчика.

Этим во многом и объясняются ошибки при утверждении кандидатур в заграникомандировки. Таких трагических ошибок в прежнее время было, конечно, не так много. А предательство в ГРУ или КГБ и вообще было редким явлением. Однако даже отдельные случаи прожектерства, использования родственных связей или высокого служебного положения очень вредили разведке. Между прочим, сам же Резун в своей книжке написал: «Я знаю, что если меня в „Аквариум“ примут, то это будет большая ошибка советской разведки». В чем-чем, а в этом с ним можно полностью согласиться. К слову сказать, когда мое расследование предательства Резуна было опубликовано, со мной связался бывший начальник стратегического направления, курировавший в том числе и женевскую резидентуру ГРУ, капитан первого ранга в отставке Валерий Петрович Калинин. Когда речь зашла о «голубом» следе в деле предателя, Калинин признался, что в свое время подозревал Резуна в нетрадиционной ориентации. Но подозрения и факты — вещи разные.

— **Насколько известно, вам удалось копнуть гораздо глубже, чем высокой комиссии, утверждавшей Резуна в заграникомандировку 28 лет назад...**

— Если честно, это оказалось не таким уж сложным делом. Достаточно было ознакомиться с характеристикой на выпускника Воронежского суворовского училища 1965 года Резуна В.Б., где говорится о его средних умственных и физических способностях, застенчивости, робости, чрезмерной раздражительности. Эти перечисленные в скупых строках официальной характеристики черты заставили насторожиться. А более полную характеристику Резуну дали его однокашники по училищу. Выяснилось, что ещё с молодых ногтей низкорослый, толстозадый и румяный, как девка, Володя Резун страдал комплексом неполноценности. И, похоже, не было ничего особенно удивительного в том, что он не сумел отвергнуть домогательств курсанта К., который, по рассказам суворовцев, сжимал Резуна в крепких объятиях и заставлял отвечать на ласки. Вот такая патология.

— **Вы пишете, что после вербовки сотрудниками английской разведки и вплоть до побега Резун, собственно говоря, еще и не успел выдать никаких секретов. Чего же было гнать лошадей и переправляться в Англию?**

— Сказалась неуравновешенность этого человека и склонность поддаваться панике. Конечно, если бы после предъявленных англичанами улики Резун во всем сознался резиденту генералу Александрову, то «голубого» разведчика тут же отозвали бы в Москву и скорее всего погнали бы из ГРУ. Зато избежал бы клейма предателя. Но привычка к красивой жизни за рубежом оказалась так сильна, что перспектива отъезда на Родину представлялась ему самой страшной катастрофой. На этом и сыграли англичане. Они предъявили ему фальшивую телеграмму, якобы перехваченную ими в советском посольстве. Из телеграммы следовало, что советскому послу в Швейцарии Лаврову по распоряжению министра иностранных дел Громыко надлежит ближайшим рейсом «Аэрофлота» 10 июня 1978 года отправить Резуна с семьей в Москву. Увидев эту телеграмму, показанную ему накануне вечером, Резун пришел в ужас и тут же согласился с предложением английской разведки просить политическое убежище в туманном Альбионе. В обмен на защиту Её Величества Резун принял активно сотрудничать с британскими спецслужбами. Он сдал англичанам всех известных ему «крышевиков» — сотрудников советской разведки, которые работали в Швейцарии под прикрытием, выдал структуру женевской резидентуры, выболтал другие тайны.

— **Почему-то многих перебежчиков иностранные спецслужбы, и в частности английские, раскручивают в качестве писателей. Взять Гордиевского, Литвиненко. А у Резуна и вовсе вышло уже десятка полтора произведений...**

— Но если вы сравните стиль «Аквариума» и, например, суворовской же книги «Советская военная разведка» или «Ледокол», то нетрудно почувствовать, что эти труды вряд ли написаны одним и тем же человеком. Это объясняется просто: существовал заказ на написание той или иной книги, и над разработкой этого заказа, а также над его литературным исполнением работала целая команда специалистов.

— **А известна ли вам реакция на ваше расследование самого Резуна-Суворова?**

— Пока что нет. Ноя знаю одного журналиста, которому иногда из Лондона звонит Резун. По его словам, в последнее время предатель обыкновенно выходит на связь с Родиной совершенно пьяным. Если, прочтя мою книгу, Резун так сильно напьется, что не сможет наутро проснуться, то я огорчусь не сильно. Хотя мне, как офицеру разведки, хотелось бы присутствовать на суде над этим изменником и посмотреть ему в глаза. Предательство должно быть наказано. И не только жестокой ностальгией, запоями и презрением тех, кто знал предателя в его прошлой жизни. Впрочем, как говорят, самая суровая кара — это та, которая исходит из собственной души отступника...

Беседовал Дмитрий СЕВРЮКОВ

Приложение 4 МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

Операция «Наполеон»

В преддверии очередной годовщины нападения Германии на СССР уже в традицию вошло переосмысление этого трагического события. Снова и снова анализируются факты, опять и опять пытаются профессионалы и дилетанты выяснить истинные причины обвалных поражений первого периода Великой Отечественной войны. А в последнее десятилетие не обходится без того, чтобы не вспомнить о «Ледоколе» и «Дне М» — книгах беглого сотрудника швейцарской резидентуры ГРУ Владимира Резуна, принявшего псевдоним Виктор Суворов. В этих книгах он выдвинул скандальную версию, согласно которой, если бы Гитлер не приказал вторгнуться в СССР 22 июня 1941 года, ровно через две недели приказ отдал бы Сталин. Как понимаете, его целью была бы Германия.

Эти сочинения принесли Резуну прямо-таки планетарную известность и весьма неплохие доходы. Однако до недавнего времени о личности самого Резуна, о его биографии сколько-нибудь достоверных сведений не имелось. И только в прошлом году и московском издательстве «ОЛМА-пресс» вышла книга Александра Кадетова, в которой бывший сотрудник ГРУ, полковник в отставке, раскрывает многие события жизни В. Резуна, базируясь на документах советской военной разведки. Особенно подробно описывает он факты, которые привели к бегству Резуна в Англию.

Сам Владимир Резун это бегство называет не изменой Родине, а «уходом на Запад». В книге «Аквариум» он пишет: «Но на один вопрос я обязан ответить сам себе: бегу я, потому что ненавижу систему давно, я всегда был против нее, я готов был рисковать головой ради того, чтобы заменить существующую систему чем угодно, даже военной диктатурой». Но еще до «Аквариума» в книге «Советская военная разведка», изданной в Лондоне в 1984 году, Резун причину своего предательства сформулировал по-другому: «Когда я работал в ГРУ, у меня было две дороги: либо покончить жизнь самоубийством, либо бежать на Запад. Я избрал второй путь, который ничуть не легче первого».

Однако в интервью, напечатанном «Московскими новостями» в № 14 от 3–9 апреля 2001 года, свой «уход на Запад» Резун объяснил совсем иначе: «Я обеспечивал начальника... Он шел на агентурную связь, а я его вывозил. Так он свою неудачу свалил на меня, что, дескать, я не обеспечил... Передо мной встала дилемма: или я стреляюсь, или иду на „конвейер“. За чужую вину меня бы стерли в порошок».

Как видим, сам Резун за два с лишним десятилетия, прошедшие после его предательства, так и не выработал единую версию, которая бы объясняла его причину. Единственное, во всех вариантах у него присутствует мотив неизбежной необходимости самоубийства. Согласно же книге Александра Кадетова, эта причина ничего общего не имеет ни с неприятием советского строя, ни со служебными неурядицами. Бегство Резуна было результатом операции под кодовым наименованием «Наполеон», разработанной и проведенной английской разведкой МИ-6. Эта операция, кстати, названа была «Наполеон» по оперативной кличке, которую англичане присвоили Резуну, разрабатывая его вербовку. Не правда ли, забавно, что все его клички — избранная и навешанная — из ряда фамилий великих полководцев, с которыми у Резуна нет ничего общего ни во внешности, ни в судьбе.

Резидентура МИ-6 в Швейцарии обратила на Резуна внимание в 1977 году, когда он познакомился с ее сотрудником, редактором журнала «Международное военное обозрение» Рональдом Фурлонгом. Тот предоставил Резуну информационные материалы, опираясь на которые он смог составить ряд оперативных сводок, весьма положительно встреченных в Москве. Тогдашний резидент ГРУ в Швейцарии генерал Готов знакомство Резуна с Фурлонгом одобрил и порекомендовал ему «прощупать» англичанина на предмет возможной вербовки.

И Резун зачастил в редакцию «Международного военного обозрения». Но после пятой или шестой встречи в его отношениях с Фурлонгом произошло нечто непредвиденное. Вот как об этом пишет Кадетов: «Советский дипломат посетил его редакцию впервые в апреле 1977 года. В глаза Рональду сразу бросились округлости его фигуры, пухлые женские губы, румяные, как у девушки, щеки. Как опытный гомосексуалист Фурлонг сразу безошибочно определил, что перед ним стоит возможный сексуальный партнёр...»

И англичанин действительно не ошибся. Александр Кадетов сообщает о некоторых гомосексуальных контактах Резуна в прошлом. Они имели место еще во время его учебы в Воронежском суворовском училище, а после его расформирования — в Калининском. Описана также вполне эротическая сценка свидания Резуна с начальником разведотдела армии, где он служил. И, чтобы покончить с дурнопахнущим вопросом сексуальной ориентации Резуна, следует добавить, что он уже был женат, имел двоих детей, следовательно, был бисексуалом.

Сведения, приводимые Александром Кадетовым в его книге, не только скандальны, но и сенсационны. Естественно, ничего такого в рассказах самого Резуна о своей жизни вы не отыщете. Ибо эти рассказы, в сущности, не что иное, как вымышленная версия реальных событий, что-то вроде «легенды» шпиона, которой он придерживается в своей работе. К примеру, Резун рассказывает, что принимал участие во вводе советских войск в Чехословакию, командуя танковой ротой. Но это событие произошло в августе 1968 года, когда выпускник Киевского общевойскового командного училища лейтенант Резун только прибыл во Львов и был назначен командиром взвода. Впрочем, и взводом-то прокомандовал он всего несколько месяцев, потому что был откомандирован в разведотдел армии. На этом, собственно, строевая служба Резуна и завершилась.

В 1970 году он был направлен на годичную стажировку в разведотдел Приволжского военного округа, в г. Куйбышев. А через год зачислен в Военно-дипломатическую академию. В своей книге А. Кадетов не раз подчеркивает, что Резуна по службе продвигали какие-то весьма влиятельные связи. Он пишет: «Никто не знает, кто его протасил в Военно-дипломатическую академию в нарушение всех нормативов приема, практически без службы в войсках».

И в самом деле, по положению кандидаты в нее отбираются из войсковых офицеров, не менее пяти лет прослуживших в частях спецназа и других подразделениях ГРУ ГШ. Как понимаете, к такой категории Резун не принадлежал. Сама же академия, в сущности, была типичной школой для подготовки шпионов, а не высшим учебным заведением в общепризнанном понятии. И проходили в ней весь комплекс шпионских же дисциплин, а не стратегию и оперативное искусство, как не раз утверждал Резун в своих писаниях. Еще одна порция в море лжи, затопившем эти писания.

Как бы то ни было, по окончании ВДА, осенью 1974 года Резун с женой Татьяной и дочерью Оксаной прибыл в Женеву, официально — на должность атташе советского представительства при отделении ООН. А в действительности — в качестве младшего сотрудника женевской резидентуры ГРУ.

Сам Резун в книгах и интервью не раз хвастливо рассказывал о своих оперативных успехах, вербовал-де, мол, многих иностранцев, которые стали весьма ценными агентами. На деле же, согласно Кадетову, он собирал только открытую информацию и составлял из ее данных сводки для Центра. Единственный, с кем Резуну удалось вступить в контакт, был Рональд Фурлонг. Но и этот контакт был организован английской разведкой.

В ее швейцарской резидентуре знали о гомосексуальных свиданиях своего сотрудника с советским офицером и решили использовать их для его вербовки.

С помощью швейцарского контрразведчика Фрица Шварцбергера на квартире Фурлонга была установлена аудио- и видеоаппаратура прослушивания. И уже вскоре резидент британской разведки в Швейцарии О'Брайн Тир получил пленки, на которых были запечатлены все подробности свиданий Резуна с Фурлонгом. Англичане решили, что такие материалы вполне пригодны для вербовочной операции.

Однако, зная бисексуальную ориентацию Резуна, британский резидент решил усилить компромат, предоставив русскому возможность сожительства с женщиной. Для этой цели избрали соседку Резуна по лестничной площадке, англичанку, которая за соответствующее вознаграждение согласилась с ним переспать. На ее квартире была также установлена соответствующая аппаратура. Интимной близости Резуна с этой дамой способствовало отсутствие жены, которая уехала в Союз рожать второго ребенка. Свидание состоялось, и британский резидент посчитал, что компромата теперь вполне достаточно для вербовки Резуна. С этой целью его пригласили в Цюрих, в редакцию военного журнала «Армада». Предлогом послужил приезд в Цюрих видного представителя Стокгольмского института военных исследований («Сипри») доктора Брауна. Резун получил «добро» своего нового начальника, генерала Александрова, и в апреле 1978 года приехал в Цюрих. Доктор Браун также был сотрудником МИ-6. Он подарил Резуну большой сборник информационных материалов «Сипри», чем вызвал у того величайшее удовлетворение. Еще бы! Резун представил себе, сколько сводок он пошлет в Москву, используя этот сборник. Затем он отправился в редакцию «Армады», где его встретил сам резидент О'Брайн Тир, представившийся доктором Фишером. После вполне дружелюбной беседы он предложил Резуну просмотреть некоторые интересные кадры, нажал кнопку пульта, и на экране телевизора появились сцены интимных встреч с Фурлонгом и англичанкой. Александр Кадетов пишет: «То, что он увидел на экране, могло присниться ему только в самом кошмарном сне. Резун закрыл глаза и прошептал упавшим голосом: „Выключите, пожалуйста“».

Резидент откровенно предложил Резуну стать британским агентом, ибо в случае его отказа эти пленки могут быть показаны другим заинтересованным лицам. Поскольку ситуация была безвыходной, условным звонком в редакцию «Армады» Резун сообщил о своём согласии.

Лондон через Фурлонга подбрасывал своему новоиспеченному агенту специально подготовленные материалы, из которых он лепил сводки, вызывавшие в Москве вполне благожелательный отклик. Так продолжалось несколько месяцев. Однако за Резуном присматривали не только англичане. Летом того же года он был вызван к генералу Александрову, который, не стесняясь в выражениях, сообщил, что знает в деталях о его интимных встречах с соседкой по лестничной клетке, и выгнал Резуна из кабинета. Резун понял, что его ожидает скорая депортация в Союз, а там в лучшем случае его просто вытурят из ГРУ. А в худшем?

Когда о произошедшем стало известно в британской резиден-туре, там решили, что отъезд Резуна означает потерю его как агента в советской военной разведке. О'Брайн запросил Лондон и получил «добро» на немедленный вывоз Резуна и его семьи в Англию, о чем сразу же и сообщил ему. По недолгом размышлении Резун с женой приняли предложение английских разведчиков, и в ту же ночь вся семья была вывезена из Женевы и спрятана на лесной вилле британского посольства. Через два дня специальным самолетом их вывезли в Лондон.

О первом периоде пребывания перебежчика в Англии Александр Кадетов пишет: «Резун подробно отвечал на все вопросы, поставленные английскими разведчиками, назвал сотни фамилий... На многих дал подробные характеристики, назвал адреса учреждений и войсковых частей, где ему приходилось бывать. Память у него была отменная...»

Объем газетного очерка не позволяет детально изложить весь материал книги Александра Кадетова, пришлось бы цитировать целыми страницами. Но, думается, и приведенных здесь фактов достаточно, чтобы высветить многие неизвестные доселе места биографии Резуна, напроочь перечеркивая придуманную им самим «легенду». И вместо борца с порочным советским строем, вместо жертвы произвола бездарного начальника-самодура перед нами возникает непривлекательная фигура предателя, вынужденного срочно бежать с места преступления.

Марк Штеинберг

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда версталась эта книга...

Когда я впервые читал книгу предателя Резуна «Аквариум», состряпанную с помощью английских спецслужб, обратил внимание на некоторые фрагменты, в которых, несомненно, угадывался и сам автор.

Многочисленные обращения к женскому полу, спонтанное желание разрядить автомат на площади спящего города и подобные выходки наводили меня на мысли, что у автора не все в порядке с психикой.

Что касается его гомосексуализма, мне было об этом известно из совершенно достоверных источников. О психических расстройствах, возможно о шизофрении, можно было только догадываться, но не утверждать. Но как говорится, на охотника и зверь бежит. Мои догадки подтвердились документально.

Предатель Резун не только гомосексуалист, но и психически ненормальный человек, наследственный шизофреник.

Как же так, возразит любознательный читатель или Юлия Латынина, собственный корреспондент газеты «Новая газета», страстно защищающая предателя и обливающая помоями ГРУ. Всеведущая советская разведка пропустила такого типа в «святая святых», допустила такую оплошность? Быть не может! Ведь бывший начальник Резуна капитан 1 ранга Калинин В.П. на страницах «Независимой газеты» в 1993 году в статье «Кто вы, капитан Резун?» исключал у предателя отклонения в нормах поведения, в психике, в чрезмерных увлечениях.

На это я могу ответить только одно: и на старуху бывает проруха. Английская разведка, которая завербовала предателя, не допускает в свои ряды гомосексуалистов и людей с психическими отклонениями. Однако и она не доглядела за своим Фурлонгом, не говоря уже о руководителе СИС Олдфилде.

Ну а теперь перейдем к фактам, с учетом того, что медицина очень осторожно подходит к постановке диагноза по шизофрении. Итак, по порядку. Я уложу полученные мною факты, а читатель пусть сам судит.

У Резуна в детском возрасте, по свидетельству очевидцев, наблюдались случаи кратковременного психического расстройства, похожие на симптомы эпилепсии.

Примерно в 2-летнем возрасте у него наблюдались припадки, когда он падал на землю без какой-либо видимой причины и терял при этом сознание. Наблюдались при этом судорожные явления. Такое состояние длилось несколько минут, затем он спал в течение пяти часов подряд.

Во время учебы в Калининском суворовском военном училище был случай, когда Резун, стоя в строю, упал лицом на землю без видимых причин. Случай по своему характеру напоминал детский с теми же симптомами.

Во время учебы в Академии Советской армии на экзаменах Резун получил по любимому предмету оценку «хорошо» и упал в обморок.

Аналогичные эпизоды отмечались с Резуном неоднократно и проявлялись в различных формах, не свойственных нормальным людям. Некоторые из них описаны в книге.

Причины отклонений в поведении Резуна, возможно, надо искать в его наследственности. Полученные документы, в частности, свидетельствуют об этом.

Тётя Резуна по линии отца (родная сестра отца) согласно справке из психдиспансера болела шизофренией с диагнозом — «поздний шизообразный депрессивно-соматический синдром» (наиболее тяжелая форма шизофрении).

Дед Резуна Богдан Васильевич в 1978 году покончил жизнь самоубийством, повесился. Случай описан в книге.

Родной брат бабушки Резуна по линии отца на почве психического заболевания покончил жизнь самоубийством. До этого он лечился в психиатрической больнице.

Прабабушка Резуна по линии отца покончила жизнь самоубийством. По свидетельству очевидцев совершила это демонстративно, привязав на шею камень, утопилась в пруду.

Таким образом, прослеживается определенная закономерная генетическая связь психических заболеваний, которая могла наследоваться Резуном и привести в дальнейшем к роковым последствиям в его судьбе.

Автор располагает копиями документов из психдиспансера и психиатрических больниц, которые подтверждают наличие психических отклонений у родственников Резуна по линии отца.

Автор не считает возможным приводить эти документы, поскольку руководствуется заповедью Гипократа: «Не навреди живущим внукам и правнукам».